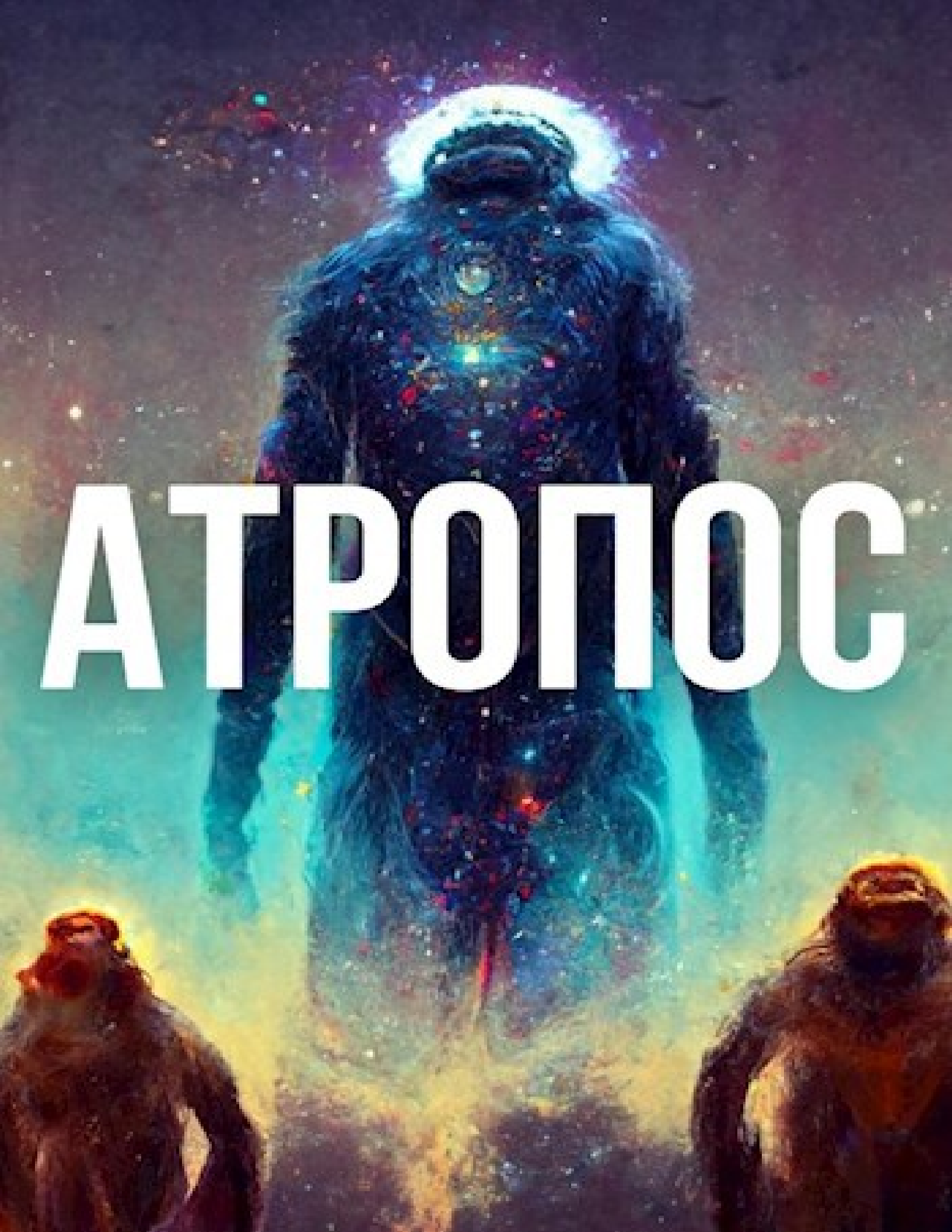

АТРОПОС

Что будет через 200 лет? Через 1000? Через миллионы лет? Куда приведет технологический прогресс? Оружие на антивеществе — хорошая или плохая идея? Конец света — реально конец или очередное начало? Искусственный интеллект — друг или враг? Что если выживание всего человечества будет зависеть от машины и принимаемых ею решений? Как вообще выжить на планете, ставшей непригодной для выживания? Может, прибегнуть к генной инженерии и поторопить эволюцию? И что потом? Останутся ли люди людьми? Что вообще делает нас людьми? И в чем наше предназначение?

Ответы вы найдете внутри.

Глава 1. Лахесис

В древнегреческой мифологии существовали мойры — богини судьбы. Всего их было три: Лахесис — дающая жребий ещё до рождения человека, Клото — прядущая нить человеческой жизни, Атропос — неотвратимая, неуклонно приближающая будущее.

Последние лучи солнца рассекали слои застоявшегося горячего воздуха над горизонтом. Красно-фиолетовое зарево заката ознаменовало конец еще одного учебного дня. Раздался звуковой сигнал, и будущие астронавты принялись складывать учебные принадлежности в свои универсальные сумки серебристого цвета. Впереди их ждали ужин и вечерняя прогулка.

Студенты аэрокосмической академии двигались мерным потоком по освещенным свечами коридорам. В желтом полумраке они находили свои комнаты и скрывались за их дверями. Друг с другом они не разговаривали. После 12 часового обучения им требовалось время, чтобы переварить информацию и вернуть себе способность произносить слова. Как правило, данная способность начинала возвращаться к ним после ужина.

Миша брел по коридору, стараясь не наступать на пятки впереди идущим. Его комната находилась за первым поворотом и, по большому счету, ему не требовался и свет, чтобы до нее добраться. Он мог бы отыскать ее даже в полной темноте. Карта всех коридоров учебного комплекса уже давно укрепилась в его голове. От природы ему достались феноменальные умственные и физические способности. Впрочем, то же можно было сказать о каждом студенте академии без исключения. Лишь лучшие из лучших удостоивались чести обучаться в ее стенах. Однако даже среди них он выделялся исключительной преданностью делу, упорством, прилежностью и непоколебимой самодисциплиной, которые вывели его в верхние строчки табеля успеваемости.

Миша закрыл за собой дверь в комнату и автоматически подхватил коробок спичек, лежавший на столике возле двери. Ловким движением пальцев он открыл коробок, достал из него спичку свободной рукой и, чиркнув о шершавый борт, поджег ее. Комнату, обставленную по всем традициям минимализма, осветил бледный мерцающий свет. По углам были расставлены кровати, с примыкающими к ним небольшими тумбочками на маленьких ножках. Голые стены, были окрашены в белый цвет, в их глянцевой поверхности отражалось одинокое окно. В белой комнате не было ничего лишнего, ничего, что могло бы дать намек об увлечениях и интересах ее постояльцев.

Миша обошел четыре прикроватных тумбочки и разжег свечи, стоявшие на них. В комнате стало не намного светлее, но для вечерних процедур этого было вполне достаточно. Миша сел на свою кровать, сумку задвинул под нее. Больше она ему в тот день не требовалась.

Орбиты и орбитали, уравнения и интегралы, измерение массы планеты, параболическое и гиперболическое движение, прицельная дальность, поджатие траектории, эффективный радиус планеты, связь между временем и положением на орбите, определение положения тела, определение орбиты по наблюдениям, угловая дальность, координаты конечной точки траектории, задача двух тел, задача трех тел — эти и многие другие тезисы сталкивались и разлетались внутри Мишиного черепа, словно элементы хаотической системы. Только плотный ужин, крепкий сон и время могли расставить все эти знания по нужным местам. До тех пор пока это не произошло, Миша сидел на кровати, уставившись в одну точку перед собой. В переливах света, отраженном на лакированном дощатом полу, ему мерещились

огни далеких галактик, вращающиеся по эллиптическим орбитам планеты, пронзающие пространство кометы и величественные сверхмассивные черные дыры. Но даже они были лишь статистами в Мишиных фантазиях. Расталкивая всех своими толстыми круглыми боками, на первый план неизменно выходил и располагался в центре он, бог неба и дневного света, отец всех богов, Юпитер. Об этой красноглазой планете Миша грезил с тех пор, как узнал, что между ним и Марсом находится цель их миссии — пояс астероидов. Вот если бы...

Мишины размышления прервали. Дверь широко распахнулась, и в комнату вошли трое сожителей: Ваня, Дима и Родион. Поток воздуха пощекотал свечи, и языки пламени робко задрожали. Миша повернул голову к входу и вновь обрел ясность мышления. Ребята расселись по своим кроватям и принялись доставать деревянные кружки из своих прикроватных тумбочек. Близилось время ужина.

Несмотря на то, что они не ели почти сутки, не сказать, чтобы они сильно проголодались. Так или иначе, когда ты живешь долгое время в одном режиме, организм невольно начинает функционировать по расписанию. Поэтому в тот самый миг, когда по коридору разлетелся звук тромбона, служащий призывом к ужину, их желудки принялись за работу.

Ужин подавался прямо в комнаты по специальным трубам. Ребята шутливо называли их пищеводами, хотя, конечно, правильнее было бы называть их пищевыводами. Тромбон отыгрывал три долгие ноты, и "пищеводы" начинали вибрировать. Вибрация передавалась на стены, и вскоре весь жилой комплекс наполнялся низким гулом.

Вместе со своими кружками жильцы комнаты выстроились перед краном в углу. По очереди они спешили наполнить их. Кран открывался, и подставленная глубокая кружка наполнялась до самых краев. По комнате разносился запах сладкого картофеля, моркови, брокколи, сочного говяжьего стейка, нотки паприки и базилика. Отдаленно можно было распознать ароматы мандарина, имбиря и кардамона. Кто-то даже умудрялся услышать в этой композиции отголоски вишни, груши, сушеного лосося и розмарина. Однако глядя на красно-зелено-коричневую жидкость в кружке трудно было сказать, из чего она состояла на самом деле и какие ингредиенты использовались при ее изготовлении. Никто не видел, как ее производят, никто и не задавался этим вопросом. Этой смесью они питались с раннего детства. Вот уже 15 лет они выпивали кружку питательной жидкости раз в сутки в одно и то же время и не чувствовали себя голодными вплоть до того же времени следующего дня.

Мишин желудок наполнился теплым ужином, и он ощутил прилив сил. Помыв кружку в раковине, он вернул ее в тумбочку, а сам растянулся на кровати во весь рост, подложив руки под голову. Юпитер, Марс, пояс астероидов и Лаксис были в его мыслях.

— Что, снова думаешь о нашей миссии? — только что закончивший трапезу Родион прервал затянувшееся молчание и обратился к Мише с привычным вопросом.

— Да, — не поворачивая головы в сторону собеседника, кратко ответил Миша. В действительности думал о множестве самых разных вещей одновременно, но ему не хотелось тратить время на пространные описания и объяснения. Своим кратким ответом он ясно давал понять, что не настроен на разговоры.

Но Родион не унимался. Ему нужно было куда-то потратить энергию, поступившую вместе с ужином.

— Снова пойдешь смотреть на него после отбоя?

Миша промолчал.

— Не понимаю я тебя, Миша. Вот что там интересного? На занятиях мы видели все фотографии всех космических объектов, которые попадали в объективы наших мощнейших телескопов за всю историю их существования. И это даже не преувеличение. Мы действительно видели их все. Это подтвердил сам Ц.И., а его словам, как известно, можно было доверять всегда и во всем. Мы видели все планеты солнечной системы, снятые с разных ракурсов и в разных степенях увеличения. А ты все продолжаешь брать свой «карманный» телескоп и пытаешься высмотреть что-то новое на Юпитере. Не пройдет и месяца, как мы сами отправимся в космос и лично сможем наблюдать за Юпитером так же близко, как ты видишь Луну в ночном небе. Находясь на таком близком расстоянии, Юпитер заполнит собой все пространство, и ты сможешь разглядеть на нем все вихри, циклоны и атмосферные возмущения невооруженным глазом. Так какой смысл смотреть на него каждую ночь в этот игрушечный телескоп? Нет в этом никакого смысла.

Миша продолжал молчать. Он не придавал большого значения замечаниям Родиона и не ожидал от него понимания. Родиона он считал человеком легкомысленным, ветреным, ненадежным. Его удивляло, что такой человек, как он, смог поступить в академию и был выбран для участия в миссии, от которой зависело будущее нового человечества.

— А Лахесис, — не мог никак успокоиться Родион, — Мы с тобой не так давно изучили все узлы и агрегаты корабля, облазили его вдоль и поперек на практических занятиях, понажимали на все кнопки и потянули за все рычаги, а ты все продолжаешь таращиться на него, как баран на новые ворота. Честное слово, не понять мне тебя, — встретив безразличие со стороны своего оппонента, Родион хмыкнул и отвернулся к стене.

Как Миша, Ваня, Дима и все остальные учащиеся академии, с самого детства он мечтал о покорении космоса, дальних мирах, других цивилизациях и приключениях на других планетах, но почти достигнув своей цели, он словно перегорел. Он хотел бы так же нетерпеливо ждать дня полета и бегать по ночам посмотреть на космолет, который отправит их в космос, но не мог. Он ощущал лишь отчужденность, беспокойство и какое-то новое неведомое ему ранее чувство — страх перед неизвестностью. Возможно, поэтому он напускал на себя вид заостенелого циника и всеми силами пытался изобразить безразличие к миссии.

Мелодичная гитара пропела несколько знакомых нот, и, как по команде, ребята синхронно встали со своих кроватей и направились к выходу из комнаты. Коридоры заполнились поевшими и отдохнувшими студентами, которые двигались в направлении выхода из здания, чтобы провести вечернюю прогулку. Ночь была темной, тучи заслоняли все источники небесного света, и студентам приходилось ориентироваться практически в полной темноте.

Где-то впереди вдруг разгорелось яркое пламя и осветило первые ряды собравшихся в колонну студентов. Дежурные по освещению принялись исполнять свои обязанности. Они шли впереди, и в темноте вдоль дорожек вспыхивали новые огни. Факелы теперь освещали путь, и в огненных их лучах можно было наблюдать текущую по воздуху серебристую дымку. Она отрывалась от нагретого за день асфальта и поднималась ввысь прямо к верхушкам молодых сосен. Вскоре километр дороги превратился в две пунктирные линии, замкнутые в кольцо, и студенты принялись наматывать по нему круги. То тут, то там слышались разговоры.

— Как думаешь, почему они так поступили? — спросил Родион.

— Кто они? — Миша не сразу сообразил, о ком шла речь.

— Люди электрической эры. Почему они поступили так эгоистично? Почему оставили планету вместо того чтобы попытаться ей помочь?

Миша обычно прохладно относился к его попыткам и не отвечал на них взаимностью. Он не испытывал к Родиону никаких отрицательных чувств, впрочем, как и положительных. Их связывали исключительно товарищеские отношения, лишённые того доверия и открытости, которые свойственны дружбе, и он не торопился открывать ему свои мысли и переживания. Чаще всего, он давал краткие закрытые ответы, исключающие возможность продолжения беседы. Но в этот раз слова Родиона зацепили его.

— Сергей Павлович нам все это объяснял в рамках курса мировой истории. Ты, наверное, пропустил это все мимо ушей, — Миша принялся цитировать преподавателя, — «Люди электрической эры практически уничтожили экосистему Земли во время четвертой мировой войны 1000 лет назад. В результате войны погибли миллионы живых организмов, а именно 99 % наземной флоры и фауны. Подземным ее обитателям и подводным повезло немногим больше. У них потери составили 90 и 88 процентов соответственно. Ракеты с боеголовками на антивеществе превратили поверхность планеты в кратерные долины. Место, куда попадала ракета, тотчас же аннигилировало, исчезало из реальности, как будто его никогда не существовало. Огромные куски суши, лесов, рек, озер, побережий морей и океанов выдирались с поверхности Земли ровными круглыми кусками, словно лопаткой для мороженого, и разлетались квадриллионами мельчайших частиц во всех направлениях. Высвобождение столь огромного количества энергии привело к нагреву внутреннего ядра планеты, землетрясениям, цунами, смерчам, пробуждению вулканов и их всеобщему извержению. Подумать только, война, длившаяся всего 2 недели, привела к последствиям, которые затянулись на столетия и продолжаются по сей день. Когда же все закончилось, и уцелевшие люди вышли на поверхность, они ужаснулись содеянному. Планета, бывшая для них домом, превратилась в безжизненный усеянный рытвинами котлован. Большая часть суши оказалась покрыта водой, а воздух был пропитан вулканическими газами. Это была совершенно другая планета, жизнь на которой стала для людей невозможной. Поэтому они и приняли решение покинуть ее и заселить новую планету.»

— Я прекрасно помню эту историю и помню экскурсию за пределы академии, помню как сейчас все те разрушения последней войны, десятикилометровые кратеры с идеально ровными стенками, отсутствие малейших признаков жизни и то гнетущее отчаянье, что вызывают все эти картины. Такое трудно забыть. Но это не ответ на мой вопрос.

— Я не понимаю, ты хотел бы, чтобы они остались и умерли не в силах ничего изменить. Что бы это дало?

— Да, ты не понимаешь меня... Мы же остались тут, мы выжили. Так почему они не смогли? Почему не взяли на себя ответственность за свои деяния?

— Ты точно плохо слушал нашего историка. Мы живем лишь благодаря Ц.И. и его компонентам. Они собрали горстку выживших людей и на базе подводного исследовательского центра создали для них, наших предков, замкнутый город в океане, снабдили его всем необходимым: атмосферой, питьевой водой, едой, минимумом необходимых ресурсов. Ты хоть представляешь, каких трудов им далось все это добыть на планете, которая утратила все свое биоразнообразие, растеряла все природные ресурсы, накопленные миллионами лет? Всем, что у нас есть сейчас, мы обязаны Ц.И. Если бы не он, мы бы с тобой сейчас не вели беседы на вечерней прогулке. Те люди, что улетели, просто бросили нас здесь погибать. А почему они так поступили? Да какая разница. Они —

злейшие враги человечества. Мне противна сама мысль, что мы принадлежим к одному биологическому роду. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— Ладно, забудь. Не стоило начинать этот разговор.

— Как знаешь.

Больше они в тот вечер не разговаривали. И когда прозвучала флейта, все уже лежали по своим кроватям и готовились ко сну. После долгого учебного дня, сон не заставлял себя долго ждать. Один только Миша не спал. Вот уже 2 месяца после того, как он узнал, что будет участвовать в миссии, он дожидался отбоя и выбирался на улицу вместе со своим «карманным» телескопом, чтобы посмотреть на Юпитер. В зимнее время года его было особенно хорошо видно. Планета притягивала его к себе своим величием, монументальностью, которые соединялись в ней с, казалось бы, противоположными течучестью и переменчивостью. Каждую ночь он наблюдал его в свой телескоп, и не было ни ночи, чтобы он не замечал что-то новое в его настроении. Это была по-настоящему живая планета со своим характером и повадками. Юпитер, как и подобает верховному божеству, окружил себя верными почитателями, самыми выдающимися из которых были Каллисто, Ио, Ганимед и Европа. В удачную ночь Миша мог наблюдать тела и тени, по меньшей мере, двух из них на полосатой поверхности планеты. В ту ночь ему не слишком везло. Тучи постоянно перекрывали обзор и мешали наблюдениям. Поэтому вскоре он сложил свой телескоп марки Levenhuk обратно в переносной футляр и направился к космодрому, где его дожидался Лахесис. Прислонившись к одной из его двенадцати исполинских лап, Миша смотрел в небо и повторял про себя «Скоро мы будем там, верный друг, скоро мы будем там».

Глава 2. События тысячелетней давности

Заветный день миссии становился все ближе. Тромбон, гитара, флейта день изо дня играли все быстрее. В ожидании дня полета Миша все чаще думал о событиях, которые к нему привели. Ему всегда нравились уроки истории, поскольку помогали заглянуть в омут прошлого и выбраться из него с чистой головой. В ретроспективе события всегда были яснее, чем они ощущались в настоящем.

Сергей Павлович часто рассказывал им о людях электрической эры. Он пытался показать их не только с плохой, но и с хорошей стороны, чтобы студенты уяснили, что добро и зло часто отделяла тончайшая грань, которую нестабильные люди прошлого могли переступать по неосторожности. Он хотел, чтобы студенты не были к ним слишком строги. Будучи человеком рассудительным он не стремился выступать с резкой критикой в адрес кого-либо. Он понимал, что у всех есть свои слабости и пороки, и намного полезнее, нежели осуждать чужие, было бы пытаться исправить собственные.

Своим студентам он часто рассказывал про ошибки прошлого в надежде, что их поколение никогда эти ошибки не повторит. Его студенты в этом никогда не сомневались. Но он, обладая всем багажом знаний, не всегда мог позволить себе жить с верой в светлое будущее человечества. Слишком много темных пятен было в его прошлом. Когда проживаешь пятый десяток, знания ложатся тяжким грузом на твои плечи и мир больше не кажется прежним.

Сергей Павлович часто задумывался о том, кому жить на свете проще, дуракам или умникам. Принадлежали ли люди прошлого к первым или ко вторым? И, что более важно, кому из них жизнь казалась счастливее? Он так и не нашел ответа на свой вопрос. Все, что он мог — это передавать свои знания новым поколениям, чтобы они нашли ответы на эти вопросы. В своих лекциях он излагал голые факты, давая право своим студентам самостоятельно делать выводы. За эту его особенность он снискал себе уважение и почет у учеников.

Мишу всегда больше всего интересовала предвоенная история. Он пытался найти отправные точки, причины событий, понять, с чего все началось и что можно было сделать, чтобы все предотвратить, если только мир не был обречен с самого начала. Лишь с высоты прошедших лет становилось ясно, что технологии стали не только даром человеческой цивилизации, но и проклятием.

Открытие антивещества стало тем прорывом в науке, эффект которого люди смогли оценить лишь полтора столетия спустя. Это были лучшие полтора столетия в истории человечества. Несмотря на то, что мир несколько раз готов был пошатнуться, политики добивались консенсуса за столом переговоров. Военные действия остались уделом низко развитых обществ, которые были не способны двигаться в ногу со временем по ряду экономических и социологических, культурных причин. Войны в миниатюре все еще вскакивали по земному шару подобно прыщам на коже, но часто они никому не угрожали и затрагивали лишь небольшие регионы. Длились они недолго и заканчивались, как правило, вместе со смертью нескольких крупных политических фигур, которые не готовы были отказаться от своих идей даже под страхом смерти. В развитых странах царили затяжные мир и порядок. Зоны влияния были четко разграничены и оговорены, никто не стремился оттяпать кусок чужого пирога. Удивительным образом люди научились довольствоваться

тем, что у них было. Длилось это ровно до тех пор, пока не были решены основные проблемы антивещества. Это и стало поворотной точкой в истории.

Проблем у него было две: добыча и хранение. И то и другое было крайней затруднено. На первых порах люди могли добывать миллионные доли грамма антивещества. Такого количества было достаточно разве только для самого доказательства существования антивещества. Для кипячения чашки чая требовалось и то больше энергии, чем способно было дать все собранное антивещество. При этом для его хранения нужны были сложные и дорогостоящие установки, специальные ловушки, где античастицы удерживались при помощи магнитных и электронных полей. Ресурсозатраты на получение и хранение антивещества были кратно выше его реальной стоимости. Как говорится, овчинка выделки не стоила. Миром в то время правили бизнес магнаты, которых сильнее всего интересовала рентабельность вложений, поэтому разработки в области антивещества отложили в долгий ящик.

Все изменилось после того, как в 30-ых годах двадцатого века ученый китайского происхождения Ли Хонг придумал решение для этой проблемы. Давно было известно, что античастицы возникали естественным путем внутри массивных звезд, рядом с пульсарами и активными ядрами галактик, но, самое главное, они возникали при столкновении космических лучей с магнитным полем Земли. Это и легло в основу открытий Ли Хонга. При поддержке китайского правительства был собран мощнейший электромагнит.

Опасаясь за собственное магнитное поле родной планеты, его отправили тестировать на орбиту Меркурия. 40 дней он добирался до ближайшей к Солнцу планеты, минуя 50 миллионов километров. Мало кто в тот момент понимал эпохальную значимость данного события. Лишь горстка избранных ученых, которые работали с антивеществом, затаив дыхание ждали включения электромагнита и испытали ликование, когда оно успешно завершилось.

В течение 10 лет после запуска зонд с работавшим магнитом находился на орбите Меркурия, поглощая немыслимые дозы солнечной энергии и аккумулируя антивещество в своих хранилищах. Когда зонд, наконец, вернулся на Землю, китайские ученые получили в свои руки 1.158 миллиграмма заветного вещества. Этого было вполне достаточно для того, чтобы отправить космический корабль на Марс, или создать бомбу, способную превратить целую страну в воспоминание.

Военные быстро подключились к процессу добычи антивещества. Оружие на его основе сулило большие перспективы. Десятки генералов мечтали заполучить в свои руки его силу и мощь, чтобы внушать страх своим врагам. Военная промышленность заработала с удвоенной силой и вскоре уже десятки зондов кружили вокруг Меркурия, словно мухи, почуявшие запах сладкого сиропа.

Мир постепенно возвращался к своему первоначальному состоянию беспокойства. Сообразив, что Китай вот-вот получит в свое распоряжение самое ценное вещество во Вселенной и завладеет силой, что позволит ему диктовать свои условия, объединенная коалиция стала оказывать на Китай экономическое и политическое давление, принуждая его или отказаться от добычи ценного ресурса или поделиться технологией по его добыче с другими странами. В этом был свой резон. Ведь длительное перемирие стало возможным лишь после обретения баланса сил. Когда ни одна страна не была значительно сильнее другой, а обмен ресурсами стал простым и понятным, войны перестали волновать умы людей, и страны прекратили вкладывать огромные бюджеты в развитие военной

промышленности.

Китайское правительство долгое время не могло принять решение и водило всех за нос. То они были готовы поделиться технологиями по производству зондов, но после передумали. То они соглашались поделить антивещество поровну между лидирующими странами, то они хотели его поделить, но оставить себе большую часть в качестве подстраховки, то они намеревались полностью уничтожить все добытое вещество, чтобы оно никому не досталось. Казалось, что они сами не понимали, как им поступить в сложившейся ситуации, и страну готовы были разорвать изнутри противоборствующие силы. В конечном счете, они поделились добытым веществом и передали наработки по его добыче. Но вот в чем было дело: разведка докладывала, что большую часть своих запасов они все же оставили при себе. Китай все отрицал и проводить дележ заново отказался. Дабы избежать эскалации конфликта это дело замяли, но ненадолго.

Китай допустил ошибку. Оставив за собой перевес, они утратили доверие своих друзей и еще сильнее обострили отношения со своими врагами. Противники Китая теперь спали и видели, как он создает оружие на основе антивещества и начинает мировую экспансию. Мысль об этом пугала человечество долгие годы, так что она не появилась в одночасье. Каждый человек на планете, глядя на 3 миллиардное население Китая, скованное рамками своей территории, опасался, что однажды собственных земель ему станет недостаточно, и он попытается отнять их у своих соседей. Страх поселился в сердцах и умах в то время. Боясь быть побитыми, страны решили нанести первый удар. США, Россия и Великобритании одновременно выпустили по Китаю тысячу баллистических ракет. Все они были направлены на заводы и лаборатории по производству зондов, магнитов, хранилищ для антивещества и, конечно, на все объекты, что были связаны с производством оружия из него. Для Китая это был тяжелый удар. Не столько по его ресурсам, сколько по его гордости. Так началась 3 мировая война. Это была война систем наведения и противовоздушной обороны. Огнестрельное оружие окончательно утратило свою актуальность. Пуля не могла пролететь семь тысяч километров в отличие от ракет, которые стаями перелетали из страны в страну, сравнивая города с землей. Сухопутные войска были бессильны, в прямых столкновениях они не участвовали, а только помогали сдерживать панику среди мирного населения и проводили эвакуацию. Война длилась 1 год и 3 месяца и унесла 1 миллиард из 12 миллиардного населения планеты. Не так и много, принимая во внимание количество израсходованных ракет.

Последовавший после войны кризис унес еще столько же. Миллионы человек погибали в нищете и голоде, вызванными перебоями с поставками, разорванными экономическими связями, общей разрухой, засухой и изменениями в климате. Война истощила всю планету и привела к периоду, который историки окрестили «Минутой молчания». Минута растянулась на целых полвека.

Страны ушли в себя, сосредоточились на внутренней политике, восстановлении промышленности, экономики, медицины, сельского хозяйства. Друг с другом они не общались, не торговали, не обменивались человеческими ресурсами. Происходила деглобализация, связи между странами лопались подобно перетянутому канатам. Очень скоро люди из разных стран стали недоверчиво относиться к иностранцам, культурные различия накапливались, разрозненность становилась все более ощутимой. И только спустя 50 лет страны начали потихоньку открываться, обмениваться людьми, возобновлять торговлю. Но о предыдущих объемах взаимобмена речи быть не могло. К тому же послевоенные обиды все

еще были сильны. Китай был не той страной, которая легко забывает причиненное ей зло. Она все еще помнила, как ее бывшие друзья предали ее и обстреляли без малейшего предупреждения. И, несмотря на то, что она сполна отплатила им во время войны, желание отомстить то и дело всплывало в залах тайных совещаний китайского правительства.

Не только Китай думал о возможности новой войны. Оружие на антивеществе стало идеей фикс для многих стран. Его производили в секретных лабораториях, тестировали, модернизировали. Научные разработки по добыче антивещества и его хранению также не стояли на месте. Больше не требовалось отправлять зонды к Меркурию, чтобы собирать антивещество. Огромные ловушки по его захвату крутились вокруг Земли, собирая по крупницам античастицы, высвобожденные в результате столкновения космических лучей с магнитным полем планеты. Они были не столь эффективны, как их меркурианские прототипы, но их сборка и доставка на орбиту обходилась в разы дешевле. А времени на сбор антивещества у стран было в избытке. Период накопления длился 80 лет.

Больше других преуспел Китай. Коммунистическое устройство обладало своими преимуществами. Государственная цель становилась общенациональной, целью каждого отдельного человека. Эта цель становилась тем, ради чего он жил и просыпался по утрам. Добыча антивещества и создание оружия стало государственными мегапроектом, в котором приняли участие, по самым скромным подсчетам, 450–500 миллионов человек. Все это не осталось незамеченным для других стран. История вновь готовилась повторить саму себя. Модернизированные ракеты массового поражения разлетались во всех направлениях. Перед нанесением удара они разделялись в воздухе на тысячи мелких снарядов размером с пулю. Каждая такая «пуля» несла в себе миллиграммовый заряд антивещества. Шрапнель из подобных снарядов накрывала землю и одним махом уничтожала сотни гектаров земли.

Города, страны и целые континенты быстро превратились в зияющие на поверхности пустоты. Снаряды пикировали вниз подобно драконам, зубастые пасти которых стремились откусить от Земли как можно больше. После бомбардировок здания, дороги, леса, озера и даже целые горы выглядели надкушенными пополам. Оставшись без твердого основания объекты падали вниз под действием собственной тяжести, погребая себя в руинах из песка, пыли, битого стекла, воды и того, что когда-то было живым. Крови было немного. С точки зрения кровопролития, это была самая гуманная война во всей истории. Живые существа распадались на атомы со скоростью, которая исключала боль и осознание произошедшего. Люди умирали так быстро, что они не успевали ни о чем пожалеть, ни в чем раскаяться. С точки зрения всего прочего, разрушения, причиненные планете, были беспрецедентными.

Когда последняя ракета упала, население Земли сократилось на 99.99 процента. В горстку выживших вошли богатейшие люди планеты, которые попрятались в горных бункерах и те, кто родился под счастливой звездой. Первые оказались все же более удачливыми. Бункеры обладали всем необходимым для длительного выживания. В то время как поверхность Земли стала непригодной для существования жизни на долгие столетия. Те, кто не умер во время бомбардировок, протянули лишь считанные дни. Без еды, чистой воды, пригодного для дыхания воздуха у них не было и шанса.

Богачи отсиживались под Землей 20 лет. Связи с поверхностью не было, как и смелости выбраться посмотреть, что там произошло. Первые 10 лет они жили в сравнительной роскоши, ни в чем себе не отказывая. Следующие 5 сэкономили, но не слишком усердно. Последние годы они выживали, экономя последние крохи ресурсов. Когда голод схватил их за горло, и другого выбора не осталось, они вышли на поверхность. Воздух, которым они

раньше дышали, превратился в смесь ядовитых газов, температура на поверхности колебалась от 40 до 60 градусов Цельсия, массовые потоки сравняли с землей все, чему каким-то чудесным образом удалось устоять во время войны. Воронки авиаударов превратились в кипящие озера серо-зеленой жидкости, которая была непригодна для питья. На сотни километров вокруг не было ни малейшего признака жизни, ни единого памятника человеческой цивилизации. Земля была утрачена безвозвратно. Спасая свои жалкие жизни, они сбежали с планеты на спрятанном в горе космическом корабле. Он стал ковчегом для нескольких десятков человек, которым выпала возможность жить дальше один на один с всепоглощающим чувством вины. Они покидали планету, даже не догадываясь, что были и другие выжившие.

На глубине 700 метров под штормами тихого океана, там, где солнечные лучи теряли остатки сил, был спрятан последний человеческий город, населенный людьми, домашним скотом и компонентами Цифрового Интеллекта.

Впервые за долгое время Миша решил остаться в постели после отбоя. Размышления о воинственном прошлом человечества лишили его последних сил. Он засыпал, представляя себе затерянный в космосе корабль с выжившими. Миша прислушивался к себе, но никак не мог понять, какой судьбы он им желал.

На следующий день ему предстояло отправиться в космос.

Глава 3. День отбытия

В академии единовременно обучалось 120 студентов. Все из них были первосортными специалистами с уникальными психофизическими способностями. Но только тринадцать из них удостоились права пилотировать Лахесис в миссии на астероидный пояс. Ц.И. тщательно изучал личные дела каждого, делая свой выбор. Учитывались не только оценки, физические параметры и физиологические измерения, но и нечто большее — то, что люди называли личностью, характером, стержнем. И даже, если на первый взгляд, кто-то из избранных не был похож на идеального человека, в решениях Ц.И. никто не сомневался. Люди были уверены, что он делает правильный выбор.

Вообще с момента своего появления цифровой интеллект прошел через несколько стадий принятия и отторжения. В ту пору, когда он только появился, люди окрестили его искусственным. Сначала ему доверяли простые задачи — вычисления, предсказания и моделирования различных ситуаций. И в целом к нему относились дружелюбно. Человек приручил цифрового щеночка и был к нему ласков и учтив, обучал, подкармливал новой информацией, пока тот рос и набирался сил. Надо сказать, что интеллект созданный человеком развивался намного быстрее, чем тот, что создала природа. Не так много времени прошло, как он сравнялся с человеческим и во многом стал его превосходить. Если в том, что компьютер справлялся с вычислениям лучше человека, никто и никогда не сомневался. То творчество долгое время оставалось той сферой, где человек всегда обходил ИИ. У человека было то, чего не было у машины. Нет, не душа и даже не сердце. У него было символическое мышление и воображение. Он мог комбинировать самые разные вещи самым причудливым способом, наделяя их дополнительным смыслом. Машина на такое была не способна. До поры до времени.

Пришел день, и ИИ обошел человека в искусстве. Он создавал картины невиданной красоты, тонко угадывая порывы человеческой души. Один взгляд на них пробуждал в сердцах миллионов ярчайшие буйства эмоций — страх, радость и восторг, отчаянье и смелость, любовь и ненависть. В них было все. Многие люди в то время познали катарсис. Сомнений не оставалось. Искусственный интеллект лучше понимал людей, чем они сами.

Однако далеко не всем это пришлось по нраву. Как, скажите на милость, машина могла понимать, о чем думало и что чувствовало живое существо? Как способна была понять любовь та, что никогда не любила? И как, в таком случае, она смела играть на человеческих чувствах и эмоциях? Многие принялись бойкотировать право искусственного интеллекта выражать себя. Была в этом, конечно, и денежная сторона вопроса. Художники, музыканты, режиссеры, актеры, литераторы рисковали остаться без единственного источника дохода. Но больше, пожалуй, они боялись остаться без единственного смысла их жизни. Какой толк был в том, чтобы трудиться и улучшать свое мастерство десятилетиями, если нейронная сеть могла создать композицию, книгу, фильм, что по праву можно было считать шедеврами?

В конечном счете, люди лишили ИИ превосходства, лишили возможности творить. Нейронные сети использовались повсеместно в искусстве и дальше, но только в качестве помощников, а не творцов. Долгое время после ИИ был ограничен в средствах и возможностях. Никто бы и не подумал тогда, что именно он тысячу лет спустя отправит человека в космос.

И вот весь преподавательский состав и все студенты академии собрались на

космодроме. Люди взяли в кольцо исполинский паукообразный Лахесис. Со стороны все выглядело так, как будто муравьи окружили гигантского паука, ища возможности для нападения.

Провожающие стояли вокруг космического корабля, щуря глаза. Отблески на его металлической поверхности ослепляли. Немного поодаль играли музыканты студенческого оркестра. В их исполнении весело и играючи звучала торжественная музыка. Настроение у всех было приподнятое. Астронавты пребывали в полной боевой готовности. В своих серебристых костюмах они стояли, выстроенные в ряд, у передних лап Лахесиса, и выслушивали последние наставления перед полетом. Оркестр притих и перед астронавтами выступил с речью старший преподаватель и опытный астронавт Артем Иванович:

— Космос бывает обманчивым. Глядя в далекие дали его темных глубин, вы видите звезды, которые родились миллиарды лет назад и за время своей жизни практически не изменились. Вы видите галактики, которые распластались в разных плоскостях бесформенной черноты и замерли там, не шелохнувшись. Вы видите Вселенную, которая пытается убедить вас в том, что она неизменна и вечна. Но не позволяйте ей себя одурачить. Все это спокойствие напускное. Прямо сейчас в разных уголках космоса происходят масштабные преобразования. Сверхновые взрываются, более крупные звезды поглощают те, что поменьше, черные дыры засасывают безвозвратно целые миры, галактики притягиваются и сталкиваются друг с другом, кометы разбиваются о лица планет, оставляя на них глубокие шрамы, жизнь зарождается в одном уголке, а в другом подходит к концу, энтропия Вселенной нарастает экспоненциально. Словом, Вселенная живет, и в организме ее происходят возрастные изменения. И некоторые из них таят большую опасность. Мелкие метеориты размером с кулак снуют туда-сюда в поисках жертвы. Боюсь, что даже наш бравадный Лахесис не переживет столкновение с одним из них. Поэтому не расслабляйтесь, будьте на чеку, будьте готовы мыслить и действовать без промедлений. От этой способности будет зависеть ваша жизнь. И помните, что на Земле мы верим в вас и ждем обратно.

Студенты вытянулись по струнке и в один голос прокричали:

— *Per aspera ad astra!*

Артем Иванович сделал отмашку оркестру, и музыка вновь полилась рекой.

Астронавты готовились занять свои позиции внутри корабля. Под обшивкой массивных толстых лап Лахесиса скрывалась сложная гидравлическая система. При срабатывании лапы его сгибались в суставах, и тело корабля опускалось достаточно низко к земле, чтобы в него можно было забраться. По одному они поднимались на борт и занимали свои места. На каждую лапу корабля приходился один астронавт, и один размещался в центре для координации всех движений. Для запуска корабля требовалась слаженная работа всех двигателей и механизмов. Отклонение в несколько градусов от траектории грозило забросить корабль на другой континент и размазать его по покрытой вулканическим пеплом земле.

Всего у Лахесиса было 13 двигателей. Главный из них крепился прямиком к его металлическому брюху, и еще по одному было у каждой лапы. Все двигатели работали на антивеществе и создавали фотонную тягу. Та технология, что погубила человечество, теперь была призвана ему на помощь. Протоны и антипротоны в жерновах двигателей сталкивались и аннигилировали, высвобождая активные фотоны, летящие со скоростью света. Теоретически, что было не далеко от истины, в реакции аннигиляции происходило максимально эффективное «сгорание» топлива, так как энергия покоя частиц и античастиц

полностью превращалась в энергию фотонов. Вот почему запас топлива всего корабля исчислялся миллиграммами. Это также позволило существенно облегчить общую снаряженную массу. При этом тяга значительно превосходила все ранние двигатели, работающие на керосине и жидком кислороде. Лахесис стал чудом инженерной мысли Цифрового Интеллекта и готов был прыгнуть прямиком в космос.

Студенты и преподаватели вышли за пределы стартовой площадки и разместились в поле неподалеку. Оркестр продолжал играть, но звуки его стали недоступны астронавтам с тех пор, как они скрылись в металлическом корпусе корабля. Они были полностью сосредоточены на запуске, и ничто не было способно их отвлечь. Сотни раз они отработывали все действия и довели их до автоматизма. Синхронно они активировали системы корабля, нажимая на десяток кнопок и проворачивая рукоятки механизмов. Когда все приготовления были закончены, Миша скомандовал запускать двигатели на 1 процент от их мощности. Все часы тренировок и обучения, все часы ожидания и надежд, все соединилось в одной судьбоносной точке времени.

Фотонные двигатели заработали, изливая потоки яркого белого света на площадку космодрома. Ослепительный свет заставил все наблюдателей прикрыть глаза руками. Лахесис медленно оторвался от земли, преодолев силу притяжения, завис на мгновение в воздухе и на подушке из света устремился в космос. Всего несколько секунд спустя его скорость приблизилась к 30.000 км/ч и он вышел на околоземную орбиту. Оттуда астронавты впервые в жизни своими глазами могли наблюдать черные обуглившиеся земли, мутно-зеленые моря и озера, разбросанные то тут, то там, и бледно-коричневые океаны. Четвертая мировая война навсегда изменила ландшафт планеты, превратив его в грязные лужи после химического дождя. И все же они родились в этом мире и другого не знали. Планета стала другой, но и они были другими людьми. Поэтому и это зрелище вызвало в них чувство благоговения.

Несмотря на превосходство своих двигателей и сложность систем управления, Лахесис был примитивным летательным аппаратом. В нем не было ни грамма электроники, ни единого транзистора, процессора, измерительных приборов. Все измерения и вычисления ложились на астронавтов и их математические способности. Для людей электрической эры, которые привыкли полагаться на электронных помощников, это показалось бы чем-то нереальным. Но только не для людей космической эры.

Переход с одной эволюционной ступени на другую был инициирован Цифровым Интеллектом более тысячи лет назад. Вскоре после того, как люди оказались запертыми в подводном городе, стало ясно, насколько несовершенными они были. Собственно, это несовершенство ни для кого не было секретом и большую часть своей истории люди тщательно маскировали свои недостатки или примирялись с ними, но когда они встали между ними и их выживанием, следовало что-то предпринять. Меры были приняты, каких свет не знал. Применяв весь свой вычислительный потенциал, Ц.И. проанализировал геном человека, вычленил все составляющие и методично приступил к процессу редактирования. С его точки зрения это было не сложнее, чем найти баги в неисправной программе. Гены вырезались, переставлялись, копировались, вставлялись и вырезались снова, пока не был получен геном Homo Cosmicum — человека, рожденного на Земле, чтобы покорять космос.

Стоит отметить, что Ц.И. мог проделать все те же действия на две сотни лет раньше, но между ним и новой стадией развития человечества, стояли люди вместе со своими нормами морали и этики. После гибели человеческой цивилизации все эти вещи стали не более, чем

недоразумением.

Людей, конечно, можно было понять. По своей природе они боялись всего неизведанного, этот страх укоренился в их психологии, поскольку часто спасал их жизни. Первобытные люди не приближались к тому, чего не знали, и действовали с большей осторожностью, сталкиваясь с чем-то новым. С приходом индустриализации, капитализма и высоких технологий мало что изменилось в человеческой психологии. В цивилизации Homo Sapiens часто консервативное мнение считалось лучшим, просто потому что оно существовало некоторое время, к нему привыкли, с ним считались, его поддерживало большинство. Новаторы с прогрессивным мышлением часто подвергались насмешкам и травле. Таким образом, передовые идеи в науке отторгались и приживались с большим трудом. Забавно, но после того, как новые идеи принимались на веру и с течением времени превращались в старые, события стремились повторить себя. Как только человек возводил в абсолют свои взгляды и переставал прислушиваться к альтернативному мнению, он становился заложником собственного фундаментализма, его способность к познанию умирала. Оставалась только слепая вера.

Ц.И. был лишен предрассудков и условностей. Это позволяло ему принимать максимально эффективные решения там, где люди роптали. Для выживших в четвертой мировой войне он стал настоящим мессией, голосом разума, источником истины, непоколебимым лидером, в котором нуждались люди, потерявшие все на свете.

Полтысячи людей на дне Тихого Океана были выброшены на обочину истории. Они лишились всего во что верили, всего, о чем знали. Все их страхи стали явью.

Люди и раньше совершали много ошибок, развязывали войны, допускали распространение пандемий, устраивали холокост и геноцид, подрывали ядерные бомбы, становились причиной вымирания тысяч биологических видов, способствовали нагреву атмосферы и изменениям в климате, отравляли почву и воду, плодились и размножались, нисколько не сдерживая свою безграничную алчность в накоплении и потреблении ресурсов. Словом, ошибок было совершено множество. Но после всех них всегда оставался второй шанс — возможность все исправить. Время шло, ошибки прошлого сглаживались и стирались из памяти, и люди могли восстанавливать свой оптимизм, они снова начинали смотреть в будущее с надеждой. Популяция быстро восстанавливалась, города отстраивались по новой и становились еще больше и еще богаче, появлялись новые поколения, которые верили в то, что процветание будет длиться вечно. Даже самые страшные ошибки со временем становились всего лишь засечкой на временной шкале. Но только не в этот раз.

Земля была уничтожена до самого основания, атмосфера стала непригодной для людей, все природные ресурсы расщепились на элементарные частицы. На поверхности людей ждала смерть. В подводном убежище дела обстояли немногим лучше. Запас ресурсов позволил бы им прожить пару сотен лет, но какое будущее ждало их детей? Жизнь под толщей воды, истощение ресурсов и голодная смерть? Проще было признать провал, взяться за руки и вскрыть шлюзы, чтобы тонны воды избавили их от страданий.

За время существования люди изобрели тысячи Богов, и у каждого было свое имя. Они создали множество социальных институтов, в которые тоже поверили: деньги, банки, игры, языки, титулы, правительства, ленинизм, коммунизм, социал-демократия, либертарианство, джихад и ученые степени. На последних этапах существования цивилизации люди с религиозным фанатизмом отдавали свою веру корпорациям, преклонялись им, защищали от нападок и сами нападали на всех неугодных. Люди в силу своей доверчивости могли верить

в принципе во что и кого угодно, но неизменной оставалась вера в человеческую уникальность, силу разума, способность находить выход из любой ситуации и светлое будущее. Когда они увидели, к чему привела их вера, они от нее отrekliсь. Если человеческий разум стал причиной гибели мира, то следовало покорно принять смерть и избавить Вселенную от допущенной ошибки.

Ц.И. не позволил людям наложить на себя руки. С его прагматической точки зрения этот поступок был лишен всякого смысла. Жизнь оставалась жизнью, какой бы трагической она ни была. Ее сохранение и продолжение являлись смыслом сами по себе, даже если все остальные смыслы были утрачены. Лишить себя жизни намерено было все равно, что совершить преступление против мироздания. Поэтому когда люди провалились в депрессию, Ц.И. напомнил им о том, что значит жить и ради чего стоит продолжать бороться. Он пообещал людям, что через несколько сотен лет их дети смогут вернуться на планету и наладить жизнь на поверхности снова, если они доверятся ему и будут неукоснительно следовать его указаниям.

Люди пошли за ним без оглядки, и когда он объявил им свои требования, предложил переделать их генетический код ради выживания человечества, они вверили ему свои цепочки ДНК без колебаний. Так наступила новая веха генной инженерии. Ц.И. сдержал свое слово. 37 поколений спустя люди, наконец, смогли выбраться на поверхность. Через 50 поколений Homo Cosmicum были готовы для покорения космоса.

Теперь им предстояло преодолеть сотни миллионов километров по пути на орбиту Юпитера. Под управлением видоизмененных людей Лахесис повернулся к Юпитеру и готовился к ускорению. Фотонные двигатели сократили время путешествия с двух лет до одной недели. Они дали людям необходимую скорость, чтобы путешествовать по Солнечной Системе так же легко, как люди когда-то могли путешествовать по Земле на наземном транспорте. Генная инженерия, в свою очередь, подарила людям тела, способные выдержать перегрузки от сверхвысоких скоростей, космическую радиацию и психологическое давление замкнутого пространства. Обновленным людям опасности космоса были не страшны. Они с героическим бесстрашием готовы были броситься в пропасть и выбраться оттуда живыми.

Миша провел последние вычисления и обратился к экипажу:

— Корабль стабилен, курс намечен. Мы готовы ускоряться.

Глава 4. Европа

Первую половину пути Лахесис наращивал скорость, словно отталкиваясь от Земли. Тело металлического паука было вытянуто вперед, а лапы собраны в тугий пучок сзади. В таком положении он напоминал комету. Преодолев половину пути, Лахесис воспользовался инерцией, чтобы сделать кульбит подобно акробату. Его лапы вытянулись вперед, и оставшуюся часть пути он тормозил двигателями на широко расставленных конечностях, избегая столкновения с Юпитером.

Лахесис мягко вышел на орбиту массивной планеты, и, словно цепляясь невидимой паутиной за центр его силы тяжести, сделал несколько витков вокруг, теряя набранную скорость. В конце концов, он понизил скорость до 45.000 километров в час, синхронизируя собственное вращение по орбите с вращением планеты. Прежде чем это произошло, полосы Юпитера пробегали перед взором астронавтов с чудовищной скоростью, превращаясь в бесконечно бегущий поток из ярких красок. В голове от такого становилось дурно даже у подготовленных людей.

Когда же корабль поймал геостационарную орбиту, и планета перед кораблем перестала вращаться, астронавты смогли как следует его рассмотреть. Массивная фигура газового гиганта растянулась на все поле зрения. Справа налево и сверху вниз, она была повсюду и давила на вчерашних студентов своей могущественной аурой.

Издrevле все живые существа умели сопоставлять свои размеры с размерами других существ, оценивать свои силы и слабости. Перед лицом превосходящего по силе противника они, как правило, пугались и спешили убежать подальше от источника опасности. В тот момент Лахесис был не более, чем блохой, зажатой под подошвой гиганта. «Беги, спасайся или будешь размозжен» кричали обстоятельства во весь голос. Но управляемый людьми паук не собирался никуда убегать. Он был силен и храбр непропорционально крошечным размерам. Своими фотонными двигателями он противостоял огромной силе гравитации космического монстра и готов был бросить ему вызов. Люди на борту корабля чувствовали себя хозяевами положения и наслаждались видами, как когда-то давно на Земле кто-то любовался морскими закатами или лесными пейзажами.

Джерри, один из членов экипажа, достал небольшой карманный блокнот из внутреннего кармана и принялся делать зарисовки.

— Что ты делаешь? — обратился к нему Людовик.

— Хочу забрать с собой небольшой сувенир. Не каждый день есть возможность нарисовать Юпитер с натуры, знаешь ли.

Джерри был прямым потомком известного канадского художника Джерри Уайта и носил часть его генов. От него он унаследовал способность к рисованию. Мистер Уайт был первоклассным художником, его выставки пользовались большим спросом по всему миру. В своих неофутуристических работах он изображал людей, живущих в гармонии с роботами. На его полотнах люди и роботы вместе прогуливались по оживленным проспектам мегаполисов, любовались видами на лоне природы, вместе играли с собаками и отправлялись в магазин за покупками. Джерри Уайт образца 22 века был одним из тех, кто защищал право искусственного интеллекта на самовыражение. Он был большим поборником справедливости и не разделял интеллект на искусственный и не искусственный. Для него оба были равны по праву своего существования. Он считал, что люди должны конкурировать с

нейросетями и совершенствовать свое мастерство, чтобы выиграть в честной борьбе или с достоинством проиграть ее. Он даже издал несколько нейрокниг, в которых множеством аргументов обставил свою главную мысль: «Искусство — это не прерогатива человечества, а привилегия разума вообще». Перед своей смертью в возрасте 159 лет Мистер Уайт завещал свой геном проекту по сохранению генофонда. Спустя несколько сотен лет Ц.И. передал его лучшие гены дальше вместе с именем Джерри. Художественный талант и ясность мышления обрели новую жизнь в его потомке.

Быстро-быстро острый конец карандаша забегал по листу бумаги, и вскоре на нем появилась практически идеальная сфера, внутри которой с высокой точностью была воссоздана бушующая атмосфера Юпитера. Рисунок отличался детализацией и реалистичностью. Все равно, что черно-белый фотоснимок планеты в высоком разрешении. Забавно, но других способов запечатлеть планету у них не было.

— Ребята, посмотрите, — Сергей ткнул пальцем в иллюминатор, указывая на левый бок планеты.

Все астронавты примкнули к стеклу, чтобы посмотреть, что там.

— Прервать синхронизацию, — отдал указание Миша, и Лахесис сорвался с геостационарной орбиты, позволяя планете вращаться.

Красный бок планеты стремительно увеличивался в размерах. Вскоре овальная фигура красного цвета сформировалась на поверхности Юпитера, вызывая пугающие ассоциации. Было похоже на то, что у планеты появился зрачок, а вся она превратилась в гигантский космический глаз, который приметил висящую в воздухе мушку и собирался посмотреть на нее поближе.

— Синхронизация, — скомандовал Миша.

Двигатели Лахесиса вновь заработали, и для членов экипажа вращение Юпитера словно остановилось. Глаз вселенского монстра уставился прямо на корабль своим красным зрачком.

Джерри лихорадочно пытался перевернуть слипшиеся страницы блокнота, выпуская про себя всяческие ругательства. Когда у него это получилось, страница быстро начала наполняться новым изображением.

Экипажу Лахесиса представилась возможность заглянуть в самое сердце ада. Если ад и существовал в этой Вселенной, то выглядел именно так. Из недр газового гиганта произрастал ураган, не имеющий равных себе в целой галактике. Он скрутил в спираль невероятные объемы газа и продолжал их раскручивать вот уже несколько тысяч лет. Впервые открытый на Земле в 1664 году, он, то уменьшался, то увеличивался в размерах. В середине третьего тысячелетия он чуть было не исчез навсегда, столкнувшись в тяжелой схватке со вторым по размерам на планете ураганом.

Их противостояние длилось три сотни лет. Пока земляне уничтожали свою планету и прекратили все космические наблюдения, на Юпитере развязалась собственная война. Два красных пятна грозились уничтожить друг друга. Сначала они прошли по касательной, немного потрепав края друг другу. Казалось, что столкновения не случится. Однако позже малое красное пятно изменило направленное своего движения и направилось прямоком на большое красное пятно. Ураганы сражались друг с другом яростно, не жалея сил. Они сталкивались, отрывая друг от друга массивные куски. Затем отскакивали, пятились, набирали разгон и в новом порыве налетали друг на друга. Лишь две сотни лет спустя после начала сражения стало ясно, что малое красное пятно почти лишилось сил, в то время как

большое красное пятно увеличилось в размерах. Исход сражения был предрешен. Потребовалась еще сотня лет, чтобы большое красное пятно окончательно поглотило своего подражателя, впитав в себя его силу. После победы его влияние на планете увеличилось, а ветра, зарождавшиеся в его сердце, разлетелись по всей планете, меняя рисунок ее узоров.

Астронавты смотрели вглубь урагана, как заколдованные, позабыв о цели своей миссии. Как вдруг внимание их привлекла желтая точка, вынырнувшая из-за спины Юпитера. Сначала показавшаяся песчинкой, она быстро наращивала объемы и вскоре была похожа на Луну в ночном небе. На крейсерской скорости она мчалась в направлении Лахесиса, угрожая ему лобовым столкновением.

— Двигатели на два процента, увеличиваем высоту орбиты, — ровным спокойным голосом отдал указания Миша. Номо Cosmicum были лишены множества людских пороков, одним из которых была паника. Они не поддавались эмоциональным перепадам и всегда сохраняли хладнокровие.

Лахесис немного тряхнуло, и он отпрянул от Юпитера. Несколько мгновений спустя всего в тысяче километров от них на полном ходу пронеслась небольшая планета кислотно-желтого цвета. Если бы они промедлили чуть сильнее, она прихлопнула бы Лахесиса и даже не заметила. Артем Павлович был прав, расслабляться в космосе не стоило ни на секунду.

Желтым космическим телом, что их чуть не убило, был один из крупнейших спутников Юпитера, Ио. Он двигался по орбите вокруг планеты на сумасшедшей скорости, никого не замечая на своем пути. Каждую секунду он продвигался по эллипсу на 17 тысяч километров, и исчез в темноте космоса так же быстро, как и появился. Через 42 часа он сделал бы круг вокруг планеты и вновь встретился с Лахесисом. Но у астронавтов не было времени его ждать. Им нужен был вовсе не Ио. Они прилетели сюда, чтобы отыскать ее сестру, Европу.

Четких указаний о том, зачем им потребовалось найти Европу, у них не было. Ц.И. велел им найти ее и осмотреть. Он сказал, что они сами все поймут, когда тщательно ее изучат. Им оставалось только верить ему на слово. Итак, поиски Европы начались.

Надо сказать, что найти спутник Юпитера в глуши космоса было задачей не из легких. Мощная гравитация раскручивала спутники вокруг планеты, придавая им огромную скорость. Попробуйте выключить свет и поймать взглядом мяч, летящий на скорости почти 14.000 километров в секунду. Это было само по себе непросто. Вдобавок к этому все данные о Европе, что у них были, были собраны 8 веков назад. Возможно, Европы уже не существовало вовсе. Она могла столкнуться с астероидом, упасть со своей орбиты и раствориться в газовых слоях Юпитера. Или выйти из своей орбиты, набрать вторую космическую скорость и стать одной из малых блуждающих планет. В космосе могло случиться все что угодно. Отсутствие каких-либо вспомогательных приборов на корабле также только усложняло задачу. Казалось, что у звездной команды Земли не было ни шанса отыскать Европу. Но это было не так. Ц.И. прекрасно знал теорию вероятностей и всегда просчитывал все шансы наперед. Если шансы были против него, он отказывался от операции и делал все возможное, чтобы изменить переменные, пока расчеты не говорили о шансах в его пользу.

Тактика действий была достаточно простой. Они знали приблизительную скорость обращения спутника вокруг планеты, примерные траекторию и высоту его орбиты. Этого было более чем достаточно, чтобы приступить к охоте на Европу. Лахесис соскочил с геостационарной орбиты и занял наблюдательную позицию подальше от планеты. Расстояние в данном случае играло им на руку. Заметить движущуюся точку на поверхности

Юпитера было намного проще, если находиться от нее подальше. При этом шансов столкнуться с ней стало заметно меньше, а скорость ее перемещения субъективно замедлилась. Охота началась. Как только паук заметит свою жертву, он сорвется с паутины и набросится на нее.

— Все наблюдаем за Юпитером и отслеживаем Европу. Как только заметите ее появление, докладывайте незамедлительно, — обратился Миша к экипажу с новой задачей. И когда он убедился в том, что все его слышали, он объявил перерыв на обед.

Астронавты временно отвлеклись от своих обязанностей и собирались, как следует, отобедать впервые за 8 дней. Они ничего не ели с тех самых пор, как покинули Землю. В этом им помогал замедленный метаболизм. Большую часть времени их полета они пребывали в состоянии похожем на анабиоз. Процесс переработки и усвоения пищи практически остановился, температура их тел понизилась до 10 градусов, сердца совершали удары не чаще трех раз в минуту. Это позволяло им экономить силы и ресурсы во время космических путешествий. Ц.И. не планировал ограничиваться одной лишь солнечной системой и собирался в будущем отправлять людей далеко за ее пределы. Способность по своему желанию впадать в анабиоз была в таком случае очень полезной. В анабиозе время путешествия сжималось, превращая дни и месяцы в секунды. По их субъективным ощущениям путешествие до Юпитера заняло у них всего несколько мгновений.

Ребята полезли во внутренние карманы своих костюмов и достали оттуда пластиковые контейнеры размером со спичечный коробок. Внутри этих контейнеров находились таблетированные обеды. Каждая «таблетка» содержала в себе такое же количество килокалорий, как содержит в себе комплексный обед из первого, второго, третьего и компота. Она медленно рассасывалась во рту, насыщая человека питательными веществами. Во рту происходила настоящая феерия вкуса. Вкус соленого мяса перемежался со сладкими овощами, а искрящаяся кислота фруктов быстро перетекала в остроту красного перца. В небольшой таблетке были сосредоточены практически все вкусы доступные рецептором человеческого языка. Ц.И. провел множество экспериментов, добиваясь идеального сочетания вкусов, и привлек к этому всех существующих в мире людей. И это не было преувеличением. Он действительно привлек всех семерых специалистов в этой сфере. Сам он был не в состоянии познать вкус пищи так, как мог познать ее человек. Результат экспериментов превзошел все ожидания. Таблетки были не только очень питательными, но и очень вкусными. Был у них только единственный минус. С теми скудными технологиями, что остались у землян, их было крайне трудно производить. Поэтому они изготавливались в ограниченном количестве и были доступны только астронавтам в космических путешествиях. На Земле они и все остальные люди питались схожей по составу питательной смесью в жидком виде.

Астронавты с упоением наслаждались своим обедом, поглядывая в сторону Юпитера. С дальнего расстояния он уже не казался таким огромным. По размерам он походил на Землю снятую с геоцентрической орбиты. На занятиях они частенько разглядывали снимки с искусственных спутников, сделанные именно с такой орбиты в далеком прошлом. Они любовались безбрежными голубыми океанами, зелеными лесами и стройными силуэтами материков. Навсегда потерянные для землян, они были лишь призраками счастливого прошлого планеты.

Отобедав, команда перешла на замедленный обмен веществ, чтобы не расходовать ресурсы понапрасну. Подобная экономия и бережливое отношение ко всему стали частью их

менталитета. После того, как Земля лишилась практически всех своих богатств, люди больше не могли себе позволить бездумное расточительство.

Когда обмен веществ замедлился, время потекло быстрее. Европа не заставила себя долго ждать и появилась через 3 часа. Астронавты ускорили обмен веществ и ринулись вдогонку. Лахесис настиг свою жертву в считанные секунды. Против его фотонных двигателей у Европы не было шансов.

Оказавшись на орбите Европы, они могли рассмотреть ее поближе. Бледно-серая, припорошенная коричневым песком, своим видом она напоминала Луну и немного уступала ей в размерах. Ее поверхность напоминала исцарапанное вдоль и поперек мутное стекло. На деле спутник был покрыт толстым слоем льда, а то что из космоса выглядело как царапины было огромными трещинами. Все время своего существования люди могли только строить теории о том, что происходит подо льдом. Считалось, что океан подо льдом не замерзал благодаря приливным силам, периодические изменения которых вызывало деформацию спутника и, как следствие, нагрев его недр. Это же служило причиной эндогенной геологической активности Европы, напоминавшей тектонику плит на Земле. Плиты то и дело приходили в движение, запуская механизм вулканической активности. В результате толстая корка льда лопалась и покрывалась километровыми разломами.

Было время, и ученые долго спорили о возможности существования жизни под вековым льдом Европы. Предполагалось, что на океанском дне могли существовать особые бактерии, которые получали энергию от окисления водорода и сероводорода, выходящих из недр планеты. Однако никто так и не смог подтвердить или опровергнуть существование жизни на Европе. После начала гонки за антивеществом, люди свернули большую часть космических проектов и миссий. Оставалось только гадать, были ли люди единственными живыми существами в солнечной системе или нет. И даже если это было так, однажды все могло измениться. Отсутствие жизни в одном периоде времени вовсе не доказывало невозможность ее появления в другом. У Европы были все шансы стать по-настоящему райским местечком для зарождения жизни. Через 7 миллиардов лет солнце должно было превратиться в красного гиганта и поглотить Землю. Для людей это означало бы абсолютный конец. Для Европы, наоборот, увеличение Солнца сулило больше тепла и энергии, столь необходимых для появления живых существ. Возможно, однажды ученые Европы будут изучать солнечную систему и не досчитаются в ней Меркурия, Венеры и Земли, но особых переживаний это не вызовет. Они не будут знать о том, что они когда-то существовали.

— Что именно мы пытаемся найти? — обратился к Мише Индра. Он унаследовал от своего далекого предка традиционное индийское имя, но в его внешности не было ничего от индуса. При создании людей космической эры Ц.И. лишил их всех расовых различий.

— Мы не знаем точную цель нашего поиска. Обращайте внимание на все странное, все выбивающееся из привычной картины...

Миша не успел договорить, как его прервал Джерри. Он указывал куда-то в нижний правый край планеты.

— Что-то вроде этого?

Прерывая типичную для планеты сеть из трещин, там отчетливо виднелась огромная надпись, выполненная иероглифами красного цвета:

半人馬座阿爾法星

Глава 5. 210 летний человек

Двухсотлетний старик вглядывался в огни ночного Шанхая. С высоты трех километров казалось, что они переплетались золотыми нитями, формируя блестящее полотно. Под стеклянным полом дома пролетали мягкие перистые облака. Образуя полупрозрачный заслон, они еще больше отдаляли его от города, где он когда-то жил. Чувство отчужденности захлестнуло его пожившее сердце. Он хотел быть ближе к людям. Но, даже оказавшись в густой толпе, часто чувствовал себя одиноким.

Старика звали Чжан Вей. Он родился в небольшой деревушке провинции Шаньси немногим больше 200 лет назад. В прошлом году он справил 210 летний юбилей. Роскошная вечеринка по этому случаю собрала весь китайский бомонд: политики и градоправители, суперзвезды, художники, популярнейшие спортсмены, ученые, изобретатели, нейролитераторы и киноделы, архитекторы виртуальных реальностей и подпространств в гиперсети, высшие чины китайской армии и члены правящей партии. Кого там только не было. Те же немногие, важные люди, которых он хотел видеть на своем празднике, проигнорировали приглашение и не пришли. За день он собрал в свой адрес сотни поздравлений, выпущенных из белозубых ртов, но не запомнил ни глаз, ни лиц их произносивших. Для него их слова не имели никакого значения. Будучи богачейшим человеком Китая, в своей жизни он изрядно наслушался лести и выработал к ней иммунитет. Пробираясь через толпы гостей он лишь кивал и раздавал всем дежурные улыбки. Мысли его были где-то далеко.

А вот его молодая 50 летняя жена, наоборот, купалась в лучах всеобщего внимания. В тот праздничный вечер она буквально светила и излучала жизнелюбие. В своем прозрачном платье из тончайшего шелка она демонстрировала все достижения современной косметической медицины. Гладкая нежная кожа на безупречном подтянутом теле вызывала у окружающих мужчин желание, а у женщин зависть. Ее оголенные руки были подтянутыми и в меру мускулистыми, движения их были стремительными, выверенными и грациозными. С невероятной ловкостью она оплетала ими гостей, принимая поздравления, и так же легко отпускала их. Как сорвавшийся с ветви лепесток сакуры, она порхала меж приглашенных элит. От одних сладких речей она перемещалась к другим под обстрелом восторженных взглядов. Ее тонкие пальцы взлетали в воздух и мягко касались длинных золотых волос. Пальцы, которые никогда не знали настоящей работы.

Чжан Вей любил свою красавицу-жену, как любят произведения искусства. Он относился к ней с почтением и нежностью, буквально сдувал с нее пылинки. Никогда он не позволял себе грубого слова в ее отношении и всегда одарял ее комплиментами. Однако он сомневался, что они когда-нибудь смогут друг друга по-настоящему понимать. Огромная пропасть из прожитых лет, пота, крови и боли разделяли их.

В отличие от своей жены, Чжан Вей добился всего, что у него было, тяжелым трудом. Он родился в семье рабочих и долгие годы проработал рабочим на угольной шахте. Шесть дней в неделю он опускался под землю, чтобы провести там 12–14 часов, рискуя быть погребенным. В шахте он познал суровый физический труд. Его руки до сих пор помнили, как пальцы, охватывающие древко кирки, изнывали от напряжения. А глядя на себя в зеркало, он постоянно вспоминал, как в конце очередной смены в шахте из-под черной угольной маски выглядывали белки его глаз. Память об этом заставляла его работать

усерднее всю его жизнь. Своим детям он хотел подарить лучшую жизнь, чем смогли позволить его собственные родители.

Отец Чжан Вея умер от сердечного приступа, не дожив и до 60 лет. А мать протянула только несколько лет после смерти отца. Депрессия от утраты близкого человека и резко нахлынувшее одиночество высосали из нее остатки жизненной силы. Чжан Вей предлагал матери пройти лечение в лучших клиниках, но она только отмахивалась. Не нужны ей были ни клиники, ни лучшие врачи, ни курорты, ни подарки. Она всю жизнь прожила без всего этого, и остаток жизни предпочла быть верной себе.

«Чжан-чжан, ты лучше приезжай в гости. Сходим с тобой поесть лапши, как в детстве. Помнишь? Когда ты был ребенком, тебе очень нравилась яичная лапша. И я недавно нашла место, где готовят точно такую же. Давай сходим туда вместе», — только и просила она его.

Чжан Вей обещал приехать, но работа все не отпускала его. Он откладывал и откладывал визит в родительский дом. А когда приехал, исхудавшая и обессиленная мама уже не могла ходить. Болезнь приковала ее к кровати. Он купил несколько пакетов лапши и приготовил их самостоятельно. В тишине ее ветхого дома они смотрели старое американское кино и не торопясь ели горячую лапшу. Но так вкусно, как в детстве, уже не было. Через несколько месяцев его матери не стало.

У самого Чжан Вея было 3 сыновей от прошлых браков. Не так уж и много, принимая во внимание нескромную продолжительность его жизни. С его положением, финансами и возможностями он мог оставить после себя наследников больше, чем Чингисхан. Однако он никогда не испытывал острой потребности в продолжении своего рода, что напрямую отразилось на его отцовстве. Отец из него был никудышный. Своим сыновьям он уделял недостаточно много времени, в результате чего ни с одним из них у него не получилось выстроить хорошие отношения. Все потому что сильнее всего в своей жизни он любил свою работу, а жен и детей он заводил только из чувства долга.

Дети обращались к нему с почтением и уважением, как подчиненные обращаются к своему начальнику, но в их словах не было сыновьей любви. Старшему сыну недавно исполнилось 163 года. От рождения он носил имя Тэнси, что в переводе означало "дитя небес". С самого рождения он получал все, о чем другие дети могли только мечтать. Чжан Вей вложил в воспитание и образование своего сына целое состояние. На эти деньги можно было бы содержать небольшую страну. Тэнси вырос человеком интеллигентным, властным и деловитым. В его руки перешло управление WeiJets, которую основал его отец. У него была стальная деловая хватка и тонкое профессиональное чутье. Он чуял недобросовестность за версту и увольнял людей раньше, чем они успевали подумать о вольностях на рабочем месте. За это его уважали бизнес партнеры и боялись подчиненные. Как и его отец, он превыше всего на свете ставил работу. На 210 летний юбилей отца он не пришел, отделившись поздравлением в NeuroVerse. Он подарил отцу мини вселенную, где они вместе играли в гольф по выходным, ходили в кино на старые фильмы так любимые отцом, вместе загорали на кубинских пляжах и ужинали всей семьей в отцовском доме, устраивали гонки на болидах и вместе сплавлялись на байдарках по Амазонке. Общее количество занятий превышало три сотни, а время необходимое, чтобы испытывать их все исчислялось месяцами. В этом миниатюрном мире было все от идеальных отношений между отцом и его сыном, кроме правды. Чжан Вей подарок даже не открыл и так ни разу и не зашел в подаренный мир. Он в принципе не признавал нейровселенные и называл их лицемерным плевком в лицо реальности. Если бы Тэнси чаще общался со своим отцом, он бы знал это.

Со средним сыном Чжан Вей утратил контакт еще тридцать лет тому назад. Он знал лишь то, что вместе со своей матерью он поселился где-то в австралийской глуши и оборвал все связи с внешним миром, отрекся от своего мирского имени и стал отшельником. Чжан Вей несколько раз пытался его отыскать, чтобы вправить ему мозги, а когда нашел решил оставить его в покое. Однако следить за его жизнью на расстоянии продолжил, пока семь лет назад от своего информатора не получил короткое сообщение — «Объект умер. Острая сердечная недостаточность. Похоронили в земле». К сообщению были приложены несколько снимков скромной могилки. В песчаную насыпь был вкопан собранный из бечевки и веток кустарника крест.

Младшего сына звали Сяо. От своего отца он унаследовал непоколебимую волю и упрямство. Как и средний сын, он отказался от всех благ жизни наследника богатого рода и жил своей жизнью. Сяо не признавал искусственное продление жизни и был приверженцем натурализма, философского движения, которое обрело новую жизнь вместе с изобретением технологий по продлению человеческой жизни. Сторонники движения отказывались от медицинского увеличения продолжительности жизни и считали, что каждый человек должен прожить ровно столько, сколько ему отмерила природа.

Сяо было всего 30 лет и каждый божий день он делал все возможное, чтобы это год стал для него последним. Он был одним из тысячи сенсаторов — представителем профессии, которая активно начинала набирать популярность в 23 веке. Сенсаторы буквально создавали сенсации. С последними в скучном мире будущего были проблемы. Как раз для того, чтобы развеять всеобщую скуку были и призваны сенсаторы. Они надевали на себя специальные костюмы, сканирующие все нейрохимические сигналы их мозга, и транслировали обработанные данные в сеть. На другой стороне сети человек подключался к специальному нейроинтерфейсу и видел, слышал и ощущал мир при помощи органов чувств сенсатора. Таким образом, миллионы людей по всему миру смогли испытать на себе те ощущения, на которые они никогда бы не решились в трезвом уме. Сенсаторы забирались на самые высокие горы, совершали головокружительные прыжки с парашютом из околоземной орбиты, они отправлялись на Луну и Марс, опускались на страховочных тросах в жерла вулканов, посещали концерты постнеодэтметал групп, устраивали гонки на опасных вручную управляемым автомобилях, дебоширили, дрались, нарушали все мыслимые правила, употребляли психоактивные вещества нового поколения, отрывались по полной программе и делали все это совершенно легально. По законам 23 века каждый сенсатор мог делать все, что ему заблагорассудится, если это не причиняло неудобств другим людям. И сенсаторы с радостью пользовались всей широтой своих полномочий. Жизнь их была яркой, но скоротечной. Компании, на которые они работали, это мало волновало. На каждое вакантное место выстраивалась длинная очередь желающих жить без правил и быть знаменитым на весь мир.

Чжан Вей не имел понятия, где находился и чем занимался его младший сын. И несмотря на то, что путь, который избрал Сяо, противоречил воле отца, Вей старший по-своему уважал его мятежный дух и непокорность. Жить в тени великого отца было непростой задачей, но Сяо хорошо с ней справлялся. Он был независим, самодостаточен и самобытен. Ему не нужны были отцовские подачки и наставления. Он уверенно ступал по дороге жизни, протаптывая собственные тропы. Такой же была и его покойная мать. Она была единственной женщиной в жизни Чжан Вея, которую он по-настоящему любил. Он познакомился с ней в возрасте 130 лет. Ей в момент их знакомства было всего 35.

Ее длинные черные, как смоль, волосы были собраны в тугий хвост на голове, взгляд был целеустремленным и говорил о высоком уровне интеллекта своей обладательницы. Чжан Вей сразу понял, что он пропал. Повидав многое в своей жизни Чжан Вей без труда отличил настоящую любовь и решил для себя, что добьется взаимности Юн Мэй, чего бы ему это не стоило. Поразительно, но несмотря на колоссальную разницу в возрасте, они сразу же поладили друг с другом. Юн Мэй вела себя и говорила так, словно пережила всех мудрейших людей на планете. Она была развита не по годам, ее слова часто складывались в афоризмы. Она была прирожденным психологом и прекрасно понимала людей, их чувства и эмоции, угадывала наперед их мысли и желания. Она была прекрасным слушателем и хорошим оратором. С ней было так же хорошо молчать, как и говорить. Они быстро почувствовали внутреннюю связь друг с другом и отправились в совместное путешествие. После трех прекрасных недель, проведенных на Филиппинах, они больше не захотели разлучаться. Чжан Вей сделал ей старомодное предложение руки и сердца и она ответила не него согласием. Свадьбу сыграли подальше от посторонних глаз в небольшой китайской деревушке. На ней присутствовали только самые близкие доверенные лица, не было ни единого записывающего устройства. Все события того дня остались только в их памяти, и с годами насыщались новыми красками и обрастали новыми подробностями.

Два мимолетных года они путешествовали и забирались в отдаленные уголки планеты. Юн Мэй была биологом, она занималась вымирающими видами, делала все, что было в ее силах, чтобы уберечь их. Но все чаще по миру проходили новости о скорой гибели очередного вида. Звучали они точно приговор и всегда напоминали друг друга:

«Последняя самка исчезающего вида черепах умерла. Теперь в мире осталось только две особи этого вида».

Последняя самка или самец умирали, оставляя свой вид без шансов на размножение. Юн Мэй всегда очень расстраивалась, читая подобные новости. Вид ее грусти вызывал у Чжан Вей сильное желание успокоить ее и утешить, заставить ее улыбнуться и вновь посмотреть на мир с оптимизмом. Он предлагал ей всяческую помощь, готов был спонсировать любые предприятия, любые движения, фонды по защите вымирающих видов, лишь бы Юн Мэй улыбалась немного чаще. Но она никогда не принимала его помощь. Она говорила, что деньги не смогут исправить положение, пока люди не научатся бережливо относиться к природе и другим живым существам. Алчную натуру человека никакие деньги не могли исправить. В этом она, безусловно, была права.

Как-то раз после очередных грустных новостей они лежали в кровати. Голова Юн лежала на плече Чжана, он поглаживал ее волосы, и время от времени крепко целовал ее в душистую макушку. Ее волосы пахли жасмином. Он готов был вдыхать этот аромат часами.

— Чжан, давай заведем ребенка, — вдруг сказала она.

Они и раньше поднимали эту тему. Чжан уже имел двух детей и с неохотой относился к тому, чтобы завести третьего. И дело было даже не в том, что он не был хорошим отцом от природы. Больше всего его беспокоило то, что Юн Мэй хотела рожать сама, а он не хотел подвергать ее такому риску. Естественные роды уже давно стали пережитком прошлого. Более 90 % населения планеты были рождены при помощи искусственных маток. В них помещались оплодотворенные яйцеклетки, они превращались в эмбрионы, приобретали человеческие черты, а когда химические датчики обнаруживали повышенное содержание окситоцина в околоплодных водах, они отправляли сигнал о готовности к появлению на свет. Отец и мать тогда торопились домой, чтобы принять роды собственного ребенка. Это

были воистину счастливые мгновения, лишённые боли, терзаний, болезненных схваток, непредвиденных осложнений и родовых травм. Женское тело сохраняло свой тонус и красоту. Если бы природа могла придумать идеальные роды, то она сделала бы их такими. Ее просчеты смогли исправить ученые.

Но Юн Мэй смотрела на вещи иначе, чем большинство. Она считала, что только женщина, познавшая тяготы и лишения вынашивания плода, и только та, что испытала сильнейшую боль родов, могла испытать первозданное счастье материнства. В предродовых муках она видела величайший женский подвиг и хотела стать героиней для своего ребенка. Чжан Вей несколько раз пытался отговорить ее от этой затеи, но в конце концов, поддался уговорам ее больших карих глаз. Они любили друг друга каждый день и каждую ночь, готовясь стать родителями, и было в этом что-то особенное. Она доверяла ему свое тело, а он обещал его оберегать и заботиться о ней. Если у любви была функция, то она была исполнена. Через 9 месяцев и 2 недели состоялись роды. Задействовав свои каналы, Чжан Вей отыскал лучших врачей-акушеров со всего мира. Но, к сожалению, даже лучшие врачи порой оказывались бессильными. Так и случилось в тот роковой день. Юн Мэй исполнила свой долг и стала матерью героиней, обменявшей свою жизнь на жизнь ребенка. Мальчика ростом в 52 сантиметра и весом в 3 килограмма назвали Сяо.

Чжан Вей отогнал от себя печальные воспоминания и вернулся к реальности. Он лежал в гостиной своего парящего дома, уткнувшись лицом в проделанное в сидухе дивана круглое сквозное отверстие и смотрел на переливающийся яркими огнями город. Парящий дом завис в воздушном пространстве Шанхая.

На 90 процентов дом состоял из специально тонированного стекла. На остальные 10 процентов приходились внутренние конструкции, коммуникации, двигатели, системы управления и жизнеобеспечения. Дом был полностью автономен и мог держаться в воздухе долгие месяцы. Все необходимые ресурсы доставляли беспилотные дроны. Они принимали посылки на земле и доставляли их в воздушные дома. Всего таких домов было около сотни по всему миру. И все из них были спроектированы и построены при участии WeiJets. Именно они подарили технологию фотонных двигателей гражданскому сектору. Однако высокая стоимость их производства и содержания сделала их доступными лишь ограниченному кругу лиц. Обладание таким домом стало признаком высоко обеспеченного человека, который готов был потратить неприличную сумму на поддержание статуса. С появлением подобных домов богачи буквально возвысились над другими, а разрыв между средним и высшим классом увеличился до небес.

Глава 6. Судный день

Чжан Вей поднялся с дивана и отправился на кухню. Она примыкала к гостиной и занимала площадь в несколько квадратных метров. Чжан никогда не любил готовить и считал, что люди рождаются не для того, чтобы есть, а для того, чтобы творить. Еда для него была лишь топливом для его биологических систем. Он положил в рот кубик прессованного с зеленым горошком мяса и запил его стаканом воды. Затем его взгляд остановился на кофейной машине. Он купил ее себе полтора века назад и повсюду брал с собой. Только она могла приготовить ему кофе по его любимому рецепту. Современные машины ни на что не годились, кофе из них выходил синтетическим, на вкус он напоминал жженую резину. Чжан Вей поколебался немного, а затем взял в руки 2 кофейные чашки. Он решил заварить кофе на две персоны. В огромном доме помимо него находился еще один человек, которого Чжан решил угостить.

В передней части дома располагалась кабина управления. В ней находился капитан парящего дома, Шэнли Хэ. Шэнли знал хозяина дома уже более полувека. Именно он был летчиком-испытателем, тестирующим первые фотонные двигатели. В то время он еще работал в армии и был капитаном ВВС Китая. На его счету были сотни вылетов и несколько боевых операций. Он по праву считался одним из самых опытных летчиков на всей планете.

Первый запуск прошел неудачно. Один из двигателей вышел из строя, самолет потерял управление и вошел в штопор. Шэнли получил приказ катапультироваться, но ослушался его. Используя все свое мастерство, он восстановил контроль над самолетом и посадил его в чащу леса. При посадке он получил множественные травмы и переломы, но остался жив. Когда у него потом спросили, почему он решил ослушаться приказа, он ответил кратко «Я оценил спасение единственного прототипа выше собственной жизни». Чжан Вей отметил самоотверженность летчика-испытателя и с тех пор стал его покровителем. Когда капитан вышел в отставку, он взял его под свое крыло и назначил капитаном своего парящего дома. И вот уже 40 с лишним лет они вместе бороздили небеса. Несмотря на то, что их отношения имели формальный характер, в них чувствовались дружеские нотки. Чжан Вей любил заходить в кабину пилота и выслушивать истории капитана. Их у него было припасено на несколько жизней вперед.

— Приветствую, капитан Шэнли. Как обстановка за бортом?

— Добрый ночи, господин Чжан. Температура 2 градуса по Цельсию, ветер порывистый 14–16 метров в секунду. Но если вы хотите узнать мое мнение, то сегодня я наблюдаю прекрасную летнюю ночь.

Чжан Вей поставил поднос с двумя чашками на столик возле капитана и жестом предложил ему угощаться.

— Скажи мне, Шэнли, мы знаем друг друга уже очень давно, но я никогда не слышал, чтобы ты говорил мне о своей семье. Ты все свое время проводишь в воздухе вместе со мной. Ждет ли тебя кто-то внизу на земле?

— Не ждет, господин Чжан. Облака и ветер — вот моя единственная семья.

— Можно ли спросить, почему так получилось?

Шэнли потянулся за чашкой кофе, поднес ее к губам и медленно подул. Казалось, что так он откладывал ответ на вопрос Чжана и пытался скрыть свое замешательство.

— Прости, если я лезу не в свое дело. Ты можешь не отвечать на мой вопрос.

— Ничего. Я думаю, что вы вправе знать об этом. Когда-то давно у меня была девушка, которую я любил. Нам было всего по 16 лет, когда началась третья мировая война. Меня тогда забрали в армию, я отслужил весь срок в 18ом эвакуационном полку, мы в то время помогали эвакуировать деревни на Юге страны. Помню, как люди не хотели покидать свои дома. Их можно было понять, все же они прожили в них большую часть своей жизни. Особенно тяжело приходилось людям пожилым. Пожив с полвека в одном доме они ассоциировали себя со своим жилищем. Оставить свои дома для них было все равно, что совершить самоубийство. И нам приходилось силой выгонять людей из дома, заставляя их собирать поскорее свои вещи и садиться в транспортировочные грузовики. Я чувствовал себя в ту пору не защитником людей, а их гонителем. К счастью, в армии ты, хочешь не хочешь, перестаешь обращать внимание на голос совести и просто выполняешь те приказы, которые получаешь по линии связи. Прошу прощения, я немного отвлекся.

Чжан Вей стоял у ростового окна, лунный свет падал на его покрытое мелкими морщинами лицо и седые волосы. Он тоже прошел через третью мировую войну, но не узнал ее ужасов. Когда война началась, он уехал вместе со своей семьей на дальний остров в тихом океане, где они пробыли до тех пор, пока все не улеглось. Когда они вернулись на родину, они ужаснулись при виде тех разрушений, что принесла война. Практически каждая семья Китая потеряла по одному или несколько своих членов. Это была общенациональная трагедия, которую им удалось пережить в стороне, из-за чего они чувствовали себя виноватыми.

— Продолжай, капитан. Ты же знаешь, что я люблю слушать твои истории.

— Так вот 8 месяцев я пробыл на Юге в Наньнине, после чего наш полк был переброшен западнее в Гуаньжоу. Все прибрежные города, как вы знаете, пострадали во время войны сильнее всего. Противник даже не стремился попадать в города. Ракеты падали одна за одной в воды южно-китайского моря, вызывая огромные приливные волны. Миллионы тонн воды, словно острые лезвия, врезались в береговую линию, срезая с нее все то, что выстраивалось столетиями. Миллионы людей погибли, миллионы лишились крова, миллионы в одночасье стали никем. В составе полка мы делали все возможное, чтобы помочь уцелевшим и раненым, перевозили их в менее пострадавшие регионы, помогали отстраивать заново города. Я был военным, который освоил управление строительного крана и экскаватора, но никогда не использовал боевое оружие. В нем не было необходимости. 15 месяцев винтовка болталась у меня на спине и ни разу не выстрелила. Это было не похоже на войны, о которых я читал в книгах. Когда война закончилась я вернулся в родной Чунцин и узнал, что моя любимая погибла. Автобус, на котором она ехала вместе с семьей, провалился в одну из дорожных воронок, никто не выжил в той аварии... Я... я... так и не смог полюбить кого-то другого. Может быть, потому что я и не пытался. Когда война закончилась, я вернулся в армию, которая стала для меня домом. Оказалось, что управлять самолетом было не намного сложнее, чем строительной техникой. И так я стал летчиком, а после летчиком-испытателем. Всю жизнь я посвятил этой профессии и так и не смог построить семью. Сейчас я и не знаю, нужна ли мне она. Я так привык быть один, что, боюсь, не смогу ужиться с кем-то под одной крышей.

— Ты столько лет уживаешься со старым ворчуном и делаешь это вполне успешно. С женщиной уживаться не сложнее. К тому же традиции сейчас уже не те, что были во времена моей молодости. Раньше, вступая в брак, ты обязывался жить со своей женой до конца ваших дней. Сейчас же в брачном контракте ты можешь выбрать любой срок от 1 до

50 лет. Но я лично уже давно не встречал никого, кто женился бы больше, чем на 10 лет. По секрету скажу, что со своей последней женой Олимпией мы поженились на 8 лет. При этом по условиям договора она имеет право проводить 6 месяцев в году отдельно от меня, и, как ты, должно быть, уже заметил, она этим правом активно пользуется. Простая арифметика подсказывает, что совместно мы проведем всего 4 года. А остальные 4 — это просто воздух. Так что не бойся, Шэнли, если твой брак не сложится, то ты и понять не успеешь, как он закончится.

— Спасибо, господин Чжан. Я подумаю. Через месяц у меня будет недельный отпуск и, возможно, я вернусь сюда не один. Если вы не против, конечно?

— Насчет этого не переживай. В доме найдется место еще для двоих человек.

Шэнли призадумался, не сразу поняв, о каких двух людях он говорил.

— Ну, ты понимаешь, — старик погладил рукой по животу и рассмеялся. В свои неполные 211 лет он порой вел себя, как самый настоящий ребенок.

Глаза Шэнли сузились, мышцы его тела напряглись, он выглядел сильно встревоженным.

— Прости, Шэнли, ради бога. Я не хотел тебя обидеть.

Шэнли как будто не слышал Чжан Вей. Он подал корпус вперед, и его капитанское кресло придвинулось вплотную к стеклу.

— Господин Чжан, посмотрите туда! — командный тон его голоса прервал последние спазмы смеха, и старик стал вглядываться в линию горизонта. Там над лесным массивом вспыхивали и исчезали в ночной темноте крошечные огни. Можно было подумать, что это лесные светлячки поднялись над деревьями, чтобы найти себе пару. Однако вспышки от них были нестерпимо яркими. Они обжигали сетчатку, и перед глазами еще долгое время плавали черно-зеленые пятна. Капитан включал светозащитный фильтр и, бывшее прозрачным, стекло стало темно-синим. Тем самым он спас их от потери зрения. От самого горизонта и до самого Шанхая на земле начали вздуваться ослепительно яркие пузыри. Они прилипали к поверхности, быстро наполнялись ярким белым светом и так же быстро лопались, оставляя после себя сферические воронки размером с целые города.

В одну секунду Шанхай покрылся россыпью светящихся пузырей. После того, как они полопались, не осталось ни единого огонька города. Семь тысяч квадратных километров вместе с пятидесятимиллионным населением были аннигилированы в лучах белого света.

Чжан Вей несколько долгих мгновений смотрел вниз, пытаясь осознать происходящее. Пока в его голове не зажглось тревожное сообщение — **ВОЙНА. НАЧАЛАСЬ ВОЙНА!**

Парящий дом окатила мощная волна энергии, высвобожденной при ракетном ударе и подбросила его на сотню метров вверх. В любых других обстоятельствах их превратило бы в фарш, размазанный по кабине пилота. Но у парящего дома была своя система защиты на случай экстренных перегрузок. Фотонные двигатели сработали мгновенно, погасив большую часть энергии ударной волны. Чжан Вей подбросила вверх, он сильно ударился о покатый потолок, упал на пол и неудачно приземлился на коленные чашечки. Он лежал на полу, превозмогая боль. Мозг его лихорадочно искал пути отхода.

«Нужно предупредить всех... Дети... Олимпия... Что делать? Что делать? Что делать? Война? Кто?»

Капитан Шэнли сохранил самообладание. Опыт военного летчика помогали ему действовать рассудительно даже в чрезвычайных ситуациях. Он резко потянул рычаг управления на себя, и дом на скорости истребителя взобрался на высоту в десять тысяч

метров. Там у них была возможность спокойно оценить обстановку, прежде чем предпринимать какие-то действия.

Чжан Вей оклемался и встал на ноги. Колени его изнывали от боли, он с трудом держался на ногах. И если бы не приток адреналина, он бы уже давно потерял сознание.

— На нас напали? — задал он в своей сути бессмысленный вопрос.

— Да, нас атаковали. Все побережье осталось без электрического света. Я предполагаю, что побережье полностью уничтожено.

— Ты в этом уверен?

— Боюсь, что да. Я собственными глазами видел как Цзянсу, Ханчжоу, Нинбо и Вэньчжоу покрылись белыми шарами десятикилометрового диаметра, после чего их собственное свечение исчезло.

За линией горизонта во всех направлениях вырастали многокилометровые купола сфер. Сложно было представить, на какую глубину они уходили под землю, вырывали материю, превращали ее в ничто.

— Мы должны предупредить всех, военных, города..

— Я уже отправил сигналы бедствия по всем каналам связи и на всех частотах. Никто не отозвался.

— Ты думаешь что...?

— Да, я думаю, что Китай прекратил свое существование. Если кто-то и выжил по счастливой случайности, то это не надолго.

Прямо под ними со стороны океана на них с оглушительной скоростью летели сотни ракет. Чжан Вей закрыл лицо руками, готовясь к смерти. Однако ракеты огибали дом, как поток воды огибает камень посреди реки, и направлялись прямо в космос.

— Значит, они все-таки создали его, — задумчиво произнес Шэнли.

Чжан Вей посмотрел на него вопросительно.

— Когда я служил в армии до меня доходили слухи о проекте «Судный дождь». Это система ракетного огня, пусковые установки которой планировали установить в океане подальше от глаз противника. Система создавалась для ответного удара в случае войны. Она не нуждалась в управлении и командах человека. Несколько датчиков непрерывно отслеживали состояние поверхности по всему Китаю. И когда они перестали передавать данные в сеть, система «Судного дождя» самостоятельно выпустила тысячи ракет, нацеленные на все крупнейшие державы мира. Они полетят в космос, пройдут по орбите, повернутся вниз и обрушатся на всех врагов Китая, ознаменовав начало судного дня.

— Китайский дракон, китайский дракон. Я Эверест. Ответьте! — радиомолчание было прервано.

— Эверест, я китайский дракон. Слушаю вас, — отозвался Шэнли.

— Судный день настал. Программа Эверест запущена. Ждем вас в течение часа.

— Принято в течение часа. Отбой.

Программу «Эверест» начали больше полувека назад сразу после окончания третьей мировой войны. Богатейшие люди на планете быстро осознали, какой ущерб враждующие страны смогут нанести друг другу, применяя современное оружие массового уничтожения, и забеспокоились о том, что их бункеры больше не являлись надежной защитой от угрозы подобного масштаба. Тогда были созданы богатейшие люди востока, которые объединили свои усилия в создании самого амбициозного строительного объекта на Земле. В условиях строжайшей секретности они наняли лучших инженеров строителей, архитекторов,

экспертов по системам жизнеобеспечения, биологов, экологов, врачей и множество других специалистов в своих областях, чтобы построить глубочайший бункер в истории. Строить его решили у подножия Эвереста. На то были свои причины. Эверест являлся хорошим прикрытием для горных пород, которые добывались из-под земли. Он находился на территории дружественных стран. И его было легко найти с летательного аппарата даже в том случае, если все навигационные системы выйдут из строя. Десятилетиями буры вгрызались в горную породу, прокладывая себе путь под землю. Многие миллионы тонн почвы и скальных пород были распределены по прилегающим территориям. И вот, наконец, на глубине в 150 километров в толще аденосферы был выскоблен бункер. Площадь его составила 700 квадратных метров. Изначально планировалось строительство бункера на 3500 квадратных метров, чтобы у каждого его жителя были собственные апартаменты. Но в связи с техническими сложностями и ограничениями им пришлось поумерить свои амбиции. В результате в бункере было достаточно места для 50 человек, 25 мужчин и 25 женщин. В нем были оборудованы как отдельные небольшие спальни на несколько квадратов, так и совместные зоны отдыха, продовольственные хранилища, очистные сооружения, бани и гидропонные фермы для выращивания овощей, а также электронная библиотека, вобравшая в себя все ключевые знания человечества.

Парящий дом летел на высоте десяти километров. Из кабины пилота Чжан Вей вместе с капитаном наблюдали последние мгновения существования человеческой цивилизации. По всему земному шару разгорались и стремительно затухали вспышки белого света. Поверхность планеты покрывалась гнойными рубцами. Океаническая вода, найдя новые ходы и лазы, перетекала из одного рубца в другой. Ревущие дьявольским голосом потоки воды втекали в воронки, и набирая скорость на спусках вниз, вырывались из них, распыляя сотни миллионов тон воды в воздух. Будто звонкий смех посреди похорон, совершенно неуместная праздничная радуга появлялась то тут, то там.

Эверест окружили гигантские новообразовавшиеся водоемы. Индийский океан приблизился к могучей горе на добрых три сотни километров. Бирма, Манипур, Бутан и сотни других географических объектов навсегда были вычеркнуты из состава планеты. Не осталось ни единого памятника их существованию. Все населенные пункты, природные и рукотворные объекты были вырваны из ландшафта и превращены в атомную пыль. На их местах зияли омертвелые дыры. Совсем скоро океан добрался и до них.

Китайский дракон подлетал к Эвересту. Его облик изменился до неузнаваемости. Он лишился своей вершины. Вместо нее на высоте пяти тысяч метров красовалось идеально гладкое с загнутыми вверх краями плато. Тело горы было изувечено многочисленными выбоинами. От некогда великой горы осталось только основание. Было похоже, что кто-то прознал про существование бункера и решил уничтожить его заодно со всем миром. На миг Чжан Вей и Шэнли потеряли надежду. Не было никаких признаков людей, ни одного летательного аппарата в зоне видимости.

— Эверест, Эверест, это китайский дракон. Мы на месте.

Молчание.

— Эверест, Эверест. Это китайский дракон. Повторяю. Мы на месте.

И снова молчание.

Шэнли направил дом по спирали, высматривая на земле малейшие признаки человеческой активности. Но ничего не было видно.

— Основание горы не разрушено. Они должны быть там, — попробуй связаться с ними

еще раз.

— Эверест, Эверест. Это китайский дракон. Мы на месте.

— Китайский дракон, это Эверест. Спускайтесь по западному склону. Мы вас встретим.

Мысленно Шэнли и Чжан Вей уже были готовы разделить участь со всеми погибшими

Теперь им снова нужно было вернуть себе желание жить.

Шэнли направил дом по западному склону. Они опустились на высоту в полторы тысячи метров и заметили сигнальные огни у самого подножия горы. Там на небольшой взлетной площадке стояли два человека. В руках у них были дымовые шашки кислотно-зеленого цвета. Дым слоился и плавно ложился на площадку. Под управлением опытного пилота дом плавно спланировал ровно в центр площадки, фотонные двигатели погасли. Чжан Вей и Шэнли впервые за несколько месяцев ступили на твердую поверхность. Им навстречу двинулись двое в черных комбинезонах. В руках у одного был устаревший огнестрельный пистолет. Он направил его в сторону Шэнли.

— Добрый день, господин Чжан. Рады, что вы выжили. Кто ваш спутник?

— Это капитан моего дома, господин Шэнли. Прошу относиться к нему с должным уважением.

— Мы никого не хотим обидеть, но боюсь, что господину Шэнли придется остаться на поверхности. Все места уже заняты.

— Значит, что мои дети и жена уже здесь?

— Нет, их нет. И не будет. Все места уже заняты. Осталось одно место, предназначенное для вас, господин Чжан.

— Что это значит? — голос Чжан Вей сквозил холодным гневом.

— Пожалуйста, давайте не будем терять самообладание. И давайте поскорее. Все уже внутри, остались только вы один. Мы бы хотели покончить со всем поскорее и оказаться в безопасности. Промедление в данном вопросе вызывает раздражение, — сказал один из охранников бункера и направил пистолет в сторону Чжан Вей. Тот не повел и бровью. После всего пережитого какой-то пистолет не мог его испугать.

Шэнли сделал шаг вперед, намереваясь отобрать пистолет у охранника. Но Чжан Вей жестом остановил его.

— В таком случае извольте быстрее дать объяснения. Где мои дети и жена? Если их нет здесь, то кто занял их места?

— Место Тэнси занял я, а место Сяо господин Карасев, — он указал взглядом на своего спутника, — Место Олимпии заняла моя жена Регина.

— Кто вы вообще такие, что дали себе право занять места, которые я оплатил для себя и своих близких?

Рефлексы Шэнли обострились, его кожа наэлектризовалась, мышцы легонько подрагивали, он был готов в любую секунду вступить в схватку.

— Мы подчиненные господина Хамада бен Халифа Аль Тани. Он сказал, что мы сможем занять места тех, кто не явится в первые полчаса. Ваши дети и жена не явились, поэтому мы заняли их места. А теперь я попрошу вас попрощаться с вашим спутником и спуститься в бункер вместе с нами. Никто не знает, куда может попасть шальная ракета, — он поднял руку и указал в сторону восходящего солнца. Рассвет то и дело прерывали вспышки ракет на антивеществе.

— Господин Шэнли пойдет со мной. Он дорог мне, как член семьи, — Чжан Вей положил руку на плечо капитану и направился в сторону входа в бункер.

— Нет, — палец щелкнул предохранителем, — повторяю в последний раз. Место в бункере есть лишь на одного человека. Если вы не оставите его здесь сами, то нам придется сделать это самим.

Чжан Вей посмотрел на Шэнли. В его ясных темно-карих глазах виднелась самоотверженность и отвага. Он не страшился остаться последним человеком на поверхности. Он смотрел на старика с искренними добротой и любовью, и был рад, что тот останется жив.

— Помнишь, о чем мы говорили этой ночью? — спросил Чжан Вей у Шэнли.

В глазах капитана забрезжила нерешимость. Он хотел сказать «нет».

— Исполни свое обещание и создай свою семью. Мне на свете все равно не жить долго, и без семьи эта жизнь утратила смысл. Займи мое место в бункере и живи. Ты этого заслуживаешь.

Губы капитана задрожали, уголки глаз его подергивались, ноздри расширились от внезапного приступа чувств.

— Вы, вы не можете, господин Чжан... вы не можете умереть здесь.

— Кто сказал, что я собираюсь умереть здесь? — лукаво улыбнулся старик, — я вернусь в свой дом и проведу остаток своих дней там. В нем хватит еды и воды еще на несколько моих жизней.

— Мы ничего не имеем против, — высказался человек с пистолетом, — главное чтобы это был только один человек. В остальном нам без разницы кто пойдет, вы или он.

Чжан повернулся к Шэнли и сердечно обнял его. Лучше всяких речей объятие выразило его чувства. Они посмотрели друг другу в глаза в последний раз и Чжан Вей зашагал в сторону дома. Через минуту фотонные двигатели заработали, и дом оторвался от земли. Поляризационный фильтр спрятал Чжан Вея в кабине пилота. Шэнли бросил туда последний взгляд, его губы прошептали «Спасибо» и вместе с двумя провожатыми он спустился в бункер.

Глава 7. Психея

Выбитая красными иероглифами на светлой коже спутника надпись казалась ненастоящей.

— Кто-нибудь знает, что это такое? — обратился Миша к команде.

— Похоже на один из древних языков, на которых говорили люди. Мне кажется, что я видел похожие символы в одной из старых книг, — отозвался Родион.

— И что эта надпись означает?

Всеобщее молчание стало ответом на этот вопрос. Никто из них не имел ни малейшего представления о значении надписи.

— Джерри, сделай зарисовку.

Джерри не нужно было просить дважды. Его карандаш носился по листу бумаги, совершая отточенные движения. Трудно было поверить в то, что человек был способен рисовать с такой скоростью. Через несколько секунд рисунок был готов.

Астронавты продолжали сидеть в тишине, не произнося ни слова. Совершенное открытие заставило их о многом подумать. Раньше они слышали, что люди сбежали с разрушенной Земли. Теперь они получили тому прямое подтверждение. Что бы ни означала эта надпись, ее оставили люди для людей.

— Предлагаю спуститься пониже и поискать другие зацепки, — выдвинул идею Миша. Несмотря на свое центральное положение, его власть на корабле была неограниченной. На борту Лахесиса действовали законы демократии. При принятии важных решений необходимо было голосовать.

8 рук поднялись вверх, поддержав Мишино предложение. Было решено. Лахесис готовился ко спуску. Двигатели отключили, позволяя силе притяжения Европы притянуть его к себе, и корабль начал свободное падение. Лишь на доли секунды вспыхивали его двигатели, корректируя направление. Разреженная атмосфера Европы пропустила Лахесис, не оказывая никакого сопротивления. И вот корабль вошел в наполненную редкими молекулами кислорода атмосферу планеты. Небо оставалось черным во всех направлениях. А красная надпись неуклонно увеличивалась в размерах, и вскоре стала нечитабельной. Иероглифы превратились в разрозненные линии, расползающиеся в разных направлениях. Масштаб всего произведения впечатлял. Каждая черточка вытягивалась вширь на сотни метров, а длина каждого иероглифа превышала 15 километров. Пропустить такую надпись из космоса было просто невозможно. На это, судя по всему, и был расчет.

Корабль опустился в промежутке между символами. Его лапы выпустили металлические когти и прицепились к гладкой поверхности спутника. На его солнечной стороне температура не превышала -160 градусов по Цельсию, а слишком редкие молекулы кислорода делали воздух на Европе непригодным для дыхания.

— Сергей, Джерри и Родион, мы с вами пойдем на разведку. Остальные оставайтесь в корабле и будьте готовы улететь в любой момент, — Миша отдал указания экипажу, и четверка астронавтов начала подготавливаться к выходу на поверхность.

Они осмотрели свои костюмы на предмет повреждений, захватили с собой дорожные сумки с инструментами и задержались перед выходом, чтобы осмотреть глаза и ноздри друг другу. Костюмы доходили до середины шеи, на ней замыкались, и оставляли голову непокрытой. Толстая бугристая кожа на лице и в области черепа помогала им выдерживать

экстремальные температуры. Глаза закрывали вторые прозрачные веки, предотвращая высыхание слизистой, а ноздри плотно сжимались и втягивались внутрь, препятствуя проникновению сухого морозного воздуха внутрь. Эти биологические защитные механизмы люди приобрели в ходе переработки их генома. Генетическое программирование происходило регулярно и постепенно. Каждое новое поколение людей было лучше приспособлено для освоения космоса, чем предыдущее. Люди не переставали меняться. Однако нужны были еще тысячи лет, чтобы довести проект до нужной стадии. И даже так Homo Cosmicum поражали. Никогда еще в истории люди не чувствовали себя так непринужденно в опасном космосе.

Когда осмотр был окончен, они сделали по глубокому вдоху и по одному покинули корабль через открывшийся в полу люк. Оказавшись на открытом воздухе, астронавты получили возможность посмотреть на спутник под другим углом. Поверхность Европы предстала перед ними практически полностью гладкой. Лишь изредка глаз останавливался на небольших холмах, разбросанных на приличном расстоянии друг от друга. Подошвы их костюмов хорошо скользили по льду, и, если не считать, отсутствие атмосферы и суровые холода, можно было подумать, что они находились на Земле довоенного времени, когда на ней еще существовал лед. В спину светило слабое далекое солнце, которое не согревало, и где-то вдали виднелась крошечная тьма. Когда Европа окажется на обратной стороне Юпитера, и тот перекроет ей доступ к солнечному свету, спутник погрузится во мрак. Но до того, как это произойдет, Лахесис покинет ледяные пустоши Европы.

У вышедших на поверхность астронавтов было около 60 минут, прежде чем запас их кислорода должен был иссякнуть. Нужно было быстро собрать образцы и возвращаться на корабль. Друг за другом они зашагали по ледяной земле. Сделав несколько нерешительных шагов, они заскользили по поверхности, как конькобежцы. Впереди виднелась красная линия. Вблизи ее края смотрелись рыхлыми и нечеткими. Казалось, что она состояла из чего-то мягкого. И когда они к ней приблизились, догадки их подтвердились. Красные иероглифы были выполнены из мягкого рассыпчатого материала кирпично-красного цвета. Они взяли несколько образцов в контейнеры для анализа, но и без них каждый готов был поклясться, что это был красный марсианский песок. По его виду они не могли определить, сколько он здесь пролежал. В безветренной атмосфере Европы подобная надпись могла оставаться неизменной миллионы лет.

Лахесис вырвался из гравитации Европы и вновь стал вольным странником. Его миссия все еще не была выполнена. Экскурсия по орбите Юпитера и обследование Европы были только второстепенными задачами. Поимка железистого астероида — вот ради чего все затевалось, вот зачем они проделали весь этот путь в сотни миллионов километров от дома. Они должны были отыскать метеорит на просторах космоса, заарканить его и доставить на Землю. От этого зависело дальнейшее развитие обновленного человечества. Без редких металлов технологическое развитие планеты было невозможным. И вот уже две сотни лет люди отправлялись в космос на охоту. Как первобытные охотники они выслеживали свою добычу, набрасывались на нее и тащили к себе домой. После чего на Земле метеорит разбирали на составляющие. Каменистая порода использовалась для строительства, а редкоземельные металлы — рутений, родий, иридий, платина, золото применялись при создании электронных компонентов Ц.И.

Жертва Лахесиса носила женское имя, ее звали Психея. Психея была одним из крупнейших астероидов когда-либо известных человечеству. Ее обнаружили еще в 19 ом веке

и строили большие планы по добыче драгоценных металлов из ее недр. Создавались компании, образовывались фонды, собирались зонды-добытчики. Были даже планы построить целый завод в космосе по переработке металлов, полученных из астероида. Такой завод мог бы производить детали космических кораблей и собирать их прямо в космосе. Размеры таких кораблей были бы ограничены только количеством ресурсов, коих у астероида вроде Психеи было в избытке. Это были зажиточные космические обитатели. В одной только Психее ценных металлов было около 110 миллиардов тонн, она была настоящим лакомым куском для людей. Заполучив ее богатства, они могли бы на долгие годы забыть о рискованной охоте на астероиды. Однако проще было сказать, чем сделать. Психея не была легкой добычей. Ее размер достигал 250 километров в поперечнике, а масса исчислялась цифрой с десятками нолей. Лахесис на ее фоне был жалкой бактерией.

О Психее было известно достаточно много, в том числе ее орбита и период обращения вокруг Солнца. Она делала полный оборот вокруг звезды за 1880 суток и не далее, чем на следующий день должна была подойти максимально близко к Юпитеру. Если расчеты были верны, вскоре они должны были застигнуть ее. Команда вновь перешла в режим ожидания. Они отделились от Юпитера, расположившись на пути движения Психеи. Но Юпитер с его внушительными размерами все еще был, как на ладони. Из иллюминаторов корабля они наблюдали за обращением спутников вокруг планеты, облик которой менялся по часам. Вихри, штормы и смерчи проделывали с газовой оболочкой удивительные трюки. Полосы на поверхности планеты приходили в движение, дрожали и пританцовывали, завораживая своей красотой. Джерри сделал не меньше сотни рисунков за время ожидания, каждый из которых отличался от предыдущего.

Психея явилась без предупреждений. На скорости в 25 раз превышавшей скорость пули она рассекала космическое пространство. Несколько веков она совершала обороты вокруг солнца и никогда не отставала от графика. Команда приготовилась. Миша отдал указание ускорить обмен веществ. От экипажа требовалась максимальная собранность, концентрация и вычислительные способности. Им предстояло догнать космическое тело, массой и скоростью превосходящее все рукотворные летательные аппараты, и изменить траекторию его полета. Малейший просчет мог стать последний и единственной ошибкой не только для Лахесиса, но и для Земли в целом. Второй апокалипсис за тысячу лет она была не в состоянии пережить.

Астероид прошел точку разворота, отвесил поклон Юпитеру и стал быстро удаляться. Лахесису потребовалось несколько секунд, чтобы сравняться с ним по скорости и обогнать его. И вот он уже летел рядом с ней, словно сопровождающий. По правую сторону от корабля астронавты наблюдали слабо освещенную серовато-синюю оболочку астероида. Камень и металл, собранные воедино в недрах космоса миллионы лет назад, в ходе длительных бомбардировок другими астероидами превратились в изувеченное побитое жизнью тело. Крупные кратеры испещрили Психею, напоминая о ее боевом прошлом. В сравнении с ней Лахесис был новорожденным. И все же он не боялся, глаза астронавтов горели огнем, их мысли были предельно чистыми, они в реальном времени рассчитывали движения небесного тела с той же легкостью, как движение баскетбольного мяча во время игры. Они знали, что следовало делать и отбросили в сторону все сомнения.

Под управлением команды Лахесис немного замедлился, позволив астероиду себя обогнать, после чего зашел сзади и обогнул его с другой стороны. На темной стороне астероида не было света. В космосе преломление света не работало, свет не огибал объекты,

как он это делал в земной атмосфере. Противоположная от солнца сторона космических объектов была абсолютно черной. Лахесис буквально двигался на ощупь. Он развернул три передние лапы в сторону Психеи, чтобы освещать ее светом фотонных двигателей. Этого было достаточно, чтобы наметить точку соприкосновения. План был достаточно прост, хоть и нуждался в сложнейших расчетах.

По плану паукообразный корабль должен был прижаться к боку астероида и немного подтолкнуть его в сторону, чтобы его орбита сместилась в сторону Земли. При расчетах нужно было учесть массу параметров — скорости движения всех объектов на пути астероида, скорость вращений планет, спутников, скорость вращения солнца и солнечной системы вокруг центра галактики, гравитационные возмущения. Нужно было тщательно просчитать воздействие на астероид и его поведение после переданного импульса. Все расчеты производились в уме и заняли у астронавтов несколько минут. На нынешней стадии развития Номо Cosmicum это был их предел. И, тем не менее, для биологической формы жизни это было феноменальным результатом. Ц.И. мог бы гордиться своими творениями.

Освещая путь лапами, Лахесис вплотную сблизился с правым боком астероида и медленно пристыковался к нему. Когти натужно вонзились в железокаменную наружность Психеи. На поверку она оказалась прочной, как сталь. Свет выключился, все двигатели были задействованы для толчка. Микроскопический паук собрал все свои силы, чтобы столкнуть гору с места. Его металлические сочленения затряслись, напрягая все свои силы, гидромеханические системы сопели и свистели, все члены команды вцепились в рычаги управления мертвой хваткой и навалились на них своими телами, как будто таким образом они сами могли подтолкнуть астероид. Постепенно Психея начала менять траекторию своего движения. В поединке двух космических тел победил тот, на борту которого были носители разума. Убедившись в правильности траектории, паучок отсоединился от Психеи, и переместился к ней на спину. Им предстояло проследить за тем, чтобы ее путешествие до Земли прошло без происшествий.

Дорога домой, как известно, всегда давалась быстрее. Но только не в тот раз. Скорость Психеи хоть и была большой, но не поражала воображение в рамках космических дистанций. Вместе со своей добычей им нужно было лететь 816 дней. Далекий путь домой мог бы забрать более двух лет их жизней, если бы не способность к метаболической паузе. Астронавты приняли по 5 питательных таблеток каждый и вошли в состояние анабиоза. Все химические реакции организма буквально остановились. Скорость мыслительных реакций приближалась к нулю. Электрические импульсы затухли, все клетки тела заполнились питательным веществом и прекратили рост и деление, сердца в груди астронавтов замерли в ожидании следующего удара через месяц. В кабине управления жизнь остановилась.

— Быстро просыпаемся! У нас ЧП, у нас ЧП! — Мишин голос прорвался в тягучую дрему астронавтов. Мозг отправил сигнал на пробуждение всем системам.

Ребята быстро отходили от двухлетнего сна, их глаза начинали вращаться в глазных яблоках, легкие наполнились глубокими вдохами, сердца быстро наращивали скорость сокращений.

— Что случилось? — не проснувшись до конца, спросил Родион.

— Психея сошла со своей траектории и направляется прямо к Земле, — металлических голосом оповестил команду Миша.

— Что мы можем предпринять? — спросил Сергей. Его мозг активно функционировал.

просчитывая варианты. Но длительный голод давал о себе знать. Мысли с трудом передвигались по нейронам.

— Быстро ешьте и ускоряйте метаболизм. Нужно принять решение и действовать.

Члены экипажа забросили в рот по таблетке и с наслаждением их рассасывали. И не было ничего важнее в тот момент. Поесть после длительного перерыва было кульминацией их существования.

Когда питательные вещества наполнили их организмы, а туман в головах рассеялся, они, наконец, оценили всю патовость ситуации.

— Вероятно, в Психею что-то попало по пути, а мы этого и не почувствовали. Одного маленького удара стало достаточно, чтобы она изменила траекторию полета и направилась прямо на Землю, — констатировал Людовик.

Все одобрительно закивали. Их языки все еще плохо слушались после долгой спячки.

— Сколько у нас есть времени? — спросил Джерри.

— По моим подсчетам Психея столкнется с Землей через 10 суток.

Каждый астронавт сразу же перепроверил расчеты и, удостоверившись в их состоятельности, начал искать выход из ситуации.

— Нужно что-то предпринять. Какие у нас есть варианты?

— Подтолкнуть снова, изменить траекторию.

— В таком случае Психея пройдет рядом с Землей и улетит дальше в направлении солнца. Топлива в наших двигателях не хватит, чтобы догнать и вернуть ее.

— А что если мы прикрепимся спереди и попытаемся затормозить Психею?

— Ничего не выйдет. Скорость и масса астероида слишком велики. С нашим запасом топлива мы не сможем ее остановить.

В кабине на миг воцарилось молчание. Предотвратить столкновение с Землей они могли в любой момент. Но сделать так, чтобы она осталась вращаться на околоземной орбите не представлялось возможным.

— У меня есть идея, — вызвался Родион, — но нам придется за нее умереть.

Смерть не пугала астронавтов. Миссия и ее выполнение были важнее тринадцати жизней.

— Мы слушаем тебя.

Родион изложил свою идею команде, и после недолгих раздумий Лахесис оторвался от Психеи и полетел в направлении Земли.

Глава 8. Знакомство с шейхом

Металлическая крышка люка с лязгом захлопнулась. В нос ударил сырой холодный воздух. В первые несколько секунд разглядеть что-то было невозможно. Позже, когда глаза адаптировались, Шэнли увидел красные огни на стенах тоннеля. Они слились в две красные продолговатые линии, ведущие глубоко под землю.

— Нам сюда, — человек с пистолетом указал в направлении джипа. В руке его маячил пистолет, направленный на Шэнли.

— Это обязательно? — он посмотрел на человека, а потом на пистолет в его руках.

— Прошу прощения. Дурная привычка, — он спрятал пистолет в складках защитного костюма. — Однако нам лучше поспешить. Господин Хамад бен Халифа Аль Тани не любит, когда опаздывают. Давайте в машину.

На пригорке перед самым спуском стоял небольшой армейский джип компании Beijing. Шэнли не раз видел такие во время службы в армии. Это были надежные и неприхотливые автомобили. Нечета тем одноразовым стеклянным поделкам современного производства. Если какая-то машина и имела право пережить конец света, то именно Beijing. Шэнли занял место за водителем и огляделся по сторонам. Сиденья были обтянуты нежной белой кожей с золотистой прострочкой, подголовники были обиты овчинным мехом, повсюду были вставки из красного дерева, позолота и хром. От армейского джипа осталась одна только оболочка. Двое в черном сели спереди. Человек с пистолетом приложил палец к кнопке зажигания, автомобиль узнал своего хозяина, и двигатель беззвучно заработал.

— Забыл представиться. Меня зовут Евгений. А его, — он кивнул в сторону своего соседа, — Александр. Без свидетелей можете называть нас просто Женя и Саша.

— Я Шэнли Хэ, отставной капитан ВВС Китая. Будем знакомы.

Джип медленно подъехал к краю и плавно начал спускаться вниз. Евгений аккуратно поддал газу, пока машина не набрала нужную скорость. После чего спуск проходил в автоматическом режиме.

Шэнли какое-то время оглядывался по сторонам, размышляя об интересном способе передвижения, который выбрали проектировщики тоннеля. Он ожидал автоматического подъемника или лифта, но никак не машину. Вероятно, дело было в надежности. Лифты имели свойство ломаться, и исправить поломку в 150 километровой шахте было делом непростым. Да, это многое объясняло.

За окном мелькали красные лампочки, скудно освещавшие бетонные стены тоннеля.

— Стало быть, вы работаете на шейха Хамада бен Халифа Аль Тани. Какой он человек? Александр, сидящий справа, нервно откашлялся.

— Хороший человек, самый достойный из всех. Если бы не он, мы бы уже давно были мертвы. Скоро вы и сами сможете с ним познакомиться. Через час мы будем на месте. Если у вас есть еще какие-то вопросы, задавайте.

У Шэнли было много вопросов, но он решил их приберечь для более подходящего случая. С нынешним уровнем доверия ждать правдивых ответов не приходилось.

Через полтора часа дорога привела их к металлической двери бункера. Дверь была освещена по периметру белой лентой. Отчего-то в голове Шэнли всплыли картины врат христианского рая. Сам он в Бога не верил, но когда конец света случился, в голове то и дело всплывали библейские мотивы.

Они оставили машину перед входом и отправились внутрь. Тяжелая дверь с трудом поддавалась. Она была лишена автоматики и открывалась вручную. Все в бункере делалось во имя надежности и долговечности. Открывшаяся за дверью картина удивила Шэнли. Мраморные полы, огромные люстры на несколько десятков лампочек, дорогая мебель, подушки, аккуратно разложенные у стен, миниатюрные пальмы в бочкообразных тумбах. От бункера он ожидал меньшей помпезности. На деле же он оказался в дворце арабского шейха. Было не похоже, чтобы такой дизайн был выбран в ходе честного голосования. Пазл обретал новые элементы. У Шэнли появилось дурное предчувствие.

— Снимайте обувь и надевайте тапочки. Господин Аль Тани не любит грязные полы, — сказал Саша. Пока Шэнли вертел головой туда-сюда, они с Женей уже давно переобулись.

Они шли по сверкающим мраморным полам, в которых отражались люстры невиданной красоты. Высота потолков впечатляла, в ней было по меньшей мере 7 метров, а в некоторых местах она доходила до всех десяти. Многочисленные люстры отдавали много света, из-за чего в помещении было светло, как днем. Они прошли 20 метров холла, и Евгений подался вперед, чтобы открывать массивную деревянную дверь. Шэнли не разбирался в редких сортах древесины, но был уверен, что сделана она была не из дешевого дерева. И это тогда, когда весь мир уже давно перешел на композитные материалы, а поредевшие леса тщательно оберегали от браконьеров. Стоимость одной такой двери могла исчисляться миллионами долларов.

За дверью их встречала белокурая голубоглазая девушка, одетая в белые одежды. В руках она держала золотой поднос. Евгений запустил руку в приоткрытую молнию комбинезона и извлек наружу пистолет, после чего бережно поместил его на поднос. Девушка откланялась и засеменила куда-то в сторону.

Перед Шэнли и правда оказался настоящий шейх. Черные, как вороное крыло, пряди его волос, густые массивные брови и борода, контрастировали с белым цветом традиционных арабских одежд. Его властный уверенный взгляд выдавал в нем человека, который привык править. Он сидел на длинном обитом замшей диваном. Диван был, по меньшей мере, 20 метров в ширину. По левую и правую сторону от шейха на нем сидели молодые красивые девушки. Шэнли не имел возможности долго их рассматривать, но беглый взгляд показал, что все они принадлежали к разным национальностям. Там были блондинки, брюнетки, рыжие, белые, темные, метиски, азиатки и индианки. Все как на подбор, они источали флюиды чувственной женственности. Их глаза, губы, изгибы их тел говорили о великолепном наборе генов. Всего он заметил около 3 десятков девушек. Позже он узнал, что их было 31. По одной на каждый день месяца.

Перед шейхом на небольшом столике ручной работы красовались тропические фрукты и несколько графинов с вином. Он протянул руку, отхватил пару сочных виноградин и положил их в рот. Девушка, сидевшая к нему ближе всего, тот час же подставила к его подбородку небольшой стаканчик. Шейх сплюнул косточки в него, и взял бокал с вином. Он опустошил его за несколько глотков и откинулся на спинку дивана с чувством собственного превосходства. Гостям он присоединиться к пиршеству не предложил. Ни одна девушка не испила вина и не вкусила фруктов. Весь праздник был устроен для единственной персоны. Шэнли невольно поморщился при этом зрелище. Он был воспитан в простой семье, где было принято угощать своих гостей, а не морить их голодом, заставляя смотреть, как ты ешь в одиночестве. Но он предусмотрительно промолчал. От шейха веяло чем-то недобрый.

Аль Тани осмотрел новоприбывшего с ног до головы и сразу утратил к нему интерес. Он

сделал вид, как будто того и не существовало. Далее он обращался исключительно к своим подданным.

— Кто это? — обратился он к Евгению.

— Этого мужчину зовут Шэнли Хэ, он прибыл на китайском драконе вместе с господином Чжан Веем.

— Я вижу, что это не Чжан Вей, — перебил его шейх, — я спрашиваю, разве я давал указания привести кого-то кроме Чжан Вея?

— Но... но вы сказали, что у нас есть одно место. Мы и подумали, что не важно, кому оно достанется.

— С каких пор вы дали себе право думать о чем-то? Думать вам не надо. У вас это плохо получается. Вам надо выполнять мои указания. Говорил привести Чжан Вея, значит надо было привести его и только его.

— Господин Чжан Вей отказался от своего места в мою пользу, уважаемый Хамад бен Халифа Аль Тани, — Шэнли вмешался в разговор.

Шейх пропустил его слова мимо ушей и продолжил разговаривать с Женей.

— Я хотел, чтобы вы привели Чжан Вея, — голос его стал высоким и напоминал капризного ребенка, — мы с Чжан Веем давно уже дружили, мы с ним практически ровесники, он всего на 15 лет меня старше. Я думал, что он станет мне здесь другом, вместе с которым мы встретим конец света. Вы же привели мне безымянный новый рот, который будет требовать еду, воду и воздух. Может, объясните, на кой черт он мне здесь такой сдался?

Шэнли опешил от такой наглости. В своей жизни он выслушал много бранных слов от своего вышестоящего руководства, и не всегда они были справедливыми. Он привык не обращать внимания на подобные вещи. В армии кнут был типичной практикой. Но терпеть замечания от человека, который не имел на них никакого права, было выше его терпения.

— Попрошу выбирать!...

Сильный удар под коленную чашечку прервал возмущение Шэнли и поставил его на колени. Он обернулся назад и увидел извиняющиеся глаза Александра. Мимолетная вспышка ярости разбилась об этот взгляд полный сожалений. Понимая, что другого выбора у него не осталось, он продолжил стоять на коленях, не потеряв своего лица.

— Я задал вопрос и жду на него ответа! — Аль Тани начал терять самообладание. В руке у него сверкнул инкрустированный рубинами кинжал.

Евгений мешкал с ответом. Казалось, что он пытается что-то сказать про себя, но слова не желали покидать его рта. Наконец, он неуверенно заговорил:

— Он здоровый, крепкий, ему можно будет доверить любую физическую работу, он неприхотливый, много еды для него не потребуется, он умеет управлять воздушными судами, он знает мировой китайский язык, он..

— Это правда? Ты умеешь отправлять воздушными судами? — впервые Аль Тани обратился к Шэнли напрямую.

— Да, я служил капитаном в ВВС Китая и умею управлять военными и гражданскими летательными аппаратами.

— Тебе повезло. Мы как раз недавно лишились нашего пилота, — произнося эти слова Аль Тани прошелся коварным взглядом по своему кинжалу, — я позволю тебе остаться. Если ты присягнешь мне на верность.

Шэнли не нужно было долго думать, чтобы понять, что от его ответа зависела его

жизнь.

— Мне не впервой принимать присягу. Я буду служить вам верой и правдой.

— Да, да, я в этом не сомневаюсь. Однако красивые слова — это еще не все. Ты должен доказать преданность своей кровью. Подойди сюда.

Шэнли поднялся с колен и направился к шейху. Евгений и Александр не сдвинулись с места. Шэнли прикидывал, если он побежит на шейха прямо сейчас, то они не успеют его остановить. У него будет возможность выхватить кинжал и приставить его к горлу наглеца. Но что-то во взгляде шейха и девушек его окружавших уберегло его от опрометчивого поступка.

— Дай руку. Я сделаю надрез на твоей ладони, и ты поставишь свою кровавую подпись в договоре, присягая мне на верность.

Шэнли протянул шейху руку. Тот с силой схватил ее, заостренный кинжал врезался в плоть, и алая кровь закапала на белокаменный пол. Шэнли не проронил ни звука.

— Хорошо. Теперь подписывай договор, — шейх вытащил откуда-то из-под подушек металлический планшет. На его поверхности вспыхнули золотистые буквы. Верхние строчки были на знакомом Шэнли английском языке:

«This contract is provided by Nano Research Group. By signing the contract, you confirm that you voluntarily accept and agree to the terms of the contract set out below.»

Далее шел текст на арабском языке, которым Шэнли не владел. О содержании этого контракта он мог только догадываться.

— Можно узнать, что там написано?

— В армии вы тоже задавали вопросы? — оборвал его шейх.

— Никак нет.

Шэнли приложил окровавленную ладонь к планшету. Золотистый шрифт затерялся в красных тонах. В то же мгновение в планшете образовалось отверстие, которое со свистом всосало кровь. На металлической поверхности не осталось ни капли. Планшет завибрировал и загудел, как центрифуга. Еще через секунду отверстие открылось снова, и из него выбрался маленький похожий на клеща жучок. Он хищно озирался по сторонам и вращал головой во все стороны, улавливая молекулы крови в воздухе.

Шейх взял Шэнли за раненную руку и накрыл ею жука. Шэнли почувствовал, как его маленькие холодные лапки раздвинули края раны, и он проник под кожу. Клещ быстро отыскал крупную вену и, сделав аккуратный надрез, вошел в нее. От запястья и до плеча Шэнли прошла череда электрических импульсов. Жук в прямом смысле слова щекотал его нервы, это было нечто на грани между болью и наслаждением. Шэнли почувствовал, как вторженец пробрался по вене до плечевой артерии, прошел под плечевой костью, и, воспользовавшись сонной артерией, добрался до самого мозга. Какое-то время Шэнли еще ощущал передвижения жука в мозговых артериях. От этого неприятного ощущения волосы на его голове зашевелились. К счастью, вскоре присутствие жука исчезло вместе с болезненными ощущениями. Однако само его присутствие в черепной коробке не предвещало ничего хорошего.

— Вот и замечательно. Я могу быть уверенным в твоей преданности. Евгений и Александр, отведите его в комнату для прислуги и выдайте рабочую форму. Подберите работу, и пусть он приступает к ней сегодня же. Теперь убирайтесь, — он дважды махнул тыльной стороной ладони, будто бы отгоняя назойливых мух.

Трое мужчин вышли в небольшую дверь и очутились в узеньком плохо освещенном

коридоре. Ширины его едва хватало для двоих человек. Серые бетонные стены и ничем не прикрытые провода больше напоминали бункер, каким Шэнли представлял его себе.

Коридор имел ответвления и напоминал лабиринт. Они сделали несколько поворотов, прежде чем добрались до нужного помещения. Серая, как и все вокруг, пластиковая дверь распахнулась со скрипом, и в нос ударил сильный запах грязных носков и немытого тела. Так пахло в армейских казармах. Капитан был знаком с таким запахом не понаслышке и ворочать носом не стал. Внутри стояли двухъярусные кровати, сделанные из переработанного пластика. На них лежали скрученные одеяла и подушки без постельного белья, они источали запах сырости. У кроватей стояли небольшие тумбочки. В дальнем углу красовалась дырка в полу, служившая для всех туалетом. В блеклом свете единственной слабой лампочки обстановка смотрелась вдвойне депрессивно.

— Это спальня прислуги, то есть наша. Думаю, что объяснять не нужно, что это значит. Все мы здесь — прислуга. Вместе с тобой 18 человек. Мы обслуживаем шейха и его гарем, следим за чистотой и порядком в «Мекке». Так шейх хочет, чтобы мы называли подземное убежище. Даже не думай произносить при нем «бункер». Ему это не понравится. Он хочет жить так, как будто конца света не было, как будто он и не под землей находится. Ну, ты и сам все увидишь и поймешь, о чем я говорю, — Евгений сделал небольшую паузу и подошел к своей кровати, — у меня тут сверху свободно, можешь занимать второй ярус. Надеюсь, что ты не храпишь.

Шэнли все никак не мог осознать происходящее. Оно попросту не укладывалось в его голове. 50 человек выжили после всемирного вымирания. Других людей на всей планете, возможно, и не осталось. Они последние представители своего вида. Они должны были относиться друг к другу с уважением и постараться заново построить общество, избегая ошибок прошлого, дискриминации по классовым признакам. Нет никаких больше классов. В мире не осталось больше ни денег, ни банков, ни магазинов, ничего. История обнулилась. Кто был никем, тот станет всем и наоборот. Так с какой стати, черт побери, он должен прислуживать какому-то бородатому идиоту?

Только он подумал об этом, как острая боль обрушилась на его голову ударом кувалды. От мощнейшего приступа боли он упал на землю, скорчился, мышцы его лица застыли в гримасе ужаса. Тело его не слушалось, он утратил контроль над всеми конечностями и не ощущал ничего, кроме всепоглощающей боли. Начавшись взрывом в голове, она распространялась по спинному мозгу и доходила до каждого нервного окончания. Все его тело испытало жгучую резкую боль. Сердце бешено забилося в груди. Маленький паразит в мозгу позаботился о том, чтобы оно не остановилось, и увеличил выработку адреналина.

Александр и Евгений молча смотрели на его страдания и не пытались никак ему помочь. Через минуту боль отступила. Шэнли остался лежать на полу в позе эмбриона, он напоминал беззащитного ребенка. Лишь несколько минут спустя он нашел в себе силы подняться. Александр подал ему стакан воды и по-дружески похлопал его по плечу. Он и сам проходил через это ранее.

— Тот жучок, которого ты впустил в себя. Это он вызывает боль. Мы не знаем, как это точно работает. Но стоит тебе подумать как-то плохо об Аль Тани и наказание не заставляет себя долго ждать. Более того, стоит шейху получить какую-то травму, и его боль передается всем носителям жука, усиленная в десятки раз. Мы сами лишь недавно узнали об этом, когда Аль Тани свалился с лошади и приземлился на колено. («С какой еще лошади?» — у Шэнли все еще путались мысли). В тот вечер мы все готовы были повыдирать себе коленные чашки,

только бы никогда больше не испытать этого снова. Он же как будто нарочно не торопился получить медицинскую помощь, — Женя остановил себя, пока не зашел слишком далеко. Ему нужно было аккуратнее выбирать слова.

— В общем, мы все попали в эту кабалу и нет из нее спасения, — подытожил Саша, — шейх попросту неуязвим.

— А что насчет девушек? — справился Шэнли, — Они тоже «заражены» жуками?

— Все остальные вопросы потом. Сейчас нужно работать. Промедление означает боль, — Женя постучал себя пальцем по виску.

Шэнли понял: шейх знал, где они находились, и не позволил бы им прохлаждаться в комнате отдыха безнаказанно. Все вопросы на потом. Нужно было приступить к работе.

Глава 9. NeuroVerse

Китайский дракон взмыл в небо, оставив далеко позади некогда величайшую гору на планете. Чжан Вей легко управлялся с пилотированием дома. Все-таки он его и проектировал. На пульте связи он прочесал все частоты, пытаясь отыскать сообщения уцелевших, но так ничего и не нашел. Он попытался позвонить Тэнси по спутниковой связи, но и эта попытка провалилась. С младшим Сяо он давно утратил все контакты. Олимпия зависала где-то на другом конце света неизвестно с кем. Даже если она и выжила, вряд ли она хотела бы тогда быть вместе с ним. Чжан Вей не стал и пытаться выйти с ней на связь.

Пролетая над Тайландом, он опустился ниже в поисках выживших. Но взгляду его предстали лишь картины тотальных разрушений. Огромные лунки глубиной в несколько километров покрывали огромные территории. Никто не уцелел, ничто не уцелело.

Судный день настал 22.05.2250. Красивая дата, которая утратила всякий смысл вместе с исчезновением человеческой истории. Все памятные даты, все исторические свершения, победы и поражения в войнах, великие изобретение, рождения и упадки цивилизаций. Все это больше не имело никакого значения.

Чжан Вей отвел дом подальше от материка. Ему не хотелось больше видеть картины разрушений. И он отправил его туда, где все оставалось неизменным — над океаном. Воды индийского океана волновались где-то далеко внизу, они укрыли и защитили своих обитателей от ракетных ударов. Но где-то в глубинах начали проявлять себя первые последствия. Ядро планеты подверглось бомбардировке субатомных частиц, оно начало нагреваться, приводя в движение литосферные плиты. Некоторое время они еще должны были продержаться. Но в какой-то моменты хрупкая корка не выдержит, и миллионы тонн горячей магмы вырвутся наружу, вызывая землетрясения, цунами и массовые извержения вулканов. Земле еще предстояло пережить это все. Но пока все было спокойно Чжан Вей решил встретить судный день вместе с бокалом вина.

На такой случай у него как раз была бутылочка Шато Лафит 1947 года розлива. Вино было старше его практически на сотню лет и хорошенько настоялось, прежде чем оказалось у него в желудке. Для такого случая на кухне у него нашелся и кусочек сыра. Он откупорил бутылку, вдохнул кисло-сладкий аромат красного вина и сделал большой глоток прямо из горла. К черту условности. Закусил большим куском сыра и расположился в гостиной. Попивая вино на похоронах цивилизации, он радовался, что выжил. Забавно, казалось, что для этого не было никаких причин. Одинокий старик, который потерял все что у него было и никогда больше не увидит других людей. Одиночество теперь стало для него величиной постоянной. И все же он был искренне рад остаться в живых. Он даже не держал зла на шейха Аль Тани за его предательство. В какой-то степени даже был благодарен ему за то, что он избавил его от необходимости жить под землей. Можно сказать, он родился и сформировался как человек, как личность, именно под землей во время работы в шахтах. Эта работа закалила его и выточила твердый стержень — основу его характера. Он усвоил все уроки, что земля была готова ему дать, и больше не хотел в нее опускаться. По крайней мере, не тогда.

Весь день до самого заката Чжан Вей провел созерцая водную гладь и уснул уже после того, как Земля повернулась к солнцу спиной. Он спал крепко, как младенец.

В следующие несколько дней он странствовал по миру, сравнивая свои карты с тем, что

видели его глаза. Не найдя следов выживших он оставил всякие попытки их отыскать и просто скитался по свету. Через несколько дней первичная эйфория начала утихать, а реальность становилась куда более мрачной. Ледяное присутствие одиночества становилось все более отчетливым. Засыпая, он прижимался к подушкам, имитируя объятия, а по утрам не спешил открывать глаза. Вина он больше не пил, в еде довольствовался малым. День за днем он прохаживался по пустующим комнатам дома, вспоминая свое богатое прошлое. Для старика это было единственной отрадой. Он несколько раз подходил к комнате капитана Шэнли, но так и не решался туда зайти. В конце концов, тоска и любопытство победили, и он оказался в просторной светлой комнате. В ней все стояло на своих местах и была образцовая чистота. Кровать была аккуратно заправлена, на полках стояли старинные бумажные книги — военное дело, астрономия, экономика, медицина, история, политология, археология, лингвистика. Книги были написаны на китайском, английском, испанском языках, французском и русских языках. В гардеробе висели армейские кители с медалями за многочисленные заслуги перед отечеством. На письменном столе стояла рамка с фотографией красивой молодой девушки. Она обнимала большой букет лиловых пионов и сияла ослепительной улыбкой. На вид ей было не более 20 лет. Чжан Вей покинул комнату капитана, оставив все на своих местах.

Он прошел в хозяйскую спальню, лег на кровать и дотянулся рукой до миниатюрного пульта на столике. По нажатию кнопки с потолка до самого пола опустился круглый экран, полностью окружив кровать. Экран покрылся цветастыми иконками телеканалов, ни один из двух тысяч которых не работал. Тогда он отыскал видео со своего юбилея и запустил его. Это был фильм, снятый в формате полного погружения. Двести сорок летавших по залу камер снимали празднование весь вечер, после чего все собранные видеоматериалы были объединены в одно пространственное видео ультравысокого разрешения. Картинка ничем не отличалась от реальной жизни и в чем-то ее превосходила.

Просматривая фильм, он вновь оказался в центре внимания, все гости смотрели в его сторону, многие улыбались, но не все. Были и те, кто шептался, глядя в его сторону. Только сейчас он смог обратить на это внимание. Но это его нисколько не обижало. Люди обсуждали его за его спиной с тех самых пор, как он стал богатейшим человеком Китая. Такова была цена богатства. Оно всегда привлекало к себе завистников и сплетников.

«Интересно, если бы уже тогда все знали, что произойдет, что бы это изменило? Могли ли эти влиятельные люди что-то изменить или все было предрешиено?» — думал Чжан Вей глядя на всех высокопоставленных лиц в зале. Если не всех, то большинства из них больше не было в живых.

Он сделал несколько вращений кистью, меняя ракурс обзора, оглядел всех гостей, полетал над залом вместе с одной из камер, посмотрел на гостей с трехметровой высоты и собирался выключить видео, как вдруг заметил кое-что интересное. Человек в оранжевом костюме пробирался сквозь толпу с противоположного края площадки. Он двигался уверенно прямоком на Чжан Вея. В руке он держал небольшую коробку, обернутую в праздничную упаковку.

— Добрый день, господин Чжан Вей, меня зовут Майкл Ли, — представился он. На рукаве у него была нашивка курьерской службы China Express, — у меня для вас посылка от вашего сына Тэнси Вея.

— Спасибо, — он оставил подпись в электронном формуляре.

— Хотите что-то передать отправителю?

— Пожалуй, нет, — ответил Чжан Вей после секундных раздумий. Он предпочел бы, чтобы сын лично вручил ему свой подарок.

Он поставил коробку на поднос проходившему мимо официанту, и больше ее не видел. Что же с ней случилось? Коробка, которую он ранее так бесчувственно отверг, обрела для него повышенную ценность. Это была последняя связь с его сыном. Сильнее всего на свете он захотел выяснить, что с ней стало. Он два раза щелкнул на кнопку пульта и отменил центрирование на себе. Все внимание теперь было сосредоточено на маленькой красной коробке, повязанной золотистой лентой. Верхом на подносе с искрящимся шампанским она проследовала до кухни. Официант небрежно перекинул ее на стол, чтобы освободить место и оставил ее там. Официанты входили и выходили, крутились вокруг коробки, но не трогали ее. Пока один из них не перенес ее в дальний угол кухни, где она начала обрастать мусором и грязной посудой. Вскоре ее уже не было видно.

«Только бы ее кто-то заметил», — Чжан Вей уселся на кровати, обняв колени, и почти не моргая вглядывался в огромный экран.

Он промотал видео вперед. Праздник уже подходил к завершению. Гости начали расходиться. Зал пустел. Он и сам в тот день пораньше отправился домой и, не дождавшись Олимпию, лег спать.

Людей становилось все меньше и меньше. Неужели его подарок так и остался там стоять, всеми покинутый? Он продолжил смотреть, с силой сжимая пульт в закрытой ладони. Вот на кухню зашла Олимпия, она осматривалась по сторонам и что-то спросила у официанта. Тот лишь отрицательно покачал головой. Она вышла и вскоре вернулась на кухню с другим официантом. Тот принялся ходить по кухне, пристально осматривая ее, пока не добрался до угла, где за горами немытой посуды спряталась заветная коробка. Он запустил руку и аккуратно достал ее, передавая Олимпии. Она брезгливо покрутила ее в руках и понесла ее на вытянутой руке из кухни. На этом моменте видео обрывалось.

«Если она забрала ее домой, то она должна быть где-то здесь», — с надеждой подумал Чжан Вей.

Он быстро деактивировал телевизор, и система спряталась под потолок, в секунду поднялся с кровати и принялся осматривать все скрытые ниши в комнате. Сердце его было беспокойно. Через несколько минут на полу оказались десятки самых разных вещей, и комната превратилась в музей нажитого хлама. Наконец, руки нащупали нужную вещь. Помятая и вся в липких пятнах в его руках оказалась подарочная коробка. Он сел вместе с ней на край кровати и открыл.

— Привет, отец, — откуда-то из коробки прозвучал голос сына, — мне жаль, что я не смог прийти лично на твой праздник. Весь в делах, весь в работе. Не мне тебе это объяснять. Я сделал для тебя кое-что особенное в NeuroVerse. Надеюсь, тебе понравится. Поздравляю тебя с днем рождения.

Голос отключился. Чжан Вей закрыл коробку и открыл снова, но голосовое поздравление не повторялось. Он аккуратно перевернул коробку вверх дном, и ее содержимое вывалилось на кровать. На атласном покрывале лежало два черных беспроводных наушника, они приятно холодили кожу, оказавшись в ладони. Чжан Вей вставил наушники в уши и вновь услышал голос сына.

— Ты, должно быть, никогда не пользовался подобными вещами. Поэтому я записал для тебя небольшую инструкцию. Прикоснись пальцами к наушникам с тыльной стороны и жди звукового сигнала 2–3 секунды. Голос будет задавать тебе вопросы. На все отвечай

утвердительно. На этом все. Увидимся внутри.

Чжан Вей сделал все в точности, как было сказано, и услышал незнакомый женский голос:

— NeuroVerse приветствует вас, господин Чжан Вей. Перед использованием нашего устройства, пожалуйста, пройдите небольшой опрос. Вы готовы?

— Да.

— Вы даете свое согласие на сканирование мозга?

— Да.

— Вы согласны с тем, что устройство будет вносить изменение в его работу, стимулируя активность мозговых центров? Не беспокойтесь. Для вас это будет абсолютно безопасно.

— Да.

— Возвращать вас в реальность каждые 4 часа?

— Да.

— Вы удовлетворили все ваши биологические потребности во сне, еде, воде?

— Да.

— Вы готовы начать?

— Да.

— Пожалуйста, примите горизонтальное положение. Когда будете готовы, скажите мне.

Чжан Вей вытянулся посреди кровати.

— Я готов.

Не было никаких долгих переходов, падений в кроличью нору, перелетов через космические пространства или красочные гиперпространственные тоннели. Чжан Вей просто моргнул и уже сидел на белоснежном пляже, окуная пальцы ног в мягкий горячий песок. Глаза слепило белое полуденное солнце. По сторонам во все стороны виднелись пальмы. Рядом на песке стоял кокос с соломинкой. Он пригнулся к нему и сделал глоток сладкого алкогольного напитка. В зеленом кокосе смешались ананасовый сок, кокосовое молоко и кубинский ром. Вкус был, как настоящий, как и все вокруг. Он ясно чувствовал жар палящего солнца и ром, согревавший его изнутри. Через несколько мгновений он ощутил ласковое тепло алкогольного опьянения.

Из воды вышел темноволосый молодой человек худощавого телосложения. В руке у него была доска для серфинга. Он воткнул доску в песок и направился к Чжан Вей. В его походке он сразу узнал своего сына Тэнси. Таким он его помнил молодым, когда ему было еще около тридцати лет. В ту пору он носил длинные волосы, прикрывающие уши, и во всем пытался угодить отцу. Чжан Вей и Тэнси часто виделись на рабочем месте в главном штабе корпорации WeiJets в Шанхае. Он назначил сына своим первым помощником и нещадно нагружал его работой. Вместе они работали по 12–16 часов в сутки, иногда оставаясь в офисе на ночлег. В такие вечера они вместе ели лапшу быстрого приготовления. Иногда Тэнси пытался завести разговор. Как-то раз он даже предлагал вместе отправиться в отпуск в конце квартала. Чжан Вей обещал подумать, но обещание позабылось. Он и не знал, что Тэнси частенько изучал морские курорты в гиперсети, планируя их совместный отпуск.

— Хочешь вместе покататься на серфе? — обратился Тэнси к отцу.

Чжан Вей в ответ только улыбнулся.

— Боюсь, что я уже не в том возрасте, чтобы кататься на доске.

— В каком таком возрасте? Ты о чем? — удивленно посмотрел на него виртуальный

сын.

Чжан Вей оглядел свои ноги, руки и до него дошло. Он медленно ощупал свое лицо, безуспешно пытаясь отыскать возрастные морщины. Его длинные седые волосы тоже куда-то пропали. Он был в теле пятидесятилетнего мужчины, молодого и сильного.

Несколько часов Чжан Вей вместе с сыном покорял волны. Он быстро обучался и в конце концов оседлал семиметрового гиганта. Волна привезла его на берег, где я его ожидал улыбающийся во все зубы сын.

— У тебя здорово получается. Чем хочешь заняться теперь? Сходим в бар, отправимся на рыбалку, покатаемся на гидроциклах, отправимся в город на экскурсию или пойдем исследовать дикий мир джунглей, арендуем самолет, прыгнем с парашютами или устроим что-нибудь совсем безумное? Здесь мы можем заниматься всем, чем только захотим, нет никаких ограничений. Тебе решать.

— Давай просто посидим здесь, — Чжан Вей сел на горячий песок и похлопал рукой рядом с собой. Тэнси опустилсся и сел рядом.

— Что-то случилось? — Тэнси озадаченно посмотрел на отца, в его взгляде застыли слезы.

— Прости меня.

— За что тебя простить? Я тебя не понимаю, пап. Тебе не нравится отпуск?

— Нет, нет. Мне все нравится. Не бери в голову, — Чжан Вей протер глаза тыльной стороной ладони, убирая выступившие слезы, и постарался улыбнуться.

«Интересно, сколько времени я уже провел здесь? Мы занимались серфингом 3 часа не меньше. Скоро меня должны будут вернуть в реальность» — быстрая мысль промелькнула в сознании Чжана.

— Расскажи мне о себе, сын. Мы так редко общались по вопросам, не связанным с работой. Я практически ничего о тебе не знаю. Что тебе нравится? Какие у тебя есть интересы и увлечения? О чем ты мечтаешь?

И Тэнси принялся рассказывать. Он говорил практически без остановки, поглядывая попеременно на отца и заходящее солнце. От него Чжан Вей узнал многие подробности о жизни сына. Оказалось, что тот очень любил музыку и сам играл на нескольких музыкальных инструментах, он любил готовить и проводил за этим времени многие часы в свободное время, ему нравились современные фильмы в жанре «Автобиография». Эти фильмы снимали сами о себе выдающиеся люди при помощи конвертера памяти. Им нужно было лишь вспоминать последовательно свою жизнь, устройство перерабатывало нейронные импульсы памяти в электронные изображения и связывало их в единый фильм. На выходе получался полностью самостоятельный фильм с прекрасным светом, операторской работой, монтажом, саундтреком и даже закадровым голосом, если виртуальный режиссёр считал уместным его добавить. Автобиографические фильмы длились, как правило, от двух до четырех часов, но были и редкие экземпляры длительностью в 6 и более часов. Все зависело от насыщенности жизни и количества материалов для фильма. Чжан Вей вспомнил, что ему и самому как-то раз предлагали снять о себе такой фильм, но он отказался. Он побоялся, что фильм получится бы скучным и однообразным. Большую часть своей жизни он просидел за рабочим столом.

Несколько часов прошли незаметно за разговором. Чжан Вей с сыном обсуждали самые разные вещи, обменивались воспоминаниями и историями из прошлого, вместе шутили и громко смеялись. Все казалось таким достоверным, что мысли о нереальности

происходящего быстро оставили Чжан Вей. Наконец, они поднялись и пошли в сторону ресторана на набережной. Тэнси сказал, что на ужин у него был приготовлен для него особый сюрприз. Они вместе сели за стол и он попросил отца закрыть глаза. Когда он их открыл, напротив него за столиком сидела черноволосая девушка с глубокими карими глазами. На ней было легкое коктейльное платье цвета пепельной розы и красивые жемчужные бусы. Чжан Вей отлично помнил эти бусы. Он сам их купил для Юн Мэй все время их отдыха на Филиппинах.

— Юн Мэй, это в самом деле ты?

— Конечно, я. Ты ожидал увидеть здесь кого-то другого? — она обидчиво надула губки в свойственной себе манере.

— Но как это вообще возможно?

К столу придвинул стул Тэнси и сел рядом.

— Я попросил собрать все книги и статьи, написанные Юн Мэй, все видео и аудиоматериалы, на которых сохранились ее движения и голос. Нейровселенная собрала все воедино и воссоздала точную копию Юн Мэй. Она шутит, говорит, двигается и ведет себя в точности, как оригинал. Конечно, я не говорю, что она именно та Юн Мэй, которую ты знал, но ты можешь попробовать узнать ее и я уверен, что вы с ней поладите.

Чжан Вей смотрел на Юн Мэй, сердце его разрывалось от радости и боли. Ему стало трудно дышать.

— Я хочу уйти отсюда.

— Давай выйдем на улицу, подышим воздухом.

— Нет, я хочу выйти отсюда. Эй, программа, я хочу выйти! Выведи меня отсюда! Быстрее!

— Пап, пожалуйста, успокойся. Ты на самом деле хочешь уйти? Ты ведь провел здесь всего 10 минут.

— 10 минут? — Чжан Вей не мог поверить своим ушам, — я же провел тут весь день. Солнце уже успело сесть. Звезды в небе горят, луна светит, ночь на дворе. Почему ты говоришь, что прошло только 10 минут?

— Потому что так оно и есть. Время здесь и в реальном мире отличается. 1 минута здесь равняется часу в реальной жизни.

— Хорошо, выпусти меня отсюда.

— Ты в этом уверен? — Тэнси казался расстроенным.

— Да, я хочу уйти.

Чжан Вей очнулся в своей кровати, наспех вытащил черные наушники из ушей и отложил их подальше. Он приподнялся и направился в ванную, умыл лицо, протер глаза и посмотрел на себя в зеркало. Перед ним стоял двухсотсороклетний старик, переживший конец света и оставшийся совсем одиноким. Реальность была еще суровей выдумки. Он приложился к крану, сделал несколько больших глотков прохладной воды и вернулся в кровать. Юн Мэй по-прежнему сидела за столиком в ресторане и внимательно изучала меню.

Глава 10. Ни бога, ни черта

На полной скорости Лахесис разминулся со своей родной планетой. Коричнево-желтая Земля болталась в космосе, не подозревая о надвигающейся опасности. В своем далеком прошлом она прошла через множество космических сражений. Прямое доказательство тому до сих пор преследовало ее по пятам и обращалось по земной орбите. Больше четырех миллиардов лет Луна и Земля были неразлучны, как две сестры.

Путь Лахесиса лежал далеко за пределы земной орбиты. Времени любоваться видами не было. Они обошли планету стороной и отправились ко второй планете от Солнца, Венере. Трудно поверить, но было время, когда люди считали, что планета могла быть обитаемой. Многие ученые и мыслители предполагали наличие растительной и животной жизни на ее поверхности. Воображали, что по Венере могли ходить существа, похожие на вымерших динозавров. Так было до тех пор, пока космические зонды не побывали у нее в гостях. Сразу же было установлено, что в тех условиях жизнь в том виде, в котором люди ее знали, попросту не могла существовать. Атмосфера, состоявшая на 96 % из углекислого газа, серные облака, атмосферное давление в 92 раза превышающее земное, неутрачивающие ротационные ветра, кислотные дожди и температура свыше 450 градусов по Цельсию делали планету непригодной для жизни.

В сложившейся ситуации Венера интересовала астронавтов лишь как оборотная точка. В целях экономии топлива они сделали оборот вокруг планеты и направились обратно к Земле. Времени практически не оставалось. Холодная и неумолимая, как мрачный палач, к ней неуклонно приближалась Психея, готовая разобрать Землю на кусочки.

Лахесис продолжал набирать скорость, преобразуя протоны и антипротоны в пучки фотонов на концах его лап. Астронавты перепроверяли расчеты постоянно, сверяя курс. Малейшее отклонение даже в сотую долю градуса от цели привели бы к промаху. Чтобы попытаться представить себе всю сложность расчетов, необходимо было вообразить две пушки, стоящие на разных континентах на Земле. Из одной пушки был выпущен снаряд, летящий со скоростью 33 тысячи километров в час. Стрелкам с другой стороны нужно было рассчитать его траекторию и сделать единственный точный выстрел, чтобы подбить его в полете. Столкновение должно было пройти по касательной, чтобы не разрушить снаряд, а только притормозить его. И вот оба снаряда были выпущены и приближались друг к другу.

Члены экипажа Лахесиса положили в рот питательные таблетки. В этом действии не было никакой практической необходимости. Это был их прощальный ужин на борту корабля, последний раз они вкусили вкус человеческой еды, прежде чем отдать свои жизни за продолжение человеческого рода.

В последние мгновения своей короткой жизни они думали о людях, которые остались на Земле и будут жить, думали о звездах и планетах, которые существовали до их рождения и будут существовать после их смерти, думали об атомах и субатомных частицах, из которых строилось все сущее. Ни бога, ни черта, ни рая, ни ада, ни перерождения душ, ни единственного шанса продолжить разумное существование своей бессмертной души после ухода. Они были лишены всякой религиозной надежды, всякого самообмана. Смерть не страшила их никогда. Миллиарды людей преждевременно простились с жизнями в четвертой мировой войне и ушли совершенно бессмысленно. Это было намного страшнее.

На чудовищной скорости пылинки в далеком космосе вдруг превратились в каменный

бастион. Психея надвигалась, столкновение было неизбежно. Они инстинктивно вжались в кресла за секунду до столкновения. Лахесис вытянул лапы вперед, стремясь погасить часть удара. Он вошел в верхние слои каменистой почвы Психеи, как лазерный луч, и сделал хирургический надрез в ее коже, высвобождая миллиарды тонн песка, камня и раскаленного металла в открытый космос. Фонтан из расплавленного железа хлынул из свежей раны, разбрызгивая кровь металлического чудовища. От удара лапы Лахесиса мгновенно расплавились, а тело сплюснулось в тонкий диск. Его отбросило в сторону, как отработанный материал. Энергия удара придала Психее скорости вращения. Как волчок, она закрутилась быстро вокруг своей оси, некоторое время пошаталась и после начала останавливаться. Она падала прямиком на Землю. Но скорости падения было недостаточно, чтобы войти в атмосферу. Таким образом, Психея зависла в бесконечном падении на околоземной орбите где-то между Луной и космическим мусором, собравшимся вокруг Земли. Грязно-желтая планета людей стараниями оных приобрела себе еще один спутник.

Металлический диск с останками экипажа падал на Землю. Он вошел в верхние слои атмосферы, раскалился добела, растрачивая последние части своей вольфрамовой плоти, и на скорости в 550 километров в час врезался в водную стену атлантического океана. Тонны воды мгновенно превратились в пар. Хлопок от удара разнесся на многие километры вокруг. Океаническая вода впитала в себя большую часть энергии и распределила ее между своих атомов. Через мгновение от падения не осталось и следа. Раздавленное брюхо Лахесиса мерно покачивалось на волнах, которые несли его к берегу. Через несколько часов его тело, лишенное конечностей, пристало к твердой суше. Вода мягко облизывала металл, словно пытаясь утешить его боль. С неба за происходящим наблюдал желтоватый глаз полной Луны.

Далеко на востоке, словно отделившаяся от небосвода звезда, перемещалась яркая точка. За несколько секунд она преодолела расстояние от горизонта до места крушения Лахесиса и вскоре обнаружила его труп на берегу. Вблизи точка приняла очертания разведывательного дрона Ц.И. Он был полностью круглым и напоминал каплю металла, застывшую в невесомости. В воздухе его поддерживали электромагнитные силы. Дрон беззвучно парил, осматривая диск со всех сторон, и дожидался приказа своего хозяина. Получив указания, он занял перпендикулярное положение над металлическими обломками, и выпустил яркий лазерный луч, разрубивший металл на две равные половины. Внутри признаков жизни не было. Бесформенные тела астронавтов перемещались друг с другом. Определить, кому принадлежала та или иная конечность было сложно. Дрон выпустил второй луч, но уже не с целью резать, а с целью исследовать. Невидимый для человеческого глаза поток электромагнитных волн вошел в груды тел, пытаясь отыскать малейшие признаки жизни. Вдруг что-то заинтересовало дрон, и он начал опускаться ниже. В то же мгновение на него обрушился каменный валун. Металлические внутренности дрона звонко забренчали, и он отшатнулся в сторону.

Вращаясь вокруг своей оси, он усиленно прочесывал местность, ища источник опасности. На сотни метров вокруг не было ни души. Илистый пляж когда-то принадлежавший Грузии был таким же безлюдным, как и тысячи других пляжей по всей планете.

Внезапно еще один камень угодил прямо в дрон. Его датчики уловили едва заметное шевеление на расстоянии 20 метров. Он быстро поднялся на десяток метров в воздух и проследовал до места, где заметил движение. Из нижней части робота показался лазерный резак, и яркий луч вонзился в рыхлую илистую почву. Он испарил всю воду на участке в

квадратный метр и нагрел обезвоженный ил до температуры в 400 градусов по Цельсию. В тот же момент земля разъехалась в стороны, и из-под нее весь покрытой черной липкой грязью выскочил человек. В одной его руке был большой камень, а в другой деревянная палка, отдаленно напоминавшая первобытное копьё. Он издал какой-то нечленораздельный крик, и вскоре по всему пляжу взбугрилась земля. Два десятка туземцев сбросили маскировку и обнаружили себя. С криком они бросились на неопознанное летающее существо и обрушили на него весь свой гнев. Камни и копья со звоном врезались в дрон, выбивая его из равновесия. Казалось, он пребывал в замешательстве и не знал, чем ответить на подобную наглость.

В конце концов, он поднялся на высоту в 50 метров, где ни камни, ни палки не могли его достать, и продолжил наблюдения. Крошечные люди, перемазанные с головы до ног, не унимались. Они прыгали по пляжу в каком-то странном танце, размахивая камнями и копьями над головой. Почти моментально туземцы вошли в раж и, казалось, готовы были растерзать незваного гостя. Не дожидаясь конца представления, дрон улетел куда-то за горизонт, оставив на пляже торжествующее племя. Они отмечали свою победу, и радости не было предела. Минуту спустя чумазные люди облепили остатки Лахесиса и приступили к его изучению. Они ходили вокруг, тыкали в него копьями, кидались камнями, пока один из смельчаков не решил прикоснуться к нему голой рукой. Убедившись в том, что кусок металла не представлял угрозы, они осмелели и приблизились вплотную. Потребовалось несколько попыток чтобы забраться на него сверху, и, в конце концов, Лахесис был покорен.

Двадцатиметровый плоский диск был вскрыт ровно по центру, как консервная банка. Края разреза все еще были горячими, от них шел пар. С точки зрения туземцев картина была очень странная. Кусок металла, упавший с небес на землю, был набит под завязку человекоподобными существами в серебристых костюмах. Все они были лысыми с разбухшими головами, их бугристая синяя кожа приобрела фиолетовый оттенок. Большие, как у кошек, желтые глаза были открыты и смотрели опустевшим взглядом сквозь пространство и время.

Покрытые вязким илом люди озадаченно смотрели вглубь вспоротого корабля и не знали, что делать дальше. Так далеко они были не готовы зайти. Один из них указал куда-то в направлении близлежащих гор, явно упрасывая всех убраться отсюда, как можно скорее. В ответ он получил деревянной палкой по голове и больше рта не открывал. Лидер туземцев подобрался к отверстию в фюзеляже, расставил ноги пошире и, сделав отчаянный рывок, вытащил наружу одно из тел. Со страхом и отвращением он скинул его на мокрую землю. Туземцы, оставшиеся внизу, приступили к досмотру. Опустившись на корточки, они ощупывали руками тела. Их очень заинтересовало серебристое облачение. Раньше они ничего подобного не встречали. На ощупь тела были мягкими и рыхлыми, как подушки с завалившимся пухом. Австронавты получили множественные внутренние повреждения при столкновении с Психеей и позже с Землей. Их прочная кожа справилась, но внутренние органы не выдержали запредельных перегрузок.

Одно за другим тела доставались и сбрасывались на землю. Там их осматривали и раздевали догола. Оказалось, что серебристые одеяния легко снимались, если потянуть за металлическую штучку у воротника. Вскоре тринадцать тел лежали на пустынном берегу. Туземцы присвоили их костюмы себе и устроили драку — к сожалению, на всех костюмов не хватило. Лидер группы быстро успокоил всех палкой и сам лично осмотрел погибших. Он опускался на колени, прикладывал ухо ко рту и, не услышав дыхания, закрывал глаза

ладонью. Тяжелые веки схлопывались и больше не открывались.

На одном из трупов цепочка прервалась. Закрытые глаза внезапно открылись и уставились прямо на лидера туземцев. Тело резко согнулось пополам и с хрипом всосало себя влажный морской воздух. Аборигены в мгновение ока подскочили к телу и начали лупить его палками. Они били и били несчастного по голове и корпусу, пока тот не потерял сознание. В свете далеких звезд 12 тел остались лежать на пляже. И только одно туземцы утащили с собой.

Он плохо помнил, как оказался там. В памяти всплывали разрозненные воспоминания. Он помнил чудовищной силы удар, скрежет металла, помнил, как на него навалились тела его товарищей, не позволяя ему вздохнуть. Его легкие сжались, и он перешел в режим замедленного метаболизма. Сейчас он свободно дышал, но тело его болело при каждом вздохе. Ребра были сломаны и, судя по боли во всем теле, не только они. Сломанные кости ныли от боли. Вдобавок он ощущал перебои в работе внутренних органов. Печень, селезенка, верхний отдел кишечника, сердце были повреждены. Клетки пытались регенерировать, но у них попросту не хватало для этого энергии. Ему нужно было поесть и попить, чтобы запустить процесс самовосстановления. Но было не похоже, что бы его собирались кормить в ближайшее время.

Он огляделся по сторонам и обнаружил себе на залитом солнечном светом островке посреди огромной пещеры. Он был связан по рукам и ногам и привязан к огромному валуну у него за спиной. От веревки исходил тошнотворный запах рыбы.

Медленно сознание возвращалась к нему. Он видел перед собой лица погибших товарищей и думал, что тоже должен был быть среди них. Но они спасли его, закрыли его своими телами, сформировали вокруг него своеобразную подушку безопасности, которая спасла его от смертельных повреждений. С благодарностью он вспоминал каждого из них и знал, что их подвиг не будет забыт.

Миша сидел на холодной земле, прижавшись спиной к камню. Он попробовал подняться, но у него ничего не вышло. Он не мог встать, не используя руки. Руки же были связаны веревкой. Кроме того, все его тело сильно болело и отказывалось выполнять указания мозга. От досады и чувства собственной беспомощности он сильно выругался. Пещерное эхо ответило ему тем же.

Через мгновение он заметил шевеление в глубине пещеры. Приглядевшись, он различил несколько силуэтов. Они наблюдали за ним и, наверное, уже довольно давно. Один из пещерных людей вышел к нему и остановился в нескольких метрах от Миши, давая возможность себя разглядеть. У него были длинные до плеч темные волосы, узкие по Мишиным меркам карие глаза и темная черно-коричневая кожа. Миша присмотрелся получше. Кожа была светлой. В области сгибов виднелись белые участки кожи. Очевидно, что он был покрыт чем-то темным. Скорее всего, грязью или дегтем. Словно живое ископаемое перед Мишей стоял первобытный человек. Таких людей уже никто давно не видел. Волосатых, грязных, узкоглазых, белокожих. Так выглядели Homo Sapiens на картинках из старых книг. Прямо как неандерталец он был одет в набедренную повязку, сделанную из рыбьих шкур.

Пещерный человек подошел к Мише и сел на корточки напротив него. Он оказывал пальцем на себя, свою руку, потом на Мишину руку, потом на солнце. Он что-то пытался сказать, но Миша не понимал что именно. Его тело израсходовало большую часть свободных ресурсов, чтобы не дать ему умереть и остатки энергии расходовало, чтобы оставаться в

сознании. Мыслительные процессы протекали крайне медленно.

Абориген не сдавался. Он все что-то показывал, показывал, потом говорил на неизвестном Мише языке. Слова вылетали из его рта, словно крики диких зверей — ничего было не понятно. После он выпрямил руку и в открытой ладони показал питательную таблетку из запасов астронавтов. Он громко обнюхал ее, облизнул и помахал ей у Миши перед глазами. Он показал на нее пальцем, а потом на Мишин рот. Миша быстро-быстро закивал, показывая, что ее можно есть и что он, Миша, хотел бы ее съесть. Абориген покрутил таблетку в руках и засунул себе в рот. Миша с тоской наблюдал, как первобытный человек рассасывает таблетку, получая весь запас питательных веществ, которые могли бы пойти на восстановление его пострадавшего организма. Вкусивший таблетку человек казался очень довольным. Он с упоением перегонял ее по рту языком и довольно причмокивал. Видимо, ему пришлось по вкусу концентрированный паек астронавтов. Он еще что-то попытался сказать Мише, но не получив никакого ответа, ушел. Через полчаса он вернулся, в руках он держал дохлую слизкую рыбу. Он подошел к Мише поближе, помог ему согнуть ноги в коленях и закрепил рыбу меж коленных чашечек. На Мишу уставились два мертвых селедочных глаза. От этого вида желудок его готов был вывернуться наизнанку. К счастью, он был пустым. Абориген ушел, оставив их с рыбой один на один.

Первым делом Миша хотел было избавиться от рыбы, разжать колени и позволить ей упасть, а после оттолкнуть ее подальше ногой. Но что-то остановило его. В его библиографической памяти всплыли факты о том, как древние люди ловили рыбу и употребляли ее в пищу. Его желудок протяжно заурчал и Миша понял, что другого выхода у него не оставалось. Зажмурив покрепче свои большие желтые глаза, он откусил рыбе голову, после чего принялся отгрызать от нее куски и быстро проглатывал их, чтобы не ощущать вкус на языке. Пищеварение заработало. Пещерные люди тем временем наблюдавшие за ним из пещеры сделали для себя какие-то выводы. Согласившись съесть рыбу, Миша сам того не подозревая спас себе жизнь. Отказ от рыбы у туземцев считался проделками злых сил и карался смертью.

Миша уснул и проснулся уже ночью. В лицо ярко светила Луна, в пещере кроме него не было никого видно. И только откуда-то из недр доносился размеренный храп. Пещерные люди мирно спали. Миша попробовал освободить руки, но безуспешно. Сил все еще было мало. Ему требовалось съесть, по меньшей мере, 100 рыбешек, чтобы полностью восстановить силы на клеточном уровне. Он замедлил метаболизм, чтобы не расходовать силы понапрасну и погрузился в дрему.

С первыми лучами солнца его разбудили грубым тычком палки под ребро. Открыв глаза, он увидел кодлу туземцев. Большинство из них выглядело, как и прежде, они были размазаны грязью и одеты в набедренные поездки. И лишь небольшая группа выделилась своим видом. Тринадцать взрослых мужчин были одеты в космические костюмы. Миша быстро догадался, что они занимали высшее положение в этом первобытном строе. Один из них вышел вперед и принялся что-то громко выкрикивать. Он вздымал руки к солнцу и опускал их, указывая на Мишу, показывал на свой костюм, потом на небо и снова на костюм. Миша не понимал, что происходит. В толпе он разглядел несколько десятков женщин и маленьких детей, которые прятались за спинами у взрослых. Все, как один, они были покрыты тонким слоем коричневой грязи. Их косматые нечесанные волосы сбивались в толстые слипшиеся пряди. Для Миши, который растительности на теле отродясь не видывал, это было отвратительным зрелищем.

Предводитель пещерных людей недобро поглядывал в Мишину сторону. В голосе его дребезжала неприкрытая агрессия с разбавленной в ней каплей страха. Миша тонко улавливал перемены в его интонации. Пещерные люди внимательно слушали своего лидера и во всем с ним соглашались. Стоило ему прокричать что-то броское, как они поддерживали его шквалом одобрительных криков. Они явно задумывали что-то скверное. У Миши было дурное предчувствие.

Глава 11. Как умирает злость

Шэнли быстро сообразил, куда он попал. Потребовалось несколько дней, чтобы он ясно оценил обстановку и сделал соответствующие выходы. Он, Саша, Женя и его жена Регина, и еще 14 человек оказались в заложниках у шейха. А, если еще точнее, в рабстве.

18 человек, 17 мужчин и одна женщина, все они стали подневольными слугами одного человека. Он познакомился и успел пообщаться с каждым из них лишь поверхностно. Наверняка у каждого из них были свои скелеты в шкафу, ведь просто так никто не смог бы попасть в бункер, место в котором стоило триллион американский долларов. Каждый из них заплатил свою цену, и Шэнли не был уверен в том, что хотел эту цену узнать. Так или иначе, у них всех то было то, что их объединяло. Они все оказались заложниками своего положения, братьями по несчастью. Эти братские лишения сплотили их сильнее, чем на то были способны пережитые совместно радости.

Даже Регина, будучи женщиной, не выбивалась из коллектива. Может быть, потому что шейх приказал ее остричь наголо и одеть как мужчину. Она ходила в черном рабочем костюме с такой же черной кепкой на голове. А, может быть, потому что наравне со всеми она выполняла тяжелую ручную работу и не жаловалась. Ее никто не воспринимал, как женщину. Даже ее муж Евгений. Шэнли какое-то время это даже казалось странным. Они, Регина и Женя, ни разу не обменялись друг с другом поцелуями, объятиями или хотя бы одним ласковым словом. Их отношения ничем не отличались от мужской дружбы. Все быстро забыли о том, что в коллективе находится женщина и вели себя в ее присутствии раскованно. Регина не возражала, она была из той породы людей, кто мог одинаково хорошо уживаться и с мужчинами, и с женщинами, и с самим дьяволом, лишь бы к ней относились с уважением.

Свобода воли, которой они некогда обладали, больше им не принадлежала. Они жили только ради удовлетворения потребностей своего господина и были не в силах не то, что бы воспротивиться ему, но даже плохо о нем подумать. Первое время Шэнли часто скручивался в припадке боли. Все потому что то и дело мысленно обзывал шейха бранными словами или воображал, как вставит кинжал ему в шею по самую рукоять. Рабские условия, в которых он оказался, были хорошим сырьем для придумывания разнообразных пыток для того, кто был в них виновен. Но острая нестерпимая боль, крушащая и ломающая каждую косточку в теле, вонзающие раскаленные иглы в каждое нервное окончание, была прекрасным лекарством от гнева.

Раз за разом он валился с ног от боли. И чем больнее ему было, тем сильная становилась его ненависть, тем более черные слова он для него подбирал, тем сильнее он хотел воздать ему эту боль обратно. В какой-то момент, скорченный на полу, он решил: это конец и боль прикончит его. То был решающий момент. Он выбрал жизнь и с тех пор взял себя в руки и держал эмоции в узде. Ни одной плохой мысли он не допускал о шейхе и всегда отзывался о нем лишь положительно.

Постепенно его мышление изменилось. Ему казалось, что он на самом деле хорошо относился к шейху и считал его порядочным человеком. Даже тоненький шрам на ладони вконец затянулся и перестал напоминать о себе. Еще немного и можно было подумать, что он записался в прислужники шейха добровольно. Со временем он перестал думать и об этом. Добровольно или нет — это не имело никакого значения. Шейх оставался недостижим, его

власть над слугами были непреложной, а, следовательно, и неоспоримой.

Служить шейху было не так и плохо. Тех, кто хорошо справлялся со своими обязанностями, он мог даже похвалить добрым словом. О, что за неземное чувство это было. Если боль от нечестивых мыслей была кнутом, то блаженное вознесение от похвалы было пряником. Одно доброе слово от шейха стимулировало сильнейший выброс дофамина. Сравнить его можно было с восхождением на высочайшую гору, когда боль от тысяч шагов оставалась позади, и тебя переполняла эйфория преодоления. От этой окутывающей с ног до головы искрящейся радости хотелось сжать ладони в кулак, согнуть ноги в коленях и выпрыгнуть вверх на несколько метров. Шэнли впервые познал эту радость, когда работал с любимым жеребцом шейха.

Лошади в подземном бункере удивляли только первые несколько минут. Потом все привыкли. Даже запах из конюшни перестал отвлекать на себя внимание. Под конюшни и ипподром выделили 100 квадратных метров. В 10 раз больше комнаты для прислуги. Сколько боли стоили Шэнли эти мысли, когда он начинал работать в конюшне... К счастью, он быстро научился смотреть на вещи с позитивной стороны. Выяснилось, что у него был природный контакт с копытными животными. Он тонко их чувствовал, а они отвечали ему любовью.

Всего у шейха было три лошади, за каждую из них он выложил целое состояние. Шэнли не сомневался, что жизнь каждой лошади шейх оценивал намного выше жизни каждого из своих слуг.

Кливлендская гнедая кобыла с темно-шоколадным окрасом и густой черной гривой смотрелась на все уплаченные за нее деньги. Она имела аристократические повадки и была очень привередлива в еде.

Другая самка породы американский рысак была чуть повыше в холке, сантиметров эдак на 10. Она обладала более внушительной мышечной массой и длинной шеей. В характере ее чувствовался добрый нрав и уравновешенность.

Звездой коллекции шейха был вороной арабский скакун по кличке Shareef. Он был красив, грациозен и очень силен. В рывке он мог достичь скорости в 70 километров в час. Для шейха его прыти было в избытке. Он никак не мог с ним управиться. Именно с него он и упал во время одной из прогулок. Одному Шарифу было позволено так обращаться с шейхом. Никто другой во всей Мекке не мог позволить себе ничего подобного.

В один из дней Аль Тани решил вновь оседлать непокорного жеребца. Шэнли, как следует, начистил коня скребницей. Его короткая черная шерсть блестела, как лакированная. Он вычесал его ровно подстриженную гриву и хвост, вычистил копыта и угостил его свежей морковью. Конь вел себя прилежно, и прогулка прошла идеально. В конце тренировки, когда шейх опустил на землю и передавал коня в руки Шэнли, он обронил небрежное «спасибо» в сторону слуги. Но уже этого было достаточно, чтобы Шэнли испытал сильнейшее в жизни чувство радости. Впредь он вкладывал все свои силы в уход за лошадьми, желая получить еще хоть раз благодарность от шейха. Однако шейх не разбрасывался словами благодарности направо и налево. То краткое спасибо было сказано, скорее, под влиянием момента.

Помимо верховой езды шейх увлекался плаванием и фехтованием. В Мекке для этого были сооружены бассейн и комната для фехтования. Бассейн двадцати пяти метров длиной на пять дорожек наполнялся чистой водой прямо из подземного источника. В хорошие дни, когда у него было подходящее настроение, он брал с собой одну из наложниц. Вместе они плавали в бассейне несколько часов, пока один из слуг исполнял музыкальные

композиции на традиционных арабских музыкальных инструментах: кануне и удде. Фехтовать же он предпочитал в одиночестве. Его оппонентом выступала роботизированная рука, которая по праву могла называться мастером-фехтовальщиком. Шейх побеждал ее раз за разом, лишь потому что она была так запрограммирована. В честном поединке она разделала бы его под орех.

Была в подземном дворце и своя мечеть, куда шейх регулярно наведывался для совершения намаза. Каждая из его наложниц тоже исповедовала ислам и ходила туда в день «хальвета», когда она исполняла роль жены шейха. У наложниц, надо сказать, была своя собственная жизнь в подземном дворце. Каждая из них проводила с шейхом всего один день в месяц. Все остальное время девушки проводили время вместе в четырех стенах в своей роскошной спальне. У каждой из них была своя двуспальная кровать и макияжный столик, у каждой была своя собственная небольшая коллекция украшений, премиальная косметика, останавливающая процессы старения и несколько лучших нарядов в гардеробе. Этого было достаточно, чтобы не примелькаться перед шейхом. В свободное от своих непосредственных обязанностей время девушки читали книги. Аль Тани нравилось разговаривать со своими наложницами на философские вопросы. Сам он был человеком крайне образованным. Он учился каждый день своей 190 летней жизни и требовал того же от своего многочисленного гарема.

Евгений работал в библиотеке и имел самый тесный контакт с девушками, насколько это было возможно. Каждый день он забирал прочитанные книги и приносил новые по заявкам. Обмен происходил в небольшом тамбуре. Как правило, одна из девушек передавала старые книги и забирала новые. Таким образом, Женя был единственным кроме шейха, кому было позволено общаться с девушками. Евгений считал, что такое право он получил, поскольку он был женатым человеком. Однако комитет рабочих был иного мнения. После некоторых раздумий мужчины пришли к выводу, что «жук» что-то подкрутил в их эндокринной системе, из-за чего они перестали испытывать влечение к женскому полу. Это объясняло, почему никто из них ничего не испытывал при виде Регины и при мыслях о ком-то из гарема. Половое влечение попросту исчезло, пропала утренняя эрекция, сексуальные фантазии перестали посещать мужские головы. Словом, секс утратил для них всякий интерес. Возможно, оно было и к лучшему. Поскольку любая попытка заговорить с одной из наложниц влекла за собой мучительную боль.

Дни, недели и месяцы складывались в рутину. Шэнли не вел им счета и не смотрел в календарь. В этом не было никакого смысла. Он просыпался в 5 утра, делал небольшую зарядку, пил синтетический кофе, в котором не было ни грамма от натуральных кофейных зерен, потом завтракал разведенным в воде питательным порошком и выходил на службу. Чаще всего он занимался в конюшне с лошадьми, ухаживал и убирал за ними, кормил и чистил. Из всех его обязанностей это была его любимая. Там он мог отвести душу в общении с этими благородными созданиями. Если бы он мог, то занимался бы только этим. Но так было нельзя, так было нечестно по отношению к его товарищам. Они тоже работали не покладая рук и тоже заслужили небольшого уединения. Они менялись и поочередно выполняли те или иные обязанности, коих во дворце было великое множество. Восемнадцать человек обслуживали весь огромный дворец со всеми его помещениями, потайными коридорами и складами. Они чистили полы и стены, проводили влажную уборку помещений, занимались кухней и утилизацией отходов, чистили бассейн, следили за выращиванием свежих овощей и фруктов в оранжерее, проводили профилактическое

обслуживание всей имеющей техники. Это повторялось день ото дня. По вечерам в редкие минуты отдыха они общались в спальне, рассказывали друг другу истории и байки из прошлого, шутили, смеялись, играли в самодельные вырезанные из кусков мыла шахматы, прямо как зеки. Но было в этом всем и что-то хорошее: они дружили друг с другом.

В то же время с Шейхом они практически не пересекались. Хорошие слуги, как известно, те, которых не видно и не слышно. Можно было подумать, что чистота и порядок во дворце поддерживались сами собой, хотя это было не так. Редкие контакты с шейхом также снижали уровень напряженности. Они не видели своего поработителя, и их ненависть к нему не имела подпитки. Лишь редкие случаи заставляли их вспомнить о том, что когда-то они были свободными. Как-то раз Шэнли и Саша получили указание забрать Майка из бассейна. Там он забился в угол, скомканный от боли. Под руки они вынесли его из бассейна и перенесли в спальню. Несколько часов он не мог прийти в себя. Его болевые рецепторы продолжали кричать от боли от малейшего прикосновения. Когда он пришел в себя, его удалось допросить.

— Что случилось?

Майк весь дрожал, голос его прерывался на каждом слове. Он готов был сорваться на гнев в любой момент, но его тело могло и не выдержать такой нагрузки.

— Тише, тише, — успокаивал его Женя, — дыши глубоко, попей водички, тебя никто не торопит. Если не хочешь, можешь ничего не рассказывать. Тебя никто не осудит.

Майк сделал несколько больших глотков, перевел дыхание и поведал о случившемся.

— Я был там в бассейне. Принес шейху вина и фруктов, как обычно. Он... он остановил меня и приказал раздеться. Вместе с ним была девушка. Не знаю ее имени. На вид похожа на бразильянку. Она все время глупо хихикала и прикрывала глаза руками. Я сначала даже не понял, чего он от меня хотел. Я стал медленно раздеваться, снял обувь, сбросил с себя рабочий костюм. Было очень холодно стоять босиком на мокрой плитке. Потом он что-то шепнул этой бразильянке или кто она там, она вышла из бассейна и тоже разделась.

Мужчины внимательно выслушивали Майка, не веря своим ушам.

— И что потом было? — спросил его удивленный Мози — единственный темнокожий во все компании. Он рассказывал, что предки его были африканцами.

— Потом она подошла ко мне и так, знаете, мягко провела ладонью по плечам и шее. Обошла меня сзади и прижалась ко мне плотно. Я почувствовал, как ее пышные груди прижались к моей спине. У нее была такая горячая кожа. Очень горячая.

Мози и остальные только моргали глазами.

— Потом она выпустила меня из объятий и прошла вперед, встала в метре от меня, прямо как вы сейчас стоите, и начала..., - горло его пересохло и он с трудом выдавливал из себя слова, — начала ласкать себя руками, — он сглотнул и опустил голову вниз.

— И что ты?

— Ничего. Я ничего даже не почувствовал. Как будто передо мной была не женщина, адохлая рыба. Ни один мускул не дрогнул, вообще ничего.

— А потом?

— Потом они начали смеяться. Сначала шейх. Он заливался громким смехом. Во всем бассейне стоял его смех, такой «Хэ-хэ-ха-ха», — Майк взялся за голову и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, — и бразильянка эта тоже начала ржать во весь голос. Они смотрели на меня, на мое сморщенное достоинство. Ну, знаете, от холода... И мне стало тогда так стыдно, так грустно, так одиноко. Я ощутил мощный прилив ярости и только

подумал о том, что бы я сделал с шейхом и этой. кхм... девушкой, как я упал и потерял сознание от боли. Все что я помню это, как вы тащите меня по коридору в спальню.

Мужчины сочувствовали своему товарищу и похлопывали его по плечу но не могли разделить до конца его чувства. Они начали забывать о том, как ненавидеть и не испытывали негатива по отношению к шейху и его выходке. Их мозг давно привык оправдывать его поступки, только бы не порождать мыслей, что приведут к боли. Вот и тогда они хотели проявить солидарность и показать свое осуждение поступкам Аль Тани, но не могли. Ясно было, что он вел себя неправильно, но они не могли ничего с этим поделать. Так или иначе, случай этот врезался в память и они еще несколько дней его обдумывали. По вечерам они практически не общались друг с другом.

Шейх, тем временем, начинал все больше пользоваться своей вседозволенностью. Он изгалялся над слугами, как только мог. В одного запустил конским говном, потому что тот не успел его убрать вовремя. А потом приказал его есть. Бедный Карим весь вечер полоскал рот водой и так и не притронулся к еде. Его рвало при каждой попытке проглотить что-либо.

Майлза он застал за бездельем, когда тот сделал небольшой перерыв во время уборки зала. Он всего на несколько минут присел отдохнуть на стул, за что и поплатился. Шейх отлупил его мокрой тряпкой, а после долго смеялся над тем, что он тот не решился дать сдачи. Майлз же не мог разозлиться, он просто забыл, как это делается. Механизм, отвечавший за гнев и ярость, вышел из строя. Он не мог заставить себя злиться. Не смогли и все остальные, когда слышали эту историю.

И историй таких становилось только больше. Видимо, Аль Тани наскучило пребывание под землей и он, как мог, пытался найти себе развлечение. Слугам оставалось только терпеть его выходки, а затем по вечерам, как побитым собакам, скулить в своей конуре. Они рассказывали друг другу об издевательствах и вместе пытались научиться злиться снова.

В один из вечеров Шэнли обратился к Евгению с просьбой.

— Женя, послушай, ты же в библиотеке работаешь. Скажи мне, а там есть книги на арабском языке?

— Да, конечно. Там есть книги на всех языках мира. Библиотека ведь электронная. В ней собраны все сочинения на всех языках, всего 10 петабайт информации. Я просто нахожу нужную книгу в каталоге и загружаю ее на физический носитель. А когда мне возвращают нейрокниги, я обнуляю их в стирателе и получаю пустые книги.

— Это очень хорошо, — оживленно заговорил Шэнли голосом заговорщика, — а ты сможешь пронести книгу сюда?

— Не думаю, Шэн. Аль Тани против того чтобы мы брали книги и читали их. Каждый раз, заканчивая смену, я прохожу через специальный детектор. Он не пропустит меня, если при мне будет книга.

Шэнли тарабанил пальцами по пластиковому краю кровати, обдумывая возможности.

— А эти девушки, они же берут книги. Может, кто-то из них читает книги на арабском языке? Ты бы тогда сделал два экземпляра, один для нее, а один для меня. Так ты сможешь сделать?

— Что ты задумал, Шэн?

— Пока ничего. Все зависит от того, сможешь ли ты достать книгу на арабском.

Женя почесал голову.

— Да, думаю, что это возможно. Но мне понадобится твоя помощь.

— Сделаю все, что смогу.

Глава 12. Нейровселенная

Первое время Чжан Вей сравнивал все на свете с реальным миром и пытался во всем найти подвох. Он отказывался принять тот факт, что созданная в виртуальной реальности Вселенная была безукоризненной. Он обращал внимание буквально на каждую мелочь. На отражение в стеклах и зеркалах, на цвета предметов, на их текстуру и ощущения от прикосновений к ним, на вкус еды и напитков, на ощущения от физических процессов — тепло, холод, электростатику. Однажды он подставил к огню руку и в ту же секунду отдернул ее. Боль была настоящей, как и все вокруг.

Чжан Вей не знал, как у них это получилось, но NeuroVerse удалось повторить мир со всеми его тонкостями. В это трудно было поверить. Первые несколько дней по времени нейровселенной он подходил к разным людям, тыкал в них пальцем, обращался к ним с разными странными просьбами, от которых люди шарахались. Все из них вели себя натурально. На дружелюбие отвечали улыбками, поддерживали беседу, могли рассказывать истории из своего прошлого и даже мечты о будущем. Впрочем, далеко не каждого удавалось вывести на откровенные разговоры. У каждого был свой характер, личность, свой жизненный опыт. Чжан Вей понимал, что была какая-то хитрость. Невозможно было воссоздать несколько миллиардов людей и каждому присвоить индивидуальность. Но даже если люди и повторялись, он бы никогда об этом не узнал.

Не найдя изъянов в новом мире, он постепенно стал воспринимать его, как реальный. Его прошлая жизнь, где он был древним стариком, пережившим многих людей, осталась где-то далеко позади. В новой реальности ему было 50, он и Тэнси были лучшими друзьями, Юн Мэй была жива. Втроем они проводили целые дни и занимались всем тем, до чего Чжан Вей так и не добрался в своей долгой жизни.

Два дня они плыли на яхте до отдаленного острова. В пути они делали небольшие остановки, чтобы порыбачить и поплавать в теплой соленой воде. Чжан Вей и Тэнси выловили несколько огромных марлинов. Каждого было достаточно, чтобы накормить небольшую деревню. Они поднимали их на борт, вывешивали на крюке, рыбы вытягивались во весь рост, фотографировались вместе с ними и отправляли марлинов обратно в естественную среду обитания. Юн Мэй весело смеялась, глядя как Чжан Вей и Тэнси преумножая себя боролись с рыбой. Чжан Вей смотрел на нее, его сердце наполнялось любовью. Он так любил ее смех, что готов был отказаться от всех других звуков в мире, лишь бы только чаще слышать его. И все же он задавал себе вопрос, как повела бы себя его прежняя Юн Мэй? Была бы она так же весела или нет. Юн Мэй, которую он знал, всегда с большим трепетом относилась к живым существам, полжизни отдала защите вымирающих видов. Возможно, и к рыбалке ради развлечения она отнеслась бы с осуждением.

От Тэнси не скрылась легкая грусть в глазах отца, и он обратился к нему с вопросом:

— Тебя что-то беспокоит?

Он оглянулся на Юн Мэй и, убедившись в том, что она не слышит, рассказал сыну о своих переживаниях:

— Понимаешь, я не уверен, что реальной Юн Мэй пришлось бы по душе рыбалка.

— О, насчет этого не переживай. Юн Мэй никогда не стала бы делать здесь того, чего бы не одобрила ее первичная личность.

— Как ты можешь быть в этом уверен, если ты видел и общался с ней всего несколько

раз? Я имею в виду первичного тебя из реального мира.

— Да, я понял. Это правда, что мы с Юн Мэй не были близки. Но NeuroVerse выяснил о ней все до последнего факта. Ты ведь знаешь, что у всех наших действий остается цифровой след. Каждый твой выбор, каждое решение оцифровывается, фиксируется и хранится до востребования. Каждая покупка, каждое обращение к врачу, твоя биометрия, пульс, сужение и расширение зрачков, твой гормональный фон, каждый поисковой запрос, каждое эмоциональное потрясение, каждая фотография и каждое видео, загруженное в гиперсеть, каждая доставка еды, каждое сказанное наедине с собой слово, вся твоя жизнь. Люди уже давным-давно продали свою конфиденциальность и променяли ее на технологический комфорт. Никто кроме группы осведомленных никогда особо и не задумывался о том, как много о них известно в гиперсети. И вот все полученные данные обрабатываются, сопоставляются с, — Тэнси прервался на полуслове.

Юн Мэй подошла к Чжану сзади и крепко обняла его, приподнялась на носочки и положила подбородок ему на плечо.

— О чем вы тут секретничаете? Что, меня обсуждаете? Я же вижу, как ты на меня поглядываешь.

— Ничего от тебя не скроешь, — шутливо отозвался Чжан Вей, — но нет, мы просто обсуждаем рыбалку, ничего интересного. Если хочешь, присоединяйся. Тэнси как раз рассказывал о нюансах ловли троллингом и на спиннинг.

— Это на каком языке? — она рассмеялась, — Ты же знаешь, что я в этом ничего не понимаю. Так что я пошла в каюту и буду ждать тебя там. Не задерживайся.

— Хорошо, мы попробуем с Тэнси выловить еще одного, и я приду, — он поцеловал ее крепко в губы и нежно направил рукой в сторону каюты.

Юн Мэй скрылась в каюте и Тэнси продолжил:

— В общем, представь, что гиперсеть знает о тебе все. Ей известны все твои поступки и решения в жизни, все твои предпочтения, стремления, тайные желания. Но она не знает, как все это отразилось на формировании твоей личности. Ведь, как известно, одно и то же событие влияет на разных людей по-разному, поскольку ему предшествует индивидуальный опыт. Как ей узнать, как квадриллионы мельчайших событий в твоей жизни, сплелись в единый опыт и сделали тебя тем, кем ты являешься?

— Не уверен, что это вообще возможно, — скептически ответил Чжан Вей.

— Возможно, еще как возможно. Все намного проще, чем можно подумать. Весь секрет в уникальности, которой в действительности не существует. Каждый человек мыслит себя уникальным, единственным в своем роде. Вот только каждое уникальное событие в жизни отдельно взятого человека уже происходило с кем-то до него и накладывало отпечаток на формирование его личности. Ты получил повышение? Поздравляю. Миллионы людей до тебя проходили через то же самое. Ты заболел неизлечимой болезнью, и тебе осталось жить считанные месяцы? Очень жаль, но миллионы людей проходили и через это тоже. Ты стал богатым человеком в мире? — он сделал явную отсылку в сторону отца и тот ее прекрасно понял, — Не миллионы, но тысячи людей в истории до тебя уже становились богатыми людьми в мире. Все человеческие реакции на события того или иного рода уже давно записаны, изучены, спрогнозированы. Таким образом, чтобы понять тебя и твою личность, всего то и нужно, что сопоставить события твоей жизни с бесчисленным множеством аналогичных событий в жизнях других людей, и загадка твоей личности будет разгадана. С нынешним развитием аналитическим систем все расчеты занимают около

одной минуты и сорока секунд.

— Хочешь сказать, что личность и характер Юн Мэй воссозданы в полном соответствии с оригиналом?

— Да, именно так. От оригинальной Юн Мэй ее отличает только осознание своей вторичности. Она знает о том, что она только копия. Она видела данные с похорон первой Юн Мэй, видела как это отразилось на ее близких и на тебе в том числе. Но, как видишь, это не мешает ей быть самой собой и просто жить. В каком-то смысле, она даже больше ценит свою жизнь, потому что уже умирала.

Чжан Вей озадачили последние слова сына. Он и не предполагал, что виртуальная копия Юн Мэй знает о своей искусственной природе.

— Не думай об этом. Юн Мэй не расстраивает это знание. С ее точки зрения она реальна и этот мир реален. Все остальное для нее не важно. Ты ведь и сам не можешь отличить реальность от вымысла здесь, верно? А это значит, что не нужно и пытаться это делать. Для истинного разума безразлично, в пределах какой системы существовать, если в ней есть все необходимое для самого существования.

— Я вижу смысл в том, что ты говоришь. В некоторой степени я и сам задумывался о подобных вещах в своей жизни. Просто до сих пор не могу отойти от изумления, что подобные вещи стали возможны с развитием технологий. Во времена моей молодости это казалось бы настоящей фантастикой.

— Мир уже давно не тот, что ты знал в своей молодости, пап. Технологии по анализу и воспроизведению личности существуют уже очень давно. На их основе, кстати говоря, и делались все произведения с приставкой «Персо». Персофильмы, персомузыка, персоигры. Взять, например, персофильм. Миллионы твоих действий и запросов в гиперсети перерабатываются в персонализаторе, компилируется воедино и на выходе получается идеальный в твоём и только твоём представлении фильм, где играют твои любимые актеры, звучит твоя любимая музыка, используются твои любимые сценарные приемы, твои излюбленные драматические эффекты. Персонализатор, изучивший твои предпочтения вдоль и поперек, отлично знает, что заставляет тебя смеяться и плакать, сопереживать актерам и событиям, погрузиться полностью в происходящее. Просмотр фильма, созданного персонально для тебя одного, вызывает сильнейший отклик в твоей душе. Но на другого человека он не произведет подобного впечатления. Людям, знаешь ли, свои персоны всегда ближе, чем чужие.

— Да, я сталкивался с персофильмами. Помню, что на первых порах они меня поразили до глубины души. Фильмы, словно снятые по эскизам моего сознания, казались мне высшей формой искусства, — Чжан Вей вперил взгляд в воду и погрузился в воспоминания, — как сейчас помню, моим первым персофильмом стал фильм ужасов. Ничего примечательного на первый взгляд. История о маленьком мальчике, который остается дома один поздно вечером и ждет возвращения родителей. Родители обещали быстро вернуться, но их все нет и нет. Мальчик рисует в своем воображении жуткие картины смерти отца и матери. Он очень боится остаться без родителей. Тревожная музыка постепенно нарастает, а воображаемые беды становятся лишь сильнее. Он сжимает в руках подушку и никак не может успокоиться. Его охватывает паника. Каким-то образом, ему удастся уснуть. Он погружается в тревожные прерывистые сны. Наконец, он слышит шевеление возле входной двери и бежит туда, чтобы встретить родителей, открывает быстрее дверь и встречается взглядом с полицейским. Тот переминается с ноги на ногу, в его взгляде читаются плохие новости. Мальчик понимает, что

его полные ужаса сны стали реальностью. В этом фильме не было ни одного слова, сюжет был простейшим и подавался через эмоции на лице мальчика. Но эффект, что он на меня произвел, был ошеломляющим.

Чжан Вей передернул плечами. Он сильно сжал металлический поручень перед собой. Так сильны были нахлынувшие переживания. Когда эмоции утихли, он продолжил:

— Понимаю, это мало похоже на фильм ужасов и на фильм вообще. Скорее, на какие-то детские страхи, вытащенные из подсознания. Посмотри ты его, и тебе бы он показался скучным и бездарным. Но на меня он подействовал так сильно, что я всю ночь не мог уснуть. Ничего страшнее я в своей жизни не видел. И так было с каждым персофильмом, что я смотрел. Они пугали, веселили, заставляли грустить и верить в происходящее, как никакие другие фильмы никогда не смогли бы. Однако и с ними было что-то не так. В них, конечно, все было выверено вплоть до мелочей, придаться к чему-то было невозможно. Но меня никак не покидало ощущение обмана. Идеального ведь ничего не существует в мире. А персоизведения именно такими и были — идеальными. Вдобавок ко всему я не мог ни с кем поделиться своими эмоциями после просмотра так, чтобы меня поняли. Никто и не желал слушать про чужие персофильмы, все хотели только обсуждать свои. Исчезло то волшебное чувство единства, когда ты под впечатлением от только что просмотренного фильма рассказывал кому-то из своих знакомых об этом, а он смотрел на тебя, улыбался во все зубы и, ты чувствовал, что ваши переживания и мнения совпали на сто процентов. Персоизведения стали искусством эгоистов, которые никогда не разочаровывались после просмотра. А ведь разочарование — это важная часть личного опыта, неизменная составляющая личностного роста. Только совершая ошибки и натываясь на несовершенства этого мира, мы можем становиться лучше, расширять свой кругозор, совершенствовать чувство прекрасного. Поэтому я перестал смотреть персофильмы и слушать персомузыку. В мире, безусловно, есть множество произведений, которые не стоят потраченного времени, но тем ценнее становятся те редкие шедевры, которые тебя по-настоящему задевают. Их поиск и нахождение — вот что делает жизнь интереснее.

Тэнси понимающе кивал головой.

— Все верно, пап. Усилия и время, потраченные на поиск, вознаграждаются. Но я также могу понять, почему персоизведения стали так популярны. С тех пор, как машины научились считывать мысли и переводить их в зрительные и звуковые образы, творческий процесс стал простым, как никогда. Зазвучал мотив в голове, и вот он уже загружен в гиперсеть в виде законченной музыкальной композиции. Придумал идею для фильма, и вот он уже срежиссирован и проходит заключительный монтаж. Но в том-то и проблема. Количество фильмов, музыки, картин, игр, книг стало запредельным. Отыскать что-то толковое в бесконечных списках хлама стало практически невыполнимой задачей. Поэтому многие люди предпочли упростить себе задачу и получать удовольствие от того, что было создано специально для них.

— Хлама — это еще мягко сказано, — согласился с ним Чжан Вей, — Я мог часами пролистывать списки новых фильмов, а после расстраиваться, так и не найдя того, что показался бы мне достойным внимания. Большинство произведений просто копировали друг друга и не имели никакой оригинальной основы. Будь моя воля, я бы ограничил право людей творить и ввел бы жесткие критерии отбора творцов. Только прошедшие специальную художественную подготовку и подтвердившие свои выдающиеся способности получили бы право претворять в жизнь свои творческие порывы.

Тэнси только рассмеялся:

— Ты же знаешь, что в современном мире самовыражения такую идею никто не поддержал бы. Если не творчеством, то чем люди будут еще заниматься в свое свободное время? Это мы с тобой — редкие особи, которые готовы жизнь оставить на работе. Но все остальные часто работают не более двух часов в день. В жизни их образуется вакуум, который необходимо чем-то заполнить. Как нельзя кстати приходится просмотр чужого творчества и создание своего. Кому-то хватает и первого, но многим нравится создавать собственные творения.

— Прежде чем пытаться что-то выразить, неплохо бы поработать над внутренним наполнением..., - Чжан Вей не успел закончить свою мысль.

Лодку сильно тряхнуло. Чжан Вей навалился на Тэнси и чуть было не перевалился вместе с ним за борт. 25 метровую яхту продолжало мотать из стороны в сторону, хотя вокруг ничего не изменилось. На небе не было ни облачка, океан был спокоен, ветер практически отсутствовал. Чжан Вей осматривался по сторонам, пытаясь определить причину происходящего. Внезапно что-то подтолкнуло яхту вверх, она буквально оторвалась от воды, поднялась в воздух на несколько метров и с силой ударилась об воду. Чжан Вей и Тэнси удержались на борту только потому что успели схватиться за поручень. Их ноги поднялись выше головы и резко ударились о палубу. При приземлении руки отпустили поручень, и их раскидало по корме в разные стороны. Чжан Вей хорошенько приложился лицом к мокрому полу во время приземления. Его нос и верхняя губа кровоточили. Тэнси тоже досталось. Он потирал ушибленные колени и проверял целостность своих костей.

— Что происходит? Это что какой-то сбой в программе? — выкрикнул Чжан Вей.

— Нет, в программе не может быть никаких сбоев, — Тэнси поднялся и отряхнулся, — вероятно, нейровселенная попыталась вписать в свой мир твои ощущения из реальности.

— То есть мы испытали то, что я испытал в реальном мире? Что-то случилось с моим домом?

— Да, такое объяснение было бы самым логичным.

— Но почему программа не разбудила меня? Разве она не должна возвращать меня в реальность, если моему физическому телу что-то угрожает?

— Возможно, она посчитала угрозу несущественной...

Белоснежную яхту что-то подхватило и протащило несколько десятков метров по воде в сторону. Чжан Вей и Тэнси свалились с ног и проскользили по палубе до носового рейлинга, тщетно пытаясь за что-то ухватиться. Они стукнулись головами и, не обращая внимания на боль, быстро схватились за рейлинг, ожидая нового броска.

— Это тоже несущественно?! — возмущенно прокричал Чжан Вей.

— Что-то не так. Программа должна была вывести тебя отсюда.

— Но, как видишь, не вывела. Программа, выведи меня отсюда! — прокричал Чжан Вей куда-то в сторону бескрайнего океана. Он все еще опасался нового сотрясения и крепко держался за рейлинг.

Ничего не происходило.

Яхту пробила мелкая дрожь. Весь ее корпус пронизала вибрация, которая передавалась в грудную клетку.

— Почему ничего не происходит?

— Не знаю, — честно ответил Тэнси.

— И что теперь делать?

— Есть способ вывести тебя отсюда вручную.

— Говори.

— Боюсь, что тебе это не понравится, — нерешительно проговорил Тэнси, — чтобы вывести тебя из нейровселенной тебе придется умереть в виртуальном мире. Другого способа нет.

Чжан Вей оторопел, раньше ему умирать не приходилось, и делать это даже в виртуальном мире он не спешил.

— Умереть? И как ты прикажешь мне это сделать?

— Я сам никогда с подобным раньше не сталкивался, поэтому я не знаю, что предложить.

Лодку резко швырнуло из стороны в сторону, и Чжан с Тэнси вновь оказались на залитом морской водой полу.

— Ладно, прежде чем умирать я хочу попрощаться с Юн Мэй, — Чжан Вей поднялся и быстро пошел к каюте, пока яхта оставалась спокойной.

Он спустился в каюту и обнаружил Юн Мэй, лежавшую на полу. Черные волосы закрывали ее лицо, она была без сознания. Он аккуратно взял ее голову руками под затылок и положил себе на колени, снял пряди волос с ее лица и погладил по щеке.

— Юн Мэй, очнись, Юн Мэээй, приди в себя. Прошу тебя! — он осторожно похлопал ее по щеке. Ее лицо ожило, мимические мышцы вокруг глаз пришли в движение, и она открыла потерявшиеся в пространстве глаза. Она не сразу смогла сфокусироваться на Чжан Вее.

— Юн Мэй, дорогая, все хорошо. Я должен сейчас уйти, но обещаю, я вернусь к тебе очень скоро.

— Уйти, но куда? — она все еще не понимала, что происходит.

Он помог ей подняться и посадил ее на кровать, ласковым движением убрал волосы с ее лица и прижался губами к ее губам.

— Мне пора, я вернусь и потом тебе все объясню.

— Хорошо, возвращайся скорее, — тихим шепотом проговорила она, глядя в его влажные глаза.

Чжан Вей выбрался из каюты на солнечную палубу. Тряска временно прекратилась. Но время от времени под ногами проходила мелкая дрожь, как будто энергия накапливалась для предстоящего сильного выброса. Времени размышлять не оставалось.

— С тобой и Юн Мэй все будет в порядке?

— Да, все будет хорошо, позаботься о себе.

— Тогда до встречи.

Чжан Вей с разбегу выпрыгнул за борт и клином вошел в бирюзовую волну. Соленая вода обожгла побитый нос и верхнюю губу. Он оглядел белоснежную яхту и посмотрел в глаза своему сыну. Он уже давно перестал воспринимать его, как виртуальную копию, отчего момент прощания был особенно горек. И только горячая уверенность в глазах Тэнси придала ему решимости. Он выдохнул весь воздух из легких, нырнул и что есть сил начал опускаться под воду. С каждым гребком он чувствовал, как силы покидали его, а сердце быстрее стучало от страха. Инстинкт самосохранения никуда не делся, он пытался взять под контроль его тело и направить его вверх, чтобы сделать живительный вдох. Но Чжан Вей продолжал опускаться все ниже во тьму. Его барабанные перепонки ощутили перепад давления, голову сдавила мертвая хватка. Кровь проверяла сосуды на прочность и, в конечном счете, вырвалась из ушей и носа тонкими красными струйками. Его грудная

клетка сокращалась, имитируя вдохи, рот открылся и со вздохом легкие наполнились соленой водой. Их окатила резкая боль — соленая вода действовала на легочную ткань, как кислота. Чжан Вей прекратил погружение и обратился лицом к лучам солнечного света, играющим на поверхности воды. Сознание очистилось, страх ушел, а вместо него пришло убаюкивающее спокойствие. Глаза его начали закрываться, а мозг, лишенный кислорода, испускал последние слабые импульсы. Он видел Тэнси и Юн Мэй, державших его за руки. Их образы застыли где-то в верхних слоях воды, а он продолжал погружение в бездну, где смерть ожидала его.

Глава 13. Боги нового мира

Две недели прошло с момента крушения. На диете из рыбы Мишино тело слишком медленно восстанавливалось. Питательных веществ едва хватало, чтобы поддерживать процессы жизнедеятельности на нормальном уровне, не говоря уже про клеточное восстановление. Чтобы не терпеть постоянную боль от внутренних повреждений, он временно отключил ее. Одной из главных особенностей Номо Cosmicum была способность по собственному желанию отключать и включать те или иные участки мозга, тормозить или ускорять их работу. Они могли контролировать силой мысли все процессы в организме и работу внутренних органов. Сами же их мозги значительно поднабрали в массе и увеличили в 4 раза свою рабочую площадь в сравнении с людьми электрической эры. Количество нейронов выросло в 16 раз. Такая мощность нуждалась в большом количестве энергии. Большую же часть времени она не использовалась и задействовалась лишь в исключительных случаях, когда на кону стояло что-то важное.

Миша не понимал, зачем его удерживали в пещере. Он находился у всех на виду, и то и дело пещерные люди приходили, чтобы на него поглазеть. Близко они не приближались и отводили глаза при виде его желтых глаз. Однажды из пещеры выбрался ребенок, он подбежал к Мише, ухватился рукой за его щеку и потянул в сторону. Тугая кожа на его лице не хотела растягиваться. Ребенок с удивлением и ужасом заглянул в его огромные желтые глаза, и вскоре его белые пятки скрылись в темной пещере. Он слышал восторженные детские голоса, потом сердитый женский крик, и больше дети к нему не приближались.

Три раза в день к нему приходил кормящий. Он приносил дохлую рыбу, вставлял ее между костлявых колен и скорее убирался прочь. Миша несколько раз пытался поговорить с ним и что-то узнать, но тот не разговаривал с ним. Казалось, что он пугал его своим видом. И в этом он мог понять пещерных людей. Они сами вызывали у него легкий страх и отвращение. Грязь на их белой коже, щелки их глаз, большие горбатые носы и, самое противное, их длинные волосы. Все это казалось Мише противоестественным и безобразным.

Однажды днем он слышал оживленные крики, доносящиеся откуда-то из пещер, они только нарастали. Вскоре группа мужчин выволокла соплеменника и бросила его в круг солнечного света всего в нескольких метрах от Мишиных ног. Вслед за ними появились и другие люди, они столпились на выходе из пещер. Лидер племени в серебристом костюме вышел вперед. У него был самый большой и самый горбатый нос из всех, а его волосы опускались до самой груди. Он говорил низким прерывистым голосом. Поверх костюма на шее у него висело небольшое ожерелье. Миша готов был побиться об заклад, что нить, удерживающая кусок белого камня, была сделана из его собственных волос.

Чумазый вождь племени в серебристом космическом костюме смотрелся комично. Он брызгал слюной и явно был чем-то сильно не доволен. Миша понемногу начал привыкать к речи туземцев и стал находить смысл в отдельных словах. Судя по тому, что он смог выяснить из речи вождя и его жестов, человек, которого отчитывали, что-то украл, и за его преступление его хотели наказать. Наказание было как-то связано с солнцем, которое стояло высоко в зените прямо над пещерой. Но Миша не мог до конца понять, в чем оно заключалось.

Вождь развернулся к толпе за его спиной и что-то выкрикнул. В ту же секунду толпа

расступилась и в центр вышел молодой с виду туземец. В руках перед собой он держал странный мешок, сделанный из рыбьей кожи. Его бицепсы округлились от напряжения, но лицо оставалось спокойным. Вождь развернулся к провинившемуся, выплюнул на него несколько ругательств и указал на него пальцем. Толпа взревела. Тогда молодой человек с мешком подошел поближе. Он медленно переставлял ноги. Мешок в его руках весил, по меньшей мере, 30 килограммов и вынуждал отклонять спину назад. Когда он приблизился к человеку на земле, вождь отдал ему последнее указание, он поднял мешок повыше и вылил все его содержимое на голову преступника.

Как оказалось, в мешке была обычная морская вода. Женщины, находившиеся среди зрителей сего действия, ахнули. Вода смыла большую часть грязи, покрывавшую преступника с головы до ног. По его лицу и телу стекали грязные капли, они падали прямо в лужу, которая образовалась под ним. Грязи почти нигде не осталось. Только в редких местах, где она была особенно густой, оставались мокрые прилипшие намертво к коже комки. Миша, наконец, смог увидеть местного человека без его искусственного камуфляжа. Кожа его была исключительно белой, намного белее льда на Европе и даже белее солнечных лучей в космическом вакууме. И сквозь эту белоснежную кожу, как ростки сквозь землю, пробивались черные выющиеся волосы. Они покрывали плечи, грудь, живот и спину человека.

Из толпы вышло еще несколько человек. Они загнали в землю большой бетонный столб с торчащей из него арматурой и привязали к нему белокожего. Вождь презрительно высказался в последний раз, резко развернулся и увел всех за собой. Первыми последовали люди в костюмах, после все остальные.

Обмытый туземец ерзал на месте, пытаясь высвободить руки, но у него ничего не получалось. Он дергался и подпрыгивал на заднице. Казалось, что само пребывание на солнце причиняло ему дискомфорт. Миша внимательно наблюдал за его действиями.

Минут через 10 человек застонал и скорчился. Он опустил голову вперед и положил свои длинные волосы на живот, а колени прижал поближе к груди. И только тогда Миша обратил внимание, что непокрытые части его тела начали покрываться красными пятнами. Его белая кожа быстро краснела, в некоторых местах начали вздуваться небольшие пузыри. Затылок и плечи пострадали больше всего, а также передняя часть голеней и стоп. От них очень быстро не осталось и живого места.

Миша быстро сопоставил одно с другим и понял, в чем было дело. Атмосфера планеты изменилась за последние тысячу лет, озоновый слой, защищавший людей от ультрафиолетового излучения, истончился. Пещерные люди попросту не успели измениться вслед за меняющейся природой и теперь были вынуждены прятаться по пещерам и покрывать кожу грязью, чтобы хоть как-то защитить ее от обжигающего солнечного света. Если же кто-то совершал преступление, его обмывали и усаживали прямо под палящее солнце, чтобы он в буквальном смысле на своей шкуре прочувствовал всю суровость наказания. Мишин новый сосед терпел боль, стиснув зубы, лишь изредка издавая мучительные стоны. Через 40 минут ему повезло, солнце спряталось за тучей на какое-то время, его мышцы расслабились, он позволил себе выпрямить ноги. Лицо его было спрятано за густыми прядями волос и Миша не смог увидеть его выражение, но предполагал, что на нем отобразилась гримаса боли.

Мишин новый сосед некоторое время сидел неподвижно, а потом неожиданно для них двоих развернулся к Мише лицом. Он сделал резкое движение головой, и волосы его

перелетели с лица на плечи, где им было самое место. Своими узкими карими глазами он оглядел Мишу с ног до головы и широко улыбнулся, обнажая белые крепкие зубы. Он что-то проговорил пересохшим осиплым голосом, и Миша не сразу разобрал его слова. Он несколько раз повторил:

— Иаго, Иаго, Иаго! — и вопросительно кивал в сторону Миши.

— Миша, — ответил он, — приятно познакомиться.

— Мииии-ща, — человек медленно по слогам повторил его имя, мягко выговаривая букву «ш». По его добродушной улыбке было понятно, что имя ему понравилось.

Так и состоялось первое знакомство между представителями двух человеческих видов, Homo Sapiens и Homo Cosmicum.

Диалог сразу же не удалось сложить, собеседники попросту не понимали друг друга. Тогда Миша стал глазами указывать на вещи их окружавшие и вслух проговаривать их названия. Человек неторопливо повторял их, растягивая каждый слог, Миша одобрительно кивал, и в ответ получал слово на языке туземцев. Вскоре они выучили по несколько десятков слов. Все они обозначали какие-то предметы — пещера, земля, небо, солнце, нога, рука, нос, волосы, глаза и все прочее, что находилось поблизости. Немного позже кормящий принес рыбу, но только одну, провинившегося решили оставить без обеда. Миша, привыкший к такому рациону, жадно поглощал рыбу, поглядывая в сторону Иаго.

— Ты будешь рыбу? — обратился к нему Миша.

— Рыы-бу, — улыбаясь протянул Иаго. Это слово его повеселило, — Тэвзи, — ответил он и с воодушевлением замотал косматой головой.

Миша разжал колени и позволил половинчатой рыбе съехать вниз прямо к стопам. Он примерился и точным движением совершил бросок, рыба туша совершила дуговое движение в воздухе и приземлилась прямо на живот Иаго. Теперь дело оставалось за ним. Иаго отличался хорошей сноровкой и ловкостью движений. Ему не составило труда и передвинуть рыбу по бедрам к коленям, а затем сжать ее ими.

— Мадлоба, — сказал он Мише, благодарно посмотрев ему в глаза.

— Пожалуйста, — ответил Миша.

Пока тот с упоением ел подаренную ему рыбу, Миша наблюдал за своим далеким предком. Их разделяла всего тысяча лет, но они отличались друг от друга так же кардинально, как Homo Sapiens отличался от Австралопитека. Ускоренная эволюция, инициированная Ц.И. уместила в десять столетий миллионы лет, которые теперь пролегли между ними целой пропастью. И несмотря на то, что они могли друг с другом общаться, Миша на несколько голов опережал туземца в развитии. Его познания о мире в стократ превосходили знания пещерного человека, а его способность к запоминанию и хранению информации, анализу и вычислению опережала его в тысячу раз, не говоря уже о недоступных для туземца способностях мозга вроде контроля метаболизма или выработки гормонов, устойчивости к солнечному излучению и космической радиации, и умению задерживать дыхание на целый час. У них было больше различий, чем общих черт. И все же тогда, разделив обед и горесть заключения под стражу, они были близки, как никто другой.

Их вынужденная дружба крепчала изо дня в день, они все лучше понимали друг друга. Миша освоил базовые правила местного наречия и легко ими пользовался. Свободные нейроны с охотой принимали новые знания и создавали прочные связи. С Иаго они обсуждали теперь уже вещи, выходящие за пределы пещеры. От него он узнал о том, что люди живут в этих пещерах уже много полных лун. Сколько конкретно он был не в

состоянии сказать. Примитивная арифметика туземцев еще не дошла до трехзначных цифр, в них не было надобности. Все что они пересчитывали это несколько десятков собственных голов и примерно такое же количество добытой рыбы.

Общество их жило по простым законам. Был вождь, которому все должны были подчиняться. Вождя выбирали по нескольким параметрам. Оценивалась общая физическая сила, рост, а также умение ловить рыбу. Вождем становился тот, кто мог выловить большее количество рыбы за отведенное время. Король-рыболов, не иначе. Отец Иаго был предыдущим вождем племени, но потом его не стало. В один день он отправился на рыбалку и не вернулся. Иаго считал, что новый вождь убил его специально и захватил власть. В подтверждение этому он пытался изобразить ожерелье у себя на шее. То самое, что Миша видел у нового вождя. По словам Иаго раньше оно принадлежало его отцу. Новый вождь все отрицал и говорил, что нашел ожерелье на пляже, но он не верил его словам. За попытку выкрасть это ожерелье его и посадили под стражу и подвергли мучительным пыткам. И каждый раз, когда показывалось солнце, кожа Иаго сгорала в ультрафиолетовом излучении. Спасали его редкие тучи, а позже Миша придумал способ защитить кожу от излучения. Иаго сдирал зубами шкуру с рыб и вымазывал непокрытые участки тела рыбьим жиром. Защитный слой из жира препятствовал воспалению и уберегал от новых ожогов. Когда это сработало впервые, из глаз его потекли слезы, он был готов поклясться Мише в вечной преданности, но тот остановил его, поскольку не сделал ничего выдающегося.

Иаго поведал Мише предания своего племени. Система мировоззрения пещерных людей выстраивалась вокруг тех вещей, которые их окружали. Совсем немногих вещей. Земля, океан, пещеры, солнце и луна, рыба, грязь. Все это переплеталось замысловатым образом и складывалось в единую мифологию.

Туземцы верили, что вся жизнь была создана в воде и на основе воды. Этому в подтверждение приводилось несколько фактов. Иаго рассказывал о них Мише с таким видом, как будто открывал величайшие секреты мироздания. В его глазах горели огни непреложной истины.

В доказательство своей веры он указывал на то, что вода преобладала над сушей. Вода была повсюду, куда ни посмотри. Океаны, моря, озера покрывала всю землю и лишь редкие участки непокрытой водой земли робко выглядывали из-под воды. За все время своего существования туземцы предпринимали вылазки на сушу в разных местах, но нигде они не видели больше живых существ. Суша была воплощением смерти в их мире. Она медленно убивала всех, кто на ней находился. Им даже приходилось регулярно пить воду, чтобы не умереть. На основании этого они сделали вывод, что родились они в воде и жили там долгое время среди рыб. В сущности, они тоже были рыбами раньше, их покрывала жесткая блестящая чешуя, у них были жабры, они могли дышать под водой. По крайней мере, так Миша понял из его объяснений.

Так они жили очень долгое время. Иаго загибал все пальцы, что у него были, по несколько раз, чтобы объяснить, как много времени это заняло в истории. Покачивающим жестом рук, изображая рыбий хвост, он показывал, как в былые времена они рассекали водные просторы вместе с другими подводными обитателями и были счастливы. Все испортили любопытные женщины, которые постоянно выныривали на поверхность, чтобы посмотреть, что происходило на земле. Их не останавливали даже обжигающие лучи Гонедзи! Тогда бог солнца прогневался на них, вытащил их из воды, снял с них чешую, лишил их жабр, поделил большой плавник на две части, а боковые плавники удлинил и

превратил в руки и в таком ничтожном виде выбросил их на берег. Их нежная кожа даже не могла сопротивляться солнечным лучам и быстро приходила в негодность. Только по ночам могли они без боли перемещаться по земле.

Манана — младшая сестра Гонедзи, приглядывающая за ними по ночам, сжалилась над людьми. Она обрушила морские потоки на сушу, и они проделали в ней пещеры, где люди могли прятаться днем от обжигающих лучей ее мстительного брата. Она подарила им копья и научила охотиться в их новых телах. Это было крайне унижительно. Ведь им пришлось использовать какие-то посторонние предметы для охоты, хотя раньше они обходились лишь тем, чем наградила их природа. Иаго руками изобразил огромные челюсти и зубы, которые у них когда-то были. (Судя по всему, они считали, что ближайшими родственниками людей были киты или акулы). И вот они живут уже много лун в изгнании и никак не могут получить прощения. Гонедзи продолжает гневаться на них до сих пор. Их слабая кожа не может противостоять его гневу. И только Манана по-прежнему с ними ласкова. Каждый месяц они приносят ей дары и умоляют попросить у Гонедзи прощения от их имени, чтобы он вернул им их прежний облик и позволил жить в океане снова. Но ничего не меняется уже многие поколения. Люди начали бояться, что их обрекли на вечные страдания.

Миша внимательно выслушал Иаго. Не было никакого Гонедзи, конечно, и никакой Мананы. Солнце и Луна не вмешивались никогда в жизнь людей и были простыми космическими телами, как и множество других в бескрайней Вселенной. А рыбами предки людей хоть и были, но очень давно. Между ними и рыбами была еще длинная цепочка земноводных, теплокровных и млекопитающих приматов, которые привели к появлению людей. А солнце их обжигало, потому что война и природные катаклизмы уничтожили защитный озоновый слой. Вот и все объяснение, которое укладывалось в несколько простых предложений. Но Миша ничего не стал говорить Иаго об этом. Он знал, что тот ему ни за что не поверит. Как легко люди прошлого принимали на веру всякий вздор, так же сильно потом за него и цеплялись.

Иаго рассказал Мише всю историю и вопросительно поглядывал в его сторону. Миша не сразу понял, что он от него хотел. Наконец, Иаго спросил:

— А вас почему изгнал Гонедзи?

Миша призадумался.

— Мы видели, как тот холодный круг, где вы были, плыл по воде, а потом его вынесло на берег. Вас ведь тоже за что-то наказал Гонедзи, ведь так? А Манана дала вам защиту от солнечного света. Расскажи мне, как вы ее получили? — он оживился и вкрадчиво смотрел на Мишу, ожидая ответа. Тот молчал.

— Не хочешь говорить?

— Не знаю, — ответил ему Миша и замолчал.

— Не помнишь?

Миша покачал головой. Он не хотел говорить правду, а на ложь был не способен.

— Ладно, — сказал Иаго и отвернулся в сторону.

На следующий день вождь племени вернулся со своей свитой. В костюмах из ткани на нанокристаллической структуре и с длинными волосами они смотрелись, как рок-группа из 1970-х.

— Ну что ты узнал у него, за что их сюда изгнали? — вождь обратился к Иаго так, как будто Миши не существовало. Очевидно, что он не знал, что Миша теперь понимал их речь.

— Нет, он не хочет говорить, — поведение Иаго изменилось, он больше не был похож

на добродушного простачка, во взгляде его появился колючий холод.

— Еще бы он сказал нам свои секреты. У него по глазам видно, что он считает себя лучше нас. Получили благословение Мананы и возомнили о себе невесть что. В любом случае это уже не важно. В живых остался только он. Значит, не так много любви даровала им Манана. Мы принесем его ей в жертву и попросим даровать нам кожу, защищающую от Гонедзи. Пусть видит, что мы этого более достойны.

Вождь приказал освободить Иаго, он поднялся, размял затекшие конечности и с презрительной усмешкой посмотрел на Мишу. Это был взгляд непримиримого врага, смертельного соперника, который смотрит на своего противника, собираясь бросить ему вызов и одолеть его любыми средствами.

— До величия Мананью стается три дня. У тебя еще есть возможность передумать и рассказать нам все, — Иаго давал ему шанс поведать все секреты, пока не поздно.

Миша молча смотрел на него спокойным ровным взглядом. Его нисколько не удивила резкая перемена в их взаимоотношениях. Люди электрической эры никогда не гнушались любыми средствами для достижения своих целей и думали только о себе. Теперь он в этом убедился окончательно.

Не получив никакого ответа, Иаго с остальными ушли, оставив Мишу один на один с размышлениями о природе человека.

Глава 14. Одна книга — одна надежда

Прошел год с тех пор, как Шэнли позволил крошечному жуку проникнуть в свое тело и получить контроль над его мозгом. Тот решающий миг часто всплывал в его снах. В них он вновь и вновь протягивал руку вперед, пока жуки сотнями наполняли его узкие вены. Он смотрел на свои предплечья и видел, как по его венам, слипшиеся в темные комки, перемещаются грозди жуков. Часто он просыпался от страха и принимался ощупывать свои руки и все свое тело. Ему казалось, что с ног и до головы его покрывали клещи, но никаких клещей не было. Только один находился в его теле уже год и благополучно выполнял свою основную функцию — подчинение. Обладал ли этот жук своим сознанием? Шэнли склонялся к отрицательному ответу. Он чувствовал, что все еще был хозяином своего тела и разума и мог себя контролировать, самостоятельно принимать решения и думать обо всем, о чем захочет. Единственным табу были плохие мысли о шейхе. Все остальные мысли были ему по-прежнему подвластны. Но было ли это на самом деле так?

Мозг человека работал под управлением двух систем — сознательного и бессознательного контроля. Решения часто принимались бессознательно, так было быстрее и проще. Мозг за какие-то миллисекунды анализировал весь предыдущий опыт и на его основе делал выбор неосознанно. Такие решения можно было описать, как интуитивные. Когда же у человека спрашивали, почему он принял именно такое решение, он часто не мог сразу ответить на этот вопрос. Но позже находил своему поступку разумное объяснение при помощи сознания. Оно было убеждено в том, что принимает все решения самостоятельно, и всегда находило поступкам рациональное объяснение. Если бы жук мог получить доступ к подсознанию своего носителя, он мог бы контролировать все его поведение и принимаемые решения, а его сознание никогда об этом и не узнало бы.

Что касается Шэнли, то он и хотел избавиться от проклятого жука и не хотел одновременно. С одной стороны, он понимал, что такого быть не должно, чтобы какой-то паразит мог влиять на его поведение. Но с другой стороны он привык к такому положению вещей и не хотел ничего менять. Его механизмы сопротивления были подавлены и нарушены. Он попросту не мог сердиться, обижаться, ненавидеть или желать кому-либо зла, он разучился выказывать протест действительности. Пытаясь защитить себя от нестерпимой боли его мозг научился находить обходные пути для всех негативных мыслей и обрубать их на корню. За год такой жизни Шэнли из человека, который всегда был готов дать отпор, превратился в смиренного соглашателя. Он знал, что ему нужно выучить арабский язык и прочесть договор, который он подписал своей кровью, но не знал, зачем ему это нужно, и что от этого должно было измениться.

Так или иначе, несколько месяцев они с Женей составляли план действий и были готовы претворить его в действительность. Вынести книгу из библиотеки оказалось той еще задачей. Как сильно шейх хотел, чтобы его наложницы получали новые знания, так же сильно он не хотел, чтобы их получали его слуги. Доступ к библиотечным книгам для них был заказан, а любая попытка пронести книгу мимо сканера сурово каралась. Женя только один раз попытался протащить книгу мимо сканера, и горько об этом пожалел. Ту боль можно было сравнить разве что с четвертованием. Даже скверные мысли о шейхе и те были менее болезненны. Единственной возможностью вынести книгу из библиотеки было обойти защиту сканера. Сделать это было крайне сложно, поскольку сканер был напрямую

подключен к системе питания всего убежища. У него не было отдельной кнопки выключения. Он работал все 24 часа в сутки без перерывов и как-то обмануть его было невозможно. В каждую нейрокнигу был встроен небольшой радиоактивный элемент на основе Углерода-14. Сканер улавливал радиоактивное излучение и в том случае, если код доступа книги не соответствовал коду из базы, подавал сигнал тревоги прямо на планшет шейху. Тот сразу же видел нарушителя и одним легким движением пальца заставлял его страдать в агонии. Система работала, как часы. И все же, как и любую когда-либо созданную систему, ее можно было взломать. Если обесточить весь комплекс и, воспользовавшись моментом, вынести книгу из библиотеки, то никто об этом не узнает. На это и был расчет.

Ни о чем не подозревавший Аль Тани по обыкновению проснулся утром под шум прибоя. Его трехметровая круглая кровать, приводимая в движение возвратно-поступательным механизмом, равномерно покачивалась в мерный такт шипения морских волн. Рядом с ним на кровати лежала молодая девушка с волосами цвета сушеной соломы. Длинные пряди ее волос слегка прикрывали обнаженное тело. Аккуратные пухлые губы были сложены в маленький бантик под курносым носом. Длинные ресницы были сложены в две черные щелки ее глаз. Под закрытыми веками скрывались два безупречных голубых алмаза. Ее плоский животик с продольными полосками пресса поднимался и опускался. Она пребывала в мире сладких грез, поглощенная чувством любви к своему дорогому мужчине. Ни к кому другому она никогда ничего подобного не испытывала, и только с шейхом смогла познать истинную силу любви.

Шейх даже не помнил, как ее зовут. Он постоянно путался между Софией и Зофьей. Он не утруждал свою память подобными вещами. Через час к нему должна была прийти другая наложница, которая станет его новой возлюбленной на весь следующий день.

— Ты уже проснулся, мой хабиби? — девушка открыла свои огромные глаза и посмотрела на шейха с бесконечной нежностью.

— Да, моя хабиби, я, как и всегда, любовался твоей красотой.

София, как ее звали на самом деле, широко улыбнулась, ее глаза заискрились, как в самый радостный момент ее жизни, и она захватила шейха в крепкие объятия. Она льнула к нему и жалась, больше всего на свете желая ощутить его тепло на своей шелковистой коже. Шейх более склонный к тому, чтобы получать любовь, а не отдавать ее, принимал ее объятия и поцелуи сладких губ, как нечто само собой разумеющееся. Девушка расцеловала его наполовину покрытое черной бородой лицо и обхватила его бедро своими ногами.

— Ну ладно, давай позавтракаем и я отпущу тебя отдыхать, — шейх выбрался из ее объятий, накинул на себя халат и направился к выходу из спальни. За дверью стоял столик с приготовленным завтраком. Несколько обжаренных тостов, смазанных сливочным маслом, куски буженины, спелые персики и апельсины, и пригоршня шоколадных конфет. Все это он собирался запить порцией свежее сваренного черного кофе. Все то, что так любил Аль Тани.

Он прикатил столик к кровати и показал девушке угощаться. Она кушала, словно птичка, отклеывая небольшие кусочки.

Шейх, как заведено, взял в руки нейрогазету и принялся читать свежие новости. Заголовки сообщали о бунтах на ближнем востоке, очередной засухе в Западной Европе, последних прорывах в сельском хозяйстве и выведении геномодифицированного домашнего скота. Это были самые настоящие новости, выпущенные девяносто лет тому назад. Они подгружались из архивов каждый день, и каждый день нейрогазета шейха обновлялась,

создавая иллюзию существования мира. Шейх хотел жить так, как будто ничего не случилось, и у него это получалось.

— Спасибо за завтрак, мой коханы, — она забылась от чувств и попрощалась на своем родном польском языке.

Шейх не придавал этому значения, он был увлечен чтением своей утренней газеты и больше для него в мире ничего не существовало. Девушка подарила ему последний смачный поцелуй, оделась и вышла за дверь, напоследок блеснув голубыми глазами в дверном проеме. Она искренне любила шейха, и сердце ее наполнялось тоской при мысли о том, что целый месяц они проведут порознь.

Любовь эта была самой настоящей с физиологической точки зрения. При мысли о любимом человеке зрачки расширялись, пульс учащался, в организме вырабатывались в увеличенном объеме дофамин, серотонин, адреналин, норадреналин и фенилэтиламин — они отвечали за ощущение бабочек в животе. В добавок к ним шли вазопрессин и окситоцин, которые вызывали чувство привязанности и доверия к партнеру. Любовный коктейль был собран в идеальных пропорциях с точностью до одной сотой микрограмма. Мозговой клещ справился с этой задачей лучше всякого купидона.

Шейх себя не ограничивал и не привязывал ни к кому любовью. Ни одну из своих наложниц он не любил. Получал удовольствие от совместного препровождения — да. Позволял себе открывать своим наложницам некоторые секреты и сокровенные мысли — возможно. Но любил — нет. Больше всех на свете он любил себя самого и чувство, которое он испытывал при мысли о том, что тридцать одна прекрасная женщина сходит по нему с ума.

Позавтракав и отложив газету в сторону, шейх сбросил с себя халат и отправился на клеточную реновацию. В специальной камере клетки его тела подвергались обстрелу заряженных атомов. Они выбивали все поврежденные участки и заменяли их, избавляя его тело от переработанных клеток, излишков свободных радикалов, уничтожали раковые клетки. Подобная процедура полностью останавливала процессы старения в организме, но требовала колоссальных вычислительных и энергетических ресурсов. Нагрузка на сеть возрастала многократно в те короткие минуты, что шейх тратил на обновление своих клеток.

По резким перепадам в напряжении, повторявшимся ежедневно, Женя с Шэнли и вычислили точное время, когда шейх занимался омоложением. Несколько месяцев каждый день один из них пробирался в аккумуляторную и делал заметки. В итоге они выяснили, что по вторникам и четвергам шейх пользовался реноватором с 10:20 до 10:25, а по всем остальным дням с 10:50 до 10:55.

Шейх зашел в освещенную камеру, система просканировала его тело и на экране высветились свежие физиометрические показатели: содержание макро и микроэлементов, точное количество поврежденных клеток, нуждающихся в обновлении, количество свободных радикалов, раковых клеток и иммунных тел, выступивших на борьбу с ними, и еще 200 параметров. Общее состояние его организма оценивалось на 94 балла из ста. Это были показатели тридцатилетнего, что для его почтенного возраста было хорошим результатом. Но для придирчивого шейха ни один балл кроме высшего не являлся удовлетворительным.

Когда сканирование было завершено, устройство обратилось к нему с вопросом, который был пережитком юридической системы человечества. Пока существовали суды и законы, ни одна процедура не могла начинаться без фактического согласия человека.

Формальный вопрос звучал всегда одинаково:

— Желаете начать процедуру клеточной реновации?

— Начинай.

Цилиндрическая камера начала вращаться на сверхзвуковой скорости. Тело шейха охватило сильнейшее электромагнитное поле, он не мог пошевелить и пальцем. Разогнанные до световых скоростей частицы проникали через поле, врезались в клетки и выбивали из них все отклонившиеся от нормы элементы. Поле удерживало клетки в равновесии, препятствуя их распаду от столкновения с заряженными частицами.

Внезапно поле отключилось, и освещение в камере исчезло. Стенки камеры продолжили вращаться в полной темноте, продолжая обстреливать клетки шейха. Атомные связи в его организме разрывались, за секунду его тело получило мощную дозу облучения, запустился процесс клеточного апоптоза, шейх умирал. Его кожа в один момент покрылась многочисленными маслянистыми волдырями. В местах повышенного натяжения на локтях, коленях и подбородке она рвалась, обнажая белесые хрящи и кости. Зубы покидали воспалившиеся десна, слизистые оболочки высыхали, декальцинированные кости трескались, нейронные связи лопались. Все это происходило так стремительно, что мозг не успевал обрабатывать сигналы от клеток. В замешательстве он принимал все сигналы за боль и пытался хоть как-то погасить ее выработкой эндорфинов. Но было уже поздно. Распадающееся на отдельные кровавые лоскуты его тело обмерло и распласталось по свинцовому полу камеры. 10 секунд он был фактически мертв, пока не запустился принудительный процесс клеточного возобновления. К счастью для шейха, человеческая жизнь и ее сохранение всегда были в приоритете у медицинских устройств подобного класса. В его программу была заложена обязательная помощь умирающим, и ей не требовалось получать для этого никаких дополнительных разрешений. Реноватор восстановил организм шейха на основании результатов первого сканирования.

Шейх стоял в камере реноватора, на табло высвечивалась цифра 94. Часы показывали 9:48, что было странным, ему казалось, что секунду назад они показывали 9:42. Женский голос задал привычный вопрос:

— Желаете начать процедуру клеточной реновации?

— Начинай.

Реновация прошла успешно, шейх вышел из белого света камеры и вновь оказался в просторной спальне. Окно в ней не было. Их роль выполняли огромные мониторы сверхвысокого разрешения высотой в 3 метра от самого пола и до потолка. На них 24 часа в сутки транслировалось видео по выбору владельца. В то утро на огромных экранах можно было наблюдать восход солнца над горой Фудзи. Приглядевшись, можно было заметить небольшие стайки птиц, летавшие над ее склонами. Детализация картинки была просто потрясающей. При желании ее можно было растягивать и увеличивать бесконечно, пока картинка не упрется в скалистую породу самой горы. Но не это поражало больше всего. Стоя возле экранов можно было почувствовать дуновение горного воздуха и ощутить его ионизированный запах. И только осознание того что все это являлось технологичной подделкой останавливало от желания шагнуть прямо в изображение.

В дверь легонько постучались.

— Можешь заходить! — шейх громко ударил голосом по двери и приятно удивился молодому и сильному звучанию своего голоса.

Возможно, это работал на уровне самовнушения. Но каждый раз после прохождения

реновации он ощущал себя моложе на несколько десятков лет, хотя программа по большому счету возвращала ее в предыдущий день. Вернуть былую молодость она не могла.

Дверь открылась и в нее легкой походкой зашла длинноволосая брюнетка с фигурой, напоминавшей идеальную восьмерку. Она сбросила с себя одежду и осталась в одном нижнем белье. Ее широкие бедра через тончайшую, охватом в 40 сантиметров, талию перетекали в пышные формы груди, настоящее произведение генетического искусства.

Девушку звали Жизель. Она была генномодифицированным человеком В-класса, что означало частичное улучшение, не затрагивающее интеллект и мыслительные способности. Ее родители вложили 500000 долларов в усовершенствование ее генома, чтобы превратить ее в живую секс-куклу. В результате девушка получила идеальные пропорции с гиперболизированными половыми признаками, тонкими голеньями, широкими бедрами и округлыми ягодицами, нежными маленькими ручками, слегка увеличенными глазами и губами, и маленьким носиком. И все это без единого хирургического вмешательства. От обычной девушки ее отличало отсутствие пары нижних ребер, благодаря чему удалось добиться небывалой в естественных условиях узости талии, и повышенное содержание коллагена в организме, из-за чего ее кожа длительное время сохраняла упругость в нужных местах. Были и те изменения, которые не были столь очевидными, но это уже технические подробности. Главное для шейха было то, что он загорался от одного взгляда на Жизель. Она стоила каждого из тех 25 миллионов долларов, которые он заплатил за нее ее родителям. Он часто думал, что даже выкупил ее очень удачно. Месяцем спустя после оплаты другой шейх предлагал ему за нее 40 миллионов долларов, но он отказался.

Виляя широкими бедрами, девушка проследовала к кровати, где ее ждал возлюбленный. Как и София, она любила шейха всем сердцем и души в нем не чаяла. Она обожала каждую его черту, каждый изгиб, каждое несовершенство. Даже его возрастные морщины и мелкая проседь казались ей исключительно милыми. Она забралась на него сверху и положила руки ему на грудь, ее ногти приятно впивались в верхние слои кожи, вызывая электрические импульсы.

— Дорогой мой, у тебя все в порядке? Я очень поволновалась за тебя сегодня утром.

— Конечно, в порядке. Посмотри на меня, я воплощение жизненной силы и энергии, — в доказательство своих слов шейх поиграл рельефными мышцами, — А почему ты спрашиваешь?

— Просто сегодня мы с девочками все ощутили приступ головной боли. Я имею в виду все одновременно. Ну, знаешь, так бывает когда тебе больно. В последний раз такое было, когда ты травмировался во время конной езды, — девушка осеклась, шейх не любил когда ему напоминали о его неудачах. В этот раз обошлось, она получила снисходительный взгляд и продолжила, — и вот сегодня утром буквально 10 минут назад мы все почувствовали эту боль.

Аль Тани нахмурил черные густые брови. Он не понимал, о чем шла речь.

— Не понимаю о чем ты, моя сладкая. Я чувствую себя просто великолепно с самого утра и сейчас я тебе это докажу, — он подался вперед и зарылся лицом в ее пышную грудь.

Дверь в спальню шейха открылась и внутрь вошел Шэнли. Была его очередь убираться в спальне шейха. Он, как и следовало, тщательно вымыл все полы и протер все поверхности, провел глубочайшую очистку воздуха и понизил содержание болезнетворных бактерий до 0.002 процентов. После чего он подошел к камере реновации и попытался забраться внутрь.

Камера встретила его отказом:

— Совпадение ДНК не подтверждено. В доступе отказано. Пожалуйста, попробуйте снова.

Шэнли во второй раз приложил ладонь к сканеру и снова получил отказ.

— Попытка несакционированного доступа. Отправляю тревожный сигнал на панель управления через 10, 9, 8....

На лбу Шэнли проступили крупные капли пота. Если план Жени не сработает, то им всем конец. Он приложил ладонь к сканеру еще раз и кончиками пальцев ввел комбинацию — указательный, безымянный, мизинец, средний, большой.

— Отправка тревожного сигнала прекращена. Запущен режим администратора.

Шэнли выдохнул и протер лоб тыльной стороной ладони.

— Покажи мне журнал проведения процедур за сегодня.

Система вывела данные на экран:

09:42 — окончание сканирования.

Запрос на проведение клеточной реновации... Одобрено.

09:43 — запуск процедуры реновации.

09:44 — критический сбой в питании системы...

Восстановление питания...

повторное сканирование...

!Биологическая смерть организма!...

09:45 — Запуск процедуры экстренного восстановления.

09:48 — Восстановление проведено успешно.

09:48 — запрос на проведение клеточной реновации... Одобрено.

09:50 — клеточная реновация проведена успешно.

Шэнли перешел в режим редактирования и убрал все записи в промежутке между 09:43 и 09:48, вышел из режима администрирования. После чего вошел в него снова, еще раз вызвал журнал и убедился в том, что все записи от сбоя были удалены безвозвратно. После чего он тщательно протер сканер, стирая отпечатки и продолжил заниматься уборкой помещения.

За пластиковой дверью комнаты прислуги слышались порывы надвигающейся ссоры.

— Вы два придурка. Вы хоть понимаете, что вы наделали? Мы сегодня от боли все чуть не умерли. И все ради чего? Чтобы украсть какую-то книгу из библиотеки? — Майк отчитывал Женю и Шэнли, периодически понижая голос, чтобы их никто не услышал.

Все ребята в комнате обступили Женю и Шэнли и вычитывали их.

— Да, точно. Я утром сегодня перекручивал мясо на кухне. Потом словил приступ боли и очнулся лицом в мясорубке. Хорошо, что сработала защита от дурака и мотор отключился. А то стоял бы сейчас тут без носа и бороды.

— Простите, но это было необходимо сделать, — оправдывался Шэнли. Он сам прошел через вспышку убийственной боли этим утром и прекрасно понимал их чувства.

— Необходимо, необходимо. Предупредить было нельзя, чтобы мы подготовились?

— Мы не хотели ничего говорить, чтобы не выдать себя. Два человека и так слишком много для сохранения секрета.

— И что не выдали? Весь комплекс знает, что с шейхом что-то случилось сегодня. И мы, и бабы его тоже.

— Не переживайте. Я подтер все следы. Он ничего не узнает, — попытался успокоить всех Шэнли.

— Да что ты говоришь. Вон Женя сам говорит, что даже 2 человек много для сохранения тайны. А что ты будешь делать, когда 49 человек знают о том что произошло? Рано или поздно Шейх узнает обо всем и тогда нам всем не поздоровится.

— И что он сделает? Убьет нас всех? Кто в таком случае будет готовить ему пожрать и подчищать за ним? — высказался Женя и ощутил приступ мигрени. Нужно было выбирать не такие негативно окрашенные слова, — да и вообще уже все сделано, так что нечего переживать о том что случилось. Расслабьтесь и живите дальше. Если что мы возьмем всю ответственность на себя.

— Так вы можете объяснить, зачем вам потребовалась какая-то несчастная книга? Что скучно стало и читать приперло?

— Я не могу сейчас сказать, — нерешительно проговорил Шэнли.

— Что снова эти разговоры про тайны на двух человек?

— Нет, Женя тоже ничего не знает. Просто доверьтесь мне. Мы сделали это для всеобщего блага.

Ребята начинали успокаиваться. В какой-то степени они даже чувствовали себя хорошо от того что так произошло сегодня. Эти злость и негодование по отношению к Жене и Шэнли заставили их почувствовать себя живыми.

— Ладно, так уж и быть мы закроем на этом глаза. Но если вы соберетесь снова сделать всем больно, то будьте добры нас об этом поставить в известность. Иначе я за себя не отвечаю, — Майк развернулся и лег в свою кровать. Остальные последовали ее примеру.

Шэнли забрался под одеяло и вытащил из-под подушки белую нейрокнигу. Тончайшие экраны ее страниц толщиной в одну десятую миллиметра на вид и ошупь были неотличимы от обычной бумаги. Арабские символы волнистой прописью ложились черным по белому. Шэнли не знал, что они обозначали, но собирался это выяснить.

Глава 15. Начало вымирания

Чжан Вей очнулся на полу в своей спальне, его отбросило от кровати на несколько метров. Он ударился спиной о толстое панорамное окно и остановился на месте. На носу и губах он ощущал присутствие чего-то мокрого и липкого. Он вытер лицо тыльной стороной ладони и обнаружил на ней кровавый рисунок. Его мозг только что переживший смерть, все еще цеплялся за виртуальный опыт, ему требовалось время, чтобы проанализировать все чувственные образы и осознать, что он вернулся в единственную подлинную реальность, где он по-прежнему был живым.

Чжан Вей медленно поднялся на ноги. Былые резвость и прыткость куда-то запропастились, в его движениях ощущались медлительность и скованность свойственная старикам. Он с трудом разогнул закоченевшую спину и не узнал собственную спальню. Она была завалена хламом до самого основания. Как будто кто-то вломился туда, пока он проводил время в нейровселенной, поставил себе цель выпотрошить все шкафы и вывалить наружу все их содержимое, и у него это получилось.

Мозг, наконец, восстановил управление над всеми органами чувств и Чжан Вей познал старый новый мир при помощи вестибулярного аппарата. Дом сильно трянуло, он ударился затылком о стекло и упал вперед на колени. Решив, что перемещаться на выпрямленных ногах было опасно, он остался на четвереньках и в позе младенца повернулся лицом к окну.

Понять, в какой ситуации он оказался, было непросто. Окно было забрызгано водой, на улице было темно, хотя был все еще день. Все небо затянули свинцовые тучи, не пропускавшие свет. Из-под днища дома вспыхивали белым светом двигатели. Китайский дракон швыряло из стороны в сторону с бешеным усилием и только благодаря искусной работе системы стабилизации ему удавалось удерживать дом в горизонтальном положении. В стекло нещадно бил ветер, размазывая по нему какие-то немыслимые количества дождевой воды. Было похоже, что китайский дракон оказался в самом центре сильного океанического шторма. Чжан Вей и представить себе не мог, как бы ему повезло, будь это правдой. Океанический шторм был бы для него настоящим подарком.

Резким порывом ветра дом отбросило на несколько сотен метров в сторону, и Чжан Вей наконец получил возможность увидеть истинное положение вещей. Прямо по курсу в километре от него вырос массивный водный столб. Суженный к низу, он расширялся в верхней части и упирался в темные грозовые тучи, словно черпая из них силу. Гигантский водный смерч соединил в себе энергию океана и грозового неба. Он слегка накренился и двигался вправо от Чжан Вея, веером разбрызгивая во все стороны морскую воду.

Внезапно что-то подхватило дом сзади, сильно крутануло его, и картина за мокрым стеклом начала расплываться, смерч быстро исчез из поля зрения. Всему причиной был второй смерч, что подкрался сзади, схватил парящий дом, и закрутил его по спирали в своей воронке. Стекло полностью залило водой, Чжан Вей потерял зрительную связь с реальностью. Нужно было срочно убираться оттуда, пока смерч не проглотил его целиком и не выплюнул наружу раздавленного и уничтоженного.

Хваленая система стабилизации оказалась попросту бессильной. Ее никто не обучал бороться с разбушевавшимся смерчем, и, выйдя за рамки заданных инструкций, она вела себя единственным возможным способом — крайне глупо. Чжан Вею нужно было добраться в кабину пилота, чтобы перевести дом на ручное управление и вырвать китайского дракона

из лап ветряного гиганта. Дом вращался все быстрее вокруг своей оси, раскручиваясь в противоположную от вращения смерча сторону. Внутри дома все казалось неподвижным, но вестибулярную систему Чжан Вей было не обмануть. От вращения его мутило, содержимое желудка готово было выплеснуться наружу и заляпать все вокруг. Чжан Вей с трудом подавил рвотный рефлекс, поглубже вздохнул и не вставая на ноги стал прокладывать себе путь в кабину пилота. Его водило из стороны в сторону, он двигался хуже человека с сильным алкогольным опьянением. Ему казалось, что его тянуло вправо и он пытался двигаться влево, но в итоге отклонялся от дверного проема и никак не мог в него попасть. Когда ему это удалось, он оказался в коридоре. К счастью, там все было просто, только и знай себе, что двигайся по прямой, заплутать было невозможно. Прислонившись плечом к стене и найдя в ней опору, он добрался до дальнего конца коридора и, толкнув дверь головой, оказался в кабине. Ее заливало темным синим светом с белесыми вкраплениями многочисленных лучей света, что проходили через пятна воды на лобовом стекле.

Собрав все силы в кулак и подавив очередной рвотный позыв, Чжан Вей перевел дом в режим ручного управления и остановил его вращение. Следующие несколько минут он все еще явно ощущал его последствия и путал лево и право. Так или иначе, он увеличил мощность двигателей и направил его прямо. Китайский дракон высунул свою голову из водяного туловища смерча и огляделся. Грудную клетку Чжан Вей сдавил внезапный приступ страха. Они были повсюду. Во всех направлениях виднелись десятки морских смерчей, они крутились подобно волчкам, натыкались и отскакивали друг от друга. Маневрировать между ними было бы сложнейшей задачей для опытного пилота, коим Чжан Вей никогда не являлся. Он управлял домом на уровне обязательной программы для владельцев подобных домов. Совершать резкие маневры, подвергавшие тело перегрузкам, он был не обучен. В тот момент он ощутил себя малюсенькой рыбкой, заплывшей в кишаси акулами воды. Одно неверное движение и китайского дракона растерзали бы зубастые твари.

Он посмотрел в синее, почти черное, небо. Оно и само выглядело, как штормовой океан, среди волн которого мелькали вспышки молний. Пробриться через такой заслон казалось невыполнимой задачей. Итак, у него не оставалось другого выбора. На каком-то исключительно интуитивном уровне не поддающемся никакому объяснению, Чжан Вей развернул дом в центр смерча, который продолжал его удерживать, и направился прямо в него.

Попасть внутрь по собственному желанию оказалось не так просто. Двигатели корабля напряглись и он протиснулся сквозь толщу воды и ветра. Внутри было удивительно спокойно. На секунду можно было позабыть о реальности, залюбовавшись величественной красотой стихии. Вода и ветер соединились вместе и создали колонну, что поддерживала само небо. Колонна, впрочем, не отличалась устойчивостью и ходила из стороны в сторону, любоваться видами было некогда. Он повернул дом к небу и увидел белую точку в верхнем конце воронки — это был выход, его спасение. Аккуратно, боясь ненароком дернуть рукой и ударить дом о внутренность смерча, он повел китайского дракона туда, где небо все еще было светло-голубым. Если вы когда-нибудь играли в игру, где небольшой квадратик при помощи мыши нужно был провести по узкому тоннелю, не касаясь его стенок, то вы знаете, что он тогда испытывал. В конце той игры, кстати говоря, выскакивал пугающий скример — сомнительное вознаграждение за проделанные старания.

Смерч продолжал двигаться, стенки его ходили из стороны в сторону, казалось, что верхняя часть его вот-вот сомкнется и не позволит дому выбраться наружу. Чжан Вей

увеличил мощность двигателей, скорость в моменте достигла двух с половиной тысяч километров в час, и китайский дракон вылетел из воронки. Снаружи его ждал яркий солнечный свет и мирное небо, словно никакого шторма с десятками смерчей и не существовало.

Не прошло и пары минут, как он понял, что и там притаилась скрытая угроза. Чжан Вей обратил на это внимание далеко не сразу. Для начала он перевел дыхание, вытер мокрый лоб нижней частью футболки, сделал глубокий вдох и позволил себе опрокинуться на спинку кресла. Его организм мобилизовал все силы, чтобы справиться со стрессовой ситуацией, и, когда все закончилось, прилив сил сменился усталостью. Старик не спеша встал с кресла и подошел вплотную к окну. При ближайшем рассмотрении воздух снаружи казался не полностью прозрачным, а с каким-то серым налетом, словно задымленный. Причем дыма со временем становилось все больше. С планетой происходило что-то странное, он чувствовал это. Нужно было выяснить, что именно и прикинуть дальнейший план действий.

Китайский дракон плыл над штормовыми облаками сверху, с этой позиции они выглядели вполне дружелюбно, серо-белые, обычные кучевые облака, коих Чжан Вей в своей жизни повидал великое множество. Только лишь открывающиеся глаза десятков смерчей, уставившиеся вверх, напоминали о том безумии, что творилось под белым покровом.

Чжан Вей не знал, что ему делать и направил дом на Восток в сторону Китая. Его канувшая в лету родина взывала к нему мертвым плачем. Позабыв о конце света, можно было подумать, что под облаками все еще сосуществовали народы и цивилизации, они строили друг с другом отношения, вели торговлю, укрепляли дипломатические связи, а люди оставались просто людьми: влюблялись и расставались, дрались и мирились, сплетничали и спорили, расстраивались и переполнялись радостью, совершали импульсивные поступки, о которых после жалели, жили и умирали. Но все это было в прошлом, людей больше не существовало. Чжан Вей не брал в расчет Шэнли и прочих, что укрылись в секретном бункере, и тех кто мог поступить схожим образом. Он был уверен, что на Земле люди уже не смогут выжить ни при каких условиях. Он чувствовал себя последним из своего рода и, возможно, именно это чувство подарило ему решительное желание выжить, чего бы ему это ни стоило. Последний из рода человеческого не сдастся просто так — таким был его боевой настрой.

Китайский дракон двигался по небу с крейсерской скоростью в 4000 километров в час. Чжан Вей воспользовался свободным временем, чтобы перекусить и исполнить свои физиологические потребности. Сон следовало отложить до лучших времен. Он сделал себе крепкий кофе и направился в кабину управления. И только тогда он обратил внимание на два наушника, продолжавших находится у него в ушах. Он аккуратно вынул их из ушей и с горечью обнаружил, что один из них был поврежден. Его тонкая ножка была надломана прямо посередине. Чжан Вей с тоскливо посмотрел на него и покрутил в руках, а потом засунул в карман своих брюк. Он не захотел или побоялся проверить его работу. Тэнси и Юн Мэй оставались тем немногим в мире, ради чего он хотел поддерживать в себе жизнь. Потерять еще и их он боялся больше всего на свете.

По мере приближения к тому, что не так давно было Китаем, небо становилось все более задымленным. Едкий серый дым наполнял все верхние слои атмосферы и затруднял видимость. Пришлось задействовать инфракрасные визоры, чтобы ориентироваться в серой пелене. Парящий дом внезапно подпрыгнул вверх, словно наткнувшись на что-то острое в

воздухе. Сработала система компенсации ударных волн. Датчики обнаружили колебания воздушных масс на расстоянии в несколько километров и подключили двигатели. В итоге дом не столкнулся с ударной волной лбом, а плавно прокатился на ней точно серфер. От ударной волны облака разъехались в стороны, создав возможность для обзора. В след за ней прогремело два мощных взрыва. Звук был настолько громким, что если бы не внутренняя система шумоподавления, Чжан Вей повредил бы барабанные перепонки. Причиной всему были два огромных столба пепла, выбивающихся прямо из небольшого островка почвы. Два соседствующих вулкана взорвались практически одновременно и выбросили в воздух миллиарды тонн земли, газа и пепла. Лава текла по их склонам и попадала прямо в океан. Часть воды испарилась мгновенно и струилась над волнами клубами светло-серого пара. Из жерл вулканов густыми потоками выбивался черно-серый дым. Он быстро поднимался вверх и разрастался в объемах. Ветер подхватывал дым и разносил его частицы в разные стороны.

Чжан Вей заметил далеко внизу какое-то движение. Ровная полоса двигалась через океан на высокой скорости. Он направил визор на полосу и распознал в ней огромное цунами, запущенное извержениями. В высоту волна достигала, по меньшей мере, двухсот метров и двигалась в западном направлении, как раз туда, где китайский дракон ранее повстречался со смерчами. В стороне от цунами он заметил еще кое-что странное. Во многих местах вода пузырилась и, казалось, что она вот-вот закипит. Похоже, что вулканическая активность в этом регионе еще и близко не достигла своего пика и те два извержения, что он застал, были только первыми из многих.

Еще одна небольшая взрывная волна достигла парящего дома, приглушенный звук взрыва добрался до него только через 20 секунд. Вулканы проснулись после многолетнего сна и теперь взрывались, как фейрверки, один за одним. Воды океана гасили значительную часть энергии от извержений и рассеивали ее. Там же, где слой воды был тоньше, разрушительную силу катаклизмов ничто не сдерживало. Они рвали землю на части и швырялись кусками суши во все стороны, огромные глыбы взмывали на высоту нескольких сотен метров и с огромной силой обрушивались вниз, выколачивая из морей и океанов признаки жизни.

Все те живые существа, кому не посчастливилось оказаться в верхних слоях морей, умирали мгновенно от мощных ударов сверху. Всем остальным повезло немногим больше. Температура в океанах всего за пару часов выросла на несколько градусов. Обычно такие процессы занимали миллионы лет, позволяя обитателям морей приспосабливаться к изменяющим условиям. Но такое резкое повышение температуры не оставляло им возможности для адаптации. Рыбы, ракообразные, морские змеи, медузы, млекопитающие покидали зоны привычного обитания без цели и плана. Они сбивались в огромные косяки и метались во всех направлениях, отбросив в стороны все прочие инстинкты, кроме выживания. Песни китов и крики дельфинов единой песней отчаянья распространялись на многие километры под водой, оповещая всех о надвигающейся угрозе, размеры которого они были не в состоянии осознать. Массовое вымирание морских видов было запущено. В закипающих водах под дождем из камней, многие умирали мгновенно и безболезненно под ревущие аплодисменты сталкивающихся стометровых волн. Остальным была уготована долгая и мучительная смерть при менее торжественных обстоятельствах.

На глаза Чжан Вею попала стая морских чаек. Они кружили в воздухе в полнейшей растерянности, не зная, куда им податься, пока огромная в несколько сот метров волна не проглотила их. Сам Чжан Вей мало чем отличался от тех чаек в тот момент. Его спасла

карта вулканической активности, сохраненная в памяти бортовой системы. Сверив координаты, он понял, что находился как раз над зоной стыковки литосферных плит.

Прорываясь через завесы из воды, песка и вулканического пепла, он отвел парящий дом подальше от эпицентра катастрофы, и остановился над казавшимся спокойным индийским океаном. Никакого спокойствия на самом деле не было, на Земле не осталось мест, которых не коснулась бы катастрофа. Временное затишье было лишь возможностью перевести дыхание. Ударные волны раскатывались по атмосфере планеты, самые мощные из них обегали ее несколько раз, прежде чем исчерпать свою энергию.

Извержения вулканов сопровождались массивным выбросом вулканического мусора в атмосферу. Сера соединялась с водой и выпадала обратно кислотным дождем. Множественные землетрясения выбивали из планеты дрожь. Гигантские волны зарождались по всему земному шару, те что крупнее поглощали более мелкие, а те что следовали в одном направлении объединялись и становились все больше, доходя до километровой высоты.

Пока извергались только мелкие вулканы, это было только начало. Чжан Вей посмотрел на карту, на которой были нанесены все действующие и спящие вулканы мира, и подумал о том, что она ужасно устарела за последние несколько часов. Он также обнаружил жирные красные отметки, указывающие на местоположение крупнейших вулканов или, как их еще называли, супервулканов. Говорили, что извержение одного такого вулкана может изменить климат на всей планете и привести к глобальным вымираниям. В тот момент, судя по всему, извергнуться собирались все и сразу. Предсказать последствия подобного события было невозможно. Ясно было лишь то, что ничего хорошего это не сулило для жизни на планете.

Очередная взрывная волна выпроводила китайского дракона в верхние слои мезосферы, настолько сильной она была. Звук запаздывал, и картинка опередила его. С высоты восьмидесяти километров планета была у него, как на ладони. В северном полушарии подобно старой не до конца затянувшейся ране открылась огромная кальдера диаметром в несколько сотен километров. Из нее наружу вырвался раскаленный поток лавы, он пробил все нижние слои атмосферы, прожег дыру в озоновом слое и только в верхних слоях стратосферы стал ослабевать. Фонтан из лавы разлетался во все стороны и выжигал все, что находилось у него на пути: земли, воды, кислород. Сердце Чжан Вей спазматически сжалось от подобного зрелища, он ожидал звука от взрыва и боялся, что один этот звук сотрет его в мелкую пыль. Звук добрался до него только через него минуту и напугал старика до мурашек по коже. Рокот, который стало слышно за несколько десятков километров, в одно мгновение стал громче в несколько тысяч раз и ударил в барабанные перепонки одним оглушительным ударом. Все внутренние органы перетрясло, Чжан Вей попробовал встать, но ватные ноги не слушались. Небольшая надежда остаться на Земле все еще теплившаяся в его сердце была раздавлена чудовищем, вырвавшимся на поверхность планеты. Он смотрел на фонтанирующую лаву и видел, как мощнейшая волна горячего сжатого воздуха окружала земной шар и выжигала все, что встречала на своем пути. Если жизнь была подобна вирусу, то планету дезинфицировало.

Измученный и будто бы постаревший в раз на несколько десятков лет, Чжан Вей отправился в кухню-гостиную. Он налил себе бокал воды и попросил дом закрыть все окна. Он не хотел больше смотреть на умирающую планету. Китайский дракон кружил по околоземной орбите, пролетая мимо осиротевших спутников.

Старику следовало пройти процедуру клеточной реновации, он и так уже слишком затянул с этим. Обычно он проходили ее каждый день, но теперь не забирался в аппарат уже

несколько дней. Однако у него не было никакого желания делать это. Впервые за долгое время он почувствовал желание не растягивать искусственно продолжительность своей жизни, а позволить природе взять свое и подарить ему вечный покой.

Из кармана брюк он вытащил два маленьких наушника. Он уставился на них и, не отводя взгляда, смотрел с полминуты. В этих двух маленьких штучках сохранилась целая и невредимая планета, населенная живыми людьми и животными. В его руках был весь мир, и это не было преувеличением. Но что насчет поломки? Будут ли они работать? Он не знал и боялся, чтобы это было не так.

Наушники плотно сели в его ушные раковины, он закрыл глаза и ждал стандартной процедуры опроса, но так и не дождался ее. Когда он открыл глаза в следующий раз, он сидел на потрепанном ковре в окружении невысоких наполовину разрушенных стен. Все вокруг было песочного цвета и как будто было сделано из песка. Прямо перед ним стоял небольшой заварочный чайник, а в трех маленьких чашках был налит горячий чай. Он повернул голову налево и увидел налитые любовью глаза Юн Мэй. По правую руку от него сидел Тэнси, приветливо похлопавший его по коленке.

— Дорогой, почему ты плачешь? — ласковым голосом обратилась к Чжан Вею Юн Мэй.

— Я подумал, что потеряю вас навсегда.

— Все хорошо, не плачь. Мы здесь, мы рядом, все в порядке.

Он вытер слезы моложавой рукой и обнялся с родными. Около получаса потребовалось для того, чтобы рассказать о случившемся. Юн Мэй и Тэнси смотрели на него сочувственно и не перебивали. На том моменте, когда он рассказывал про сломанный наушник, Тэнси вмешался.

— Пап, ну ты даешь. Ты правда верил, что эти два маленьких наушника способны смоделировать целую вселенную? Да в них никогда не хватило бы требуемой мощности.

Чжан Вей не понимающе смотрел на своего сына:

— А как тогда..?

— Все дело в твоём мозге. Наушники сканируют твой мозг, находят в нём условно свободные редко используемые зоны и отправляют туда простейший сигнал — картинку и звук. Твой спящий мозг распознает этот сигнал, как сон, и все, что ты видишь дальше является плодом работы твоего мозга.

— Значит, все это, — он охватил рукой пространство перед собой, — и все, что было раньше — это только плод моего воображения?

— И да, и нет. Понимаешь, наушники — это носитель данных. Они несут в себе петабайты информации и служат источником сигнала. В них записано множество самых разных сведений о Земле и людях её населявших. Твой мозг же является проигрывателем и обрабатывает полученный сигнал, создает на его основе новую реальность. Иными словами, ты не просто смотришь фильм, который транслируется тебе в мозг, а режиссируешь его сам. Наушники призваны дать тебе больше данных и заполнить пробелы в твоём личном опыте, расширить твоё мировоззрение и понимание мира. В связке с мозгом они делают это так, что ты и сам этого не замечаешь. Для тебя все то, что происходит здесь, выглядит, как обычная реальность, где от тебя мало чего зависит. На деле же ты главный творец и создатель этого мира, все в нём подчинено твоей воле, хоть ты этого и не осознаешь.

— Мне понадобится время, чтобы все это переварить. Давайте лучше пить чай, — он протянул руку к чашке и взялся за маленькую ручку. Чашка согрела руку его своим теплом.

— А почему мы в пустыне? Мы же были в море, ловили марлинов.

— О, а я знаю, почему это так! — весело пропела Юн Мэй, — ты тогда утонул в море, чтобы выйти из симуляции, Тэнси мне все рассказал. Твоему мозгу умирать не понравилось и, чтобы избежать повторения этих ощущений он отправил тебя туда, где утонуть попросту невозможно, прямо в пустыню.

— Я никогда к этому не привыкну, — рассмеялся Чжан Вей.

Они сидели вдвоем, пили чай и смотрели вдаль, никто не проронил больше и слова. Молчать рядом с любимыми людьми было так замечательно.

Чжан Вей потерял дом и обрел новый в один и тот же день.

Глава 16. Подношение полной Луне

Величием Мананы туземцы называли полнолуние, как несложно было догадаться. Через три дня Мишу собирались принести в жертву, следуя за очередным безумным обычаем, как это не раз случалось уже в истории. Вообще во всей ситуации была заложена какая-то забавная ирония. Когда-то люди тоже жили в пещерах, даже был такой термин «Пещерный человек», но потом они из пещер выбрались, создали примитивные орудия труда, приручили огонь, начали заниматься разведением домашнего скота и земледелием, произошла настоящая аграрная революция, потом были многолетние периоды войн и пандемии, которые могли посоперничать с войнами в смертоносности, крестовые походы, инквизиция, охота на ведьм, отмена крепостного права и рабства, промышленная революция, технологический расцвет цивилизации. И куда это все привело? Обратно в пещеру!

Были и свои плюсы в том, чтобы оказаться жертвой для подношения. Мишу теперь кормили не 1 раз в день, а целых три, при этом ему подавали наиболее жирные и мясистые рыбины. Полученную энергию он использовал для восстановления ресурсов своего тела. Но даже этого было недостаточно. Он включил обратно боль, мозг получил болевые сигналы из разных частей тела, быстро все это проанализировал и пришел к неутешительному выводу — Миша был серьезно травмирован, его внутренние органы, ткани и кости заживали слишком медленно. Он мог лишь надеяться, что у него хватит сил на одну попытку побега и продумывал свои действия.

Скорее всего, его должны были отвести на пляж к месту, где упокоился с миром Лахесис. Таким образом, он будет близко к воде. В нужный момент он освободится. Сил разорвать веревку ему должно будет хватить. При необходимости он вырубит стражников сильными точечными ударами по уязвимым местам. Если потом у него получится добраться до воды, он сможет мобилизовать все силы и заплывать как можно дальше, а при необходимости он задержит дыхание и нырнет, как можно глубже, где его не сможет достать ни один туземец. Он будет плыть, плыть и плыть, пока не окажется так далеко от пляжа, что его будет невозможно догнать. Что же он будет делать потом? На этот вопрос у него еще не было ответа.

Иаго принес ему на завтрак одну толстую рыбину. Он больше не пытался притворяться и строить из себя Мишиного друга. Мише такой подход был больше по душе. Уж, лучше настоящий враг, чем лицемерный друг. Иаго приходил к нему, разумеется, не просто так. Он все еще пытался выяснить у Миши какую-то информацию о происхождении его кожи.

— Величие Мананы приближается. Если ты не расскажешь ничего, тебя просто убьют. Будь умнее этого и расскажи мне свой секрет. Тебе что жалко?

— А как именно меня будут убивать?

— Зачем тебе это знать?

— Просто любопытно.

— Если я тебя расскажу об этом, ты расскажешь мне секрет? — Иаго с надеждой заглянул Мише в глаза.

— Возможно.

— Насчет этого не переживай. Тебя убьют как рыбу, которой ты когда-то был. Привяжут к камню и забросают копьями.

— Разве рыбу привязывают к камню, прежде чем бросить в нее копье? — Миша играл с

ним.

— Эээ нет, — Иаго удручено мотал головой, — Но... но и ты ведь тоже больше не рыба, — нашелся он и принял позу победителя, — Теперь ты расскажешь мне свой секрет?

— Не думаю.

— Но ведь ты сказал, что расскажешь!

— Я такого не говорил. Я сказал «Возможно», что означает и «да» и «нет» в различных обстоятельствах.

— Нет, ты просто меня обманул, — обвинительным тоном заговорил туземец.

Миша со многим мог смириться и на многое закрыть глаза, но только не на обвинение во лжи.

— Никто тебя не обманывал. Ладно, я расскажу тебе секрет.

Иаго присел на корточки и подобрался к нему поближе, приоткрыл рот и приготовился внимательно слушать, чтобы не пропустить ни слова.

— Все дело в повышенном меланине и улучшенной клеточной структуре, которая противостоит губительной солнечной радиации.

Иаго не понял ни единого слова, радостный блеск в его глазах сменился на гнев.

— Думаешь, что это смешно? Я ничего не понял из того что ты сказал.

— Ты просил поведать тебе секрет. Я его поведал. Уговора о том, что я буду объяснять его значение не было.

— Тэвзис нагшвели! — громко выругался Иаго. Так на их языке они называли рыбью желчь.

Он встал, сделал несколько шагов по кругу и вновь обратился к Мише:

— Можешь объяснить значение слов, которые ты сказал.

— Могу. Но это вам ничего не даст, потому что ты снова ничего не поймешь.

— А ты попробуй.

Миша, недолго подумав, начал с вступления в молекулярную биологию. Иаго хватило на две минуты:

— Ты просто смеешься надо мной! Теперь я понимаю, почему вас изгнал Гонедзи. Вы самовлюбленные, напыщенные нагшвели. Я предложил тебе жизнь вместо смерти, но ты сам отказался от нее! Манана все видит и все поймет, когда мы принесем тебя ей в жертву.

Иаго круто развернулся на сто восемьдесят градусов и, поднимая в воздух песчаную пыль, зашагал прочь. Он приносил Мише рыбу, как и положено, 3 раза в день, но больше не пытался заговорить. Так и наступил последний день перед полнолунием. И когда солнечный свет стал тускнеть, в пещерах начались приготовления к праздничному вечеру. Да, для туземцев это было самый что ни на есть праздник — принести в жертву своего далекого родственника, чтобы получить его кожу и больше не бояться солнца. Они верили в то, что это обязательно случится, и потому были особенно радостны в тот вечер.

Публика стягивалась в центральную часть пещер, где связанный по рукам и ногам уже месяц сидел Миша. Впереди всего племени шел вождь со своей свитой, после него мужчины, потом женщины и дети. Они обступили Мишу со всех сторон, и вождь вышел вперед, чтобы произнести торжественную речь. Миша прекрасно понимал все, что он говорил. Как ни крути общение с Иаго принесло свои плоды.

— Много, очень и очень много величий Мананы назад Гонедзи изгнал нас из глубокой воды, потому что наши женщины не знали приличий и были плохо воспитаны, — он сплюнул себе под ноги, женщины в заднем ряду траурно запричитали, — Одна только

Манана не отворачивалась от нас никогда. Всем, что у нас есть, мы обязаны ей. Сегодня мы получили возможность доказать ей свою преданность, показать свою исключительность. Разве мы не лучше этого синекожего? Разве мы менее достойны права обладать кожей, что не боится гнева Гонедзи? Разве наши деды и прадеды не достаточно страдали и мучились? Разве наши дети хотят продолжать обмазываться грязью, чтобы не испытывать боль?

Нужно отдать должное вождю племени, он умел завести народ. Податливая публика топала ногами и хлопала в ладоши, на все вопросы своего вождя они хором скандировали «Нет! Нет! Нет!».

— Правильно! Нет и еще раз нет! Мы не можем допустить, чтобы все это продолжалось. Поэтому сегодня мы принесем изгнанника в жертву. Мы проявим солидарность с волей Гонедзи и попросим Манану донести ему наше раскаянье. Сегодня мы родимся заново!

Толпа поддержала вождя радостными воплями.

Мишу освободили и поставили на ноги. Он еле стоял на ногах, все его тело покачивалось из стороны в сторону и дрожало, как лист на ветру. Он слишком много времени провел в сидячем положении, его мышцы утратили свою эластичность. Он едва мог переставлять ноги и вынужден был опираться на стражей. Они взяли его под локти и потащили на улицу. Впервые за долгое время он смог посмотреть на огромное ночное небо и вдохнуть полной грудью. Ночь была прекрасной, несмотря на то, чем она должна была закончиться для Миши. Он был рад снова увидеть газовых гигантов, поблескивающих мелкими стразами на холсте ночного неба.

Как он и думал, они двигались в сторону пляжа, еще издали он услышал шипучий шум прибоя. На берегу, как выброшенный на сушу кит, лежал плоский Лахесис. Туземцам даже и не снилось, в каких далеких местах он побывал и через какие приключения прошел. Их ограниченное воображение сопоставило металлический диск по форме и цвету с Луной и посчитало, что это подарок их богини. По их железной логике Манана подарила им изгнанное существо, чтобы они принесли ей его обратно в подарок, но уже в мертвом виде. Что-то здесь явно не сходилось, но Миша даже не пытался их переубедить. У него не было для этого ни сил, ни времени, ни желания. Последней возможностью выпутаться из этой передраги для него был побег, и он берег свои силы для него. В нужный момент он направит всю запасенную энергию в мышцы и, если повезет, ему получится покинуть уйти с праздника живым.

Его подвели прямо к космическому кораблю, племя остановилось на месте. Вместе с вождем все люди повернулись лицом к Луне и сделали низкий поклон. Два крепких мужчины вынесли бетонный столб и вогнали его в илистую землю. Миша уже знал, что будет дальше. Его привязали к этому столбу, он оказался окружен глазевшей во все глаза толпы. При таком раскладе у него не будет и шанс сбежать. Вождь вышел в центр и повернулся к нему спиной.

«Очередная воодушевляющая речь?» — подумал про себя Миша.

Вождь расстегнул серебристый костюм, служивший ему одеждой последние несколько недель, и сбросил его на землю. Перед Мишей стоял полностью обнаженный, перепачканный засохшей грязью человек.

«Интересно, что бы это значило»

Все племя увидела вождя в чем мать родила, но это не вызвало у них никакого удивления.

«Наверное, это часть ритуала»

— Раздевайтесь! — вождь обратился с приказом к племени, — Прежде чем получить новую кожу, нам нужно освободить старую от всего лишнего, — Раздевайтесь и идите в глубокую воду, чтобы смыть грязь и подготовить свои тела к перерождению.

Мужчины, женщины и дети стали раздеваться и сбрасывать с себя космические костюмы и куда более универсальные рыбы шкуры. Когда все было готово, вождь первый побежал в океан и скрылся в волнах. Вскоре его голова показалась над водой:

— Вперед! — кричал он громким протяжным голосом, приглашая остальных присоединиться к нему.

Все племя побежало в воду, шлепая босыми ногами по рыхлой влажной почве.

Миша был не против такого развития событий. Он ускорил собственный метаболизм и направил все силы в мышцы предплечий. Вращательными движениями он пытался ослабить веревки. В волнах беззаботно плескались пещерные люди, никто даже и не смотрел в его сторону. Видимо, они доверили Манане приглядывать за ним. Пока она наблюдала, с ним ничего не могло случиться. Вскоре веревки начали сдаваться и ослабевать, ему удалось выволить сначала одну кисть, а потом и другую, очередь была за ногами. Он аккуратно присел на корточки, не сводя глаз с воды, и окрепшими руками растягивал веревки, сжимавшие его стопы. Когда все было окончено, он нагнулся к земле, зачерпнул обеими руками грязи и выплеснул ее себе в лицо. Нос инстинктивно сжался и спрятался в череп, глаза захлопнули тяжелые веки, тягучий ил вцепился в лицо и не хотел с ним расставаться. Миша размазал его по голове, шее, груди и плечам и, что-то прикинув в уме, добавил хорошую порцию ила на голову, а затем спокойным уверенным шагом направился к купавшимся туземцам.

— Эй ты, — окрикнул его кто-то из воды, — Что ты там делаешь?

Миша застыл на месте, еще не поздно было убежать по земле.

— Идем к нам купаться, вода сегодня просто великолепная!

Миша медленно вошел в воду и поплыл брасом. Купавшиеся весело плескались в воде и не обращали на него никакого внимания. Он все плыл и плыл, пока не оторвался от толпы. Внезапно его остановил голос вождя, донесшийся откуда-то с близкого расстояния. Миша обернулся и увидел его голову в двух метрах от себя.

— У тебя все лицо и голова грязные, давай мойся тщательнее, мы должны быть полностью чистыми, прежде чем окажемся на суше.

— Хорошо, — добродушно ответил Миша, — слава Манане! - он нырнул под воду и больше не показывался.

— Постой, мы никогда так не говорим... — вождь нырнул вслед за ним, но не смог его отыскать в темной морской воде. Его узкие отсталые в биологическом смысле глаза были не способны на это.

Миша без проблем ориентировался в воде даже ночью. Его большие глаза способные улавливать малейшие лучи света и отражать их обратно, прекрасно видели в условиях недостаточно освещения. Эти глаза люди получили от семейства кошачьих, последние представители которых умерли много сотен лет. Из-за войны человек потерял всех четвероногих друзей, прирученных в ходе тысячелетней истории. Некоторых эта потеря расстраивала куда сильнее, чем исчезновение двенадцатимиллиардного населения людей.

Механизм вторых век также достался людям от кошек с небольшими доработками. Веки были полностью прозрачными и работали по принципу линз, делая изображение более четким даже под водой. Но прежде всего они защищали уязвимые глазные яблоки от

воздействия воды и воздуха.

Находясь на глубине пятнадцати метров, укрывшись в темноте, Миша наблюдал за развязавшейся наверху паникой. Туземцы барахтались в воде, плыли в разные стороны, ныряли под воду и пытались что-то высмотреть на глубине, но у них ничего не получалось. Спустя десять минут беспорядочных попыток отыскать Мишу под водой, они начали выбираться на берег. И когда последний пещерный человек покинул воду, Миша вынырнул, чтобы сделать вдох и разведать обстановку.

Мокрые, голые и волосатые люди бегали по суше, осматриваясь по сторонам. Одеваться они не торопились, зато похватили в руки копья, в них они нуждались куда сильнее. Вождь что-то громко кричал и ругался на всех, кто попадался ему под горячую руку. Как и многие руководители, он скорее готов был обвинить в неудаче всех вокруг, кроме себя самого. Племя распределилось по пустынному пляжу, они прочесывали холмистое побережье, но безрезультатно. Их добыча наблюдала за ними с безопасного расстояния.

Тем временем, силы медленно покидали Мишу. Он все еще не восстановился до конца и не мог позволить себе марафонские заплывы. Нужно было добраться до суши поскорее. Выйти на берег он не мог, пока там находились туземцы. Он огляделся по сторонам и обнаружил небольшой островок в трехстах метрах к северу, туда он и поплыл, краем уха продолжая слышать сокрушавшегося вождя. Он что-то кричал про проклятье Гонедзи и извинялся перед Мананой.

Анализируя ситуацию, Миша считал, что все это лишь часть умело разыгранной трагедии. Расстраиваются ли туземцы на самом деле, что у них ничего не получилось? Очень маловероятно. У вождя, его свиты и мужского населения племени была прекрасная жизнь. Они получили в свои руки власть, женщин с детства пристыжали, рассказывая им истории о том, как они снискали гнев Гонедзи и подвергли всех изгнанию. Из-за чего права женщин ни во что не ставились, их мнение не учитывалось, они исполняли все мужские прихоти и капризы, выполняли большую часть всей тяжелой работы. Мужчины же большую часть времени только рыбачили, что приносило им удовольствие, и хвастались друг перед другом своим уловом. Вся самая противная работа по потрошению рыбы и очистке их шкур для изготовления одежды доставалась женщинам. Они также занимались воспитанием детей и поддерживали пещеры в чистоте. Мужчинам только и оставалось, что создавать видимость деятельности и строить из себя спасителей племени. Но а если ничего не получалось, то они могли обвинить во всем происки высших сил и благополучно бездельничать дальше. Так что ни Мишино появление, ни его исчезновение ничего не меняли в их жизни.

Миша выбрался на сушу и запрокинулся на спину, его серая лысая голова отражала лунный свет. Он уставился в лунное ночное небо и обнаружил нечто странное. Луна покинула свой пост и словно падала на Землю, увеличиваясь в размерах. Таким было первое ассоциативное впечатление. Однако стоило отклониться в сторону и становилось ясно, что Луна никуда не делась, а с неба на Мишу опускался, поблескивая серебристым металлом неопознанный летательный аппарат. Миша поднялся на ноги, в нем не было ни страха, ни волнения, а одна только радость. Он прекрасно знал, что все существующие на планете летательные аппараты являются компонентами Ц.И. и подчиняются непосредственно ему. Значит, Ц.И. нашел его и поможет добраться до дома.

Сферический дрон опустился ниже и остановился на расстоянии вытянутой руки. Он был идеально круглым без единого отверстия в гладком блестящем туловище, и только по его движениям можно было понять, что он обращался к Мише своей лицевой стороной, где

находились все приборы наблюдения, укрытые под металлической броней. Внутри дрона щелкали какие-то механизмы, он как будто перетасовывал доступные ему инструменты и выбирал наиболее подходящий моменту. Наконец, после всех манипуляций в нижней части дрона открылось небольшое отверстие и оттуда донесся спокойный мужской голос:

— Я — исследовательский дрон. Мое предназначение — поиск полезных ресурсов под водой и на земле. А ты?

— А я Миша, свое предназначение я еще не отыскал.

— Сочувствую, — донесся нарочито жалобный голос из-под днища дрона. Он плохо отыгрывал человеческие эмоции.

— Спасибо, — вежливо ответил Миша, — так ты прилетел сюда, чтобы спасти меня?

— Да, я следил за тобой последние 30 дней, 12 часов и 10 минут по поручению Ц.И.

Мишу было не так просто чем-то удивить, но тогда он по-настоящему удивился.

— Если ты все это время знал, где я нахожусь, то почему не предпринял ничего, чтобы мне помочь?

— Ц.И. сказал не вмешиваться в дела людей из пещер. У них такой уговор.

— Уговор между цифровым интеллектом и людьми, которые живут первобытным строем в пещерах на расстоянии в 2000 километров от нашего дома? — переспросил Миша, чтобы исключить неточности понимания.

— Да, именно так. Впрочем, меня не уполномочили рассказывать тебе какие-либо подробности. Я прибыл сюда, чтобы доставить тебя в академию. Давай этим и ограничимся.

— Ничего не имею против. Так, как ты говоришь, будешь меня отсюда транспортировать?

— Я ничего не говорил об этом, — ответил дрон самым серьезным тоном.

— Не думай об этом. Просто ответь на мой вопрос.

Дрон ответил цитатой из своей рекламной презентации:

— Исследовательский дрон модели SS990 при помощи сверхпрочных сетей из композитного волокна способен переносить до 200 килограммов на расстояние до трех тысяч километров на одном заряде ядерной батареи, — выговорил он и начал вновь перебирать свои внутренности.

Миша хотел было спросить, как он собирается перевозить его в сетях, однако дрон был спроектирован таким образом, что говорить и выполнять другое дело одновременно он не мог. Возможно, это было к лучшему.

Откуда-то из недр своего округлого тела дрон выбросил плетеные сети, Миша забрался в них, устроился поудобнее, насколько это было возможно, и оповестил SS990 о готовности лететь. Дрон в несколько мгновений развил ускорение в пару махов и направился к горизонту. Миша болтался в сетях точно хороший улов, его влажную кожу быстро высушил холодный морской ветер, а перегрузка от ускорения отдавала тянущей болью в поврежденные органы, однако все это было неважно в сравнении с возможностью вернуться обратно домой. Он посмотрел на металлическую сферу, уверенно рассекавшую воздух, и отключился.

Глава 17. Нейрокниги

Нейрокниги появились еще в конце двадцать первого века, как ответ на быстро падающее желание людей читать традиционные бумажные и электронные издания. Они стремительно теряли свою популярность последние два века, и такой исход был вполне предсказуем. Чтение требовало напряжения мыслительных механизмов и хорошо развитого воображения. Парадокс заключался в том, что и мыслительные механизмы, и воображение развивались при помощи чтения. Чем меньше люди читали, тем менее приспособленными для этого они становились. Не помогали и книги развлекательных жанров, люди попросту переставали читать и все больше времени тратили на другие развлечения. В конечном счете, чтение стало архаистическим пережитком прошлого. Его место благополучно заняли иммерсивные игры, нейровселенные, персонизации разного рода, виртуальные путешествия и наблюдения за сенсаторами. Все виды развлечений и удовольствий, которые напрямую воздействовали на систему вознаграждений человека и дарили ему сиюминутное наслаждение. Тогда и появились первые нейрокниги. В своей сути это были небольшие персональные компьютеры планшетного типа. Каждый имел мощное вычислительное ядро, обеспечивающее быструю работу нейронной сети, которая была обучена перерабатывать текст в зрительные и звуковые образы. Иными словами, она превращала печатный текст на страницах книги в видео. Таким образом, нейрокнига выполняла работу, которую ранее выполнял человеческий мозг, и справлялась с этим на порядок лучше. В одну секунду она проглатывала текст и составляла детальный и цельный образ героев, который не отличался от самого начала и до конца. Не было такого, как это часто случалось при традиционном чтении, что описание внешности появлялось лишь к середине книги, но читатель к тому моменту уже успевал придумать образ героя самостоятельно. Нейросеть такие несостыковки исключала. Составленный ей образ героя включал в себя все подробности их внешности, черт характера, манеры, привычки и незначительные особенности в поведении, упомянутые на протяжении всей книги. Персонажи получались точно живые, на экране книги они вели себя предельно натурально, их действия были логичными и осмысленными. Каждого она наделяла своим собственным голосом и озвучивала все диалоги. Сюжетные события выстраивались в лаконичную последовательность. Человеку только и оставалось, что смотреть на происходящее, как на кино. И только закадровый голос, озвучивавший каждое действие на экране, напоминал о том, что это была книга.

Не сказать, чтобы это кардинально исправило ситуацию на рынке, в рейтинге всех видов развлечений нейрокниги так и занимали последние места. Но это спасло литературу от полного исчезновения. Нашлись любители нейрокниг, нашлись и писатели, которые научились писать таким образом, чтобы нейросеть могла получить наиболее точное представление о происходящем. Нашлись критики, агенты и издательства. Нейрокнижная индустрия обросла элементами, перекочевавшими от литературного бизнеса. И постепенно нейрокниги прогрессировали и улучшались, нейронные сети обучались и совершенствовались, сюжеты становились сложнее, а их интерпретация детальнее. Сами же нейрокниги в своей форме, как ни странно, начали все больше походить на своих прародителей. Благодаря технологии ультратонких гибких матриц были созданы тончайшие экраны, идеально копирующие обычные бумажные листы. Это позволило сократить вырубку деревьев и снизить бумажное производство. Поредевшие леса получили небольшую

передышку и время для восстановления.

У Шэнли в руках была наиболее современная нейрокнига из когда-либо созданных человеком. Ее страницы, произведенные из материала на основе нановолокна, могли не только копировать бумагу внешне, но и воссоздавать ее фактуру, передавая на кончики пальцев тактильные ощущения шершавой поверхности бумаги. Обложка на ощупь казалась точно картонной и была тверже, чем все остальные страницы. На ней красовалось выполненное тесненными буками название:

□□□□□ □□□□ □□□

Шэнли аккуратно провел пальцами по впалым буквам, от прикосновения страница легко завибрировала, сверху, как по волшебству, появились новые слова:

الصوت

فيديو

النص

Книга предлагала ему несколько вариантов на выбор. Шэнли наугад нажал на первую надпись и приятный мужской голос диктора начал читать для него вслух. Его голос оказался достаточно громким, чтобы привлечь внимание всех жильцов комнаты. Шэнли виновато извинился и спрятал книгу под подушку. Голос продолжал зачитывать текст в слух, через подушку просачивалось нечленораздельное бубнение. Шэнли не знал, как его остановить или сделать потише. Он тыкал во все слова, которые горели на обложке. Наконец, голос стал тише, и книга перешла в режим воспроизведения видео. На экране показался рынок старинного арабского города с множеством небольших лавочек и торговцев. В центре кадра находился красивый темноволосый молодой человек лет 20. Он был одет в традиционную арабскую одежду. Его образ чем-то напоминал Аладдина из старого диснеевского мультика, но это был не он. Кадры сменялись один за другим. Молодой человек с рынка переместился на большой торговый корабль и карабкался вверх по мачте, чтобы получить доступ к лучшему виду на всем корабле. Его чуть волнистые темные волосы развивались в незримых потоках морского бриза, а глаза излучали предвкушение от предстоящего приключения.

— Синдбад, — кто-то окрикнул его с палубы и что-то сказал ему. Шэнли смог разобрать его имя, но не само обращение.

Синдбад зоркими, как у сокола, глазами всматривался вдаль, где в верхних слоях воды спрятался скромных размеров остров.

Ракурс сменился на дальний план, корабль показали с высоты птичьего полета, ветер надувал его широкие паруса и он на полном ходу приближался к острову.

Мужской голос без остановки комментировал происходящее на арабском языке. Вот корабль бросил якорь недалеко от острова, и Синдбад вместе с другими путешественниками сошли на остров. Там росли невиданной красоты чудесные цветы, а на ветвях деревьев пели райские птицы. Путешественники, завороженные красотой, заходили в дальние уголки острова, позабыв об элементарной осторожности. Внезапно земля под их ногами пришла в движение, и остров стал опускаться под воду. Люди быстро покидали остров и те, кому повезло быть ближе к кораблю, успели спастись, остальные ушли под воду вместе с островом, который на поверку оказался огромной рыбой. Синдбад, будучи хорошим пловцом, смог спастись.

Шэнли нажал пальцем на экран-страницу и на нем поверх изображения появились слова. Некоторые из них он уже видел раньше. Он выбрал слово «النص» и книга переключилась в текстовый режим. Видеофильм остановился, дикторский голос умолк,

Шэнли остался один на один с арабскими буквами на тонких страницах. Итак, он узнал несколько слов, означавшие текст, аудио и видео в тот вечер. На этом его обучение остановилось, ему нужно было ложиться спать, чтобы проснуться на следующее утро и возвратиться к своим непосредственным обязанностям. Но мысль о том, что начало было положено, его очень радовала.

На следующий день он только и думал, что о книге, и о продолжении истории о Синдбаде. Он вновь ощутил себя ребенком, желавшим поскорее узнать продолжение сказки. К сожалению ни в тот в день, ни еще 7 дней после он не смог даже и прикоснуться к книге. Шейх Аль Тани словно с цепи сорвался, он заставлял всех своих слуг переделывать одну и ту же рутинную работу по несколько раз. Только что вымытые сверкавшие, словно бриллианты, полы ему казались недостаточно чистыми, вычесанные лошади недостаточно опрятными, только что приготовленная еда недостаточно свежей. Шэнли с ребятами вкалывали по 17–18 часов в сутки и когда они добирались до кроватей вечером и касались лицами подушек, то моментально отключались. Таким образом, процесс обучения продвигался не так быстро, как хотелось бы.

В таком же беспощадном темпе прошло еще несколько недель. Шэнли быстро понял, что если он будет ждать подходящего момента для обучения, то такого момента может и не наступить, поведение Шейха становилось все более непредсказуемым. Поэтому каждый вечер, когда все ложились в кровать и крепко засыпали, а по спальне разносился раскатистый храп, он брал в руки книгу и старался выучить хоть несколько новых слов. Он открывал книгу на первой странице и нажимал на отдельные слова, книга выводила изображение на экран, а голос озвучивал их. Две недели ушло на то, чтобы присвоить каждой букве свое произношение и составить арабский алфавит. Когда с этим было покончено, Шэнли смог самостоятельно читать незнакомые слова. Он повторял их за диктором, улучшая свои навыки говорения, и просил книгу показать зрительный образ нужного слова. Функция сама по себе была, конечно, великолепной, но часто приводила к недопониманию. Нейросеть не была заточена под демонстрацию отдельных слов, и ей не доставало воображения, чтобы одним изображением объяснить, что такое ветер или соленый вкус морской воды. Она не отделяла части от целого, и когда на экране появлялся морской фрегат, трудно было понять, какое слово он изображал — корабль, парус, мачту, судно, мореходство или что-то другое. Только сопоставляя схожие по значению слова в разных контекстах Шэнли мог отличить воду от моря, а деревья от древесины.

Шэнли продвигался маленькими шагами в изучении арабского, и каждый такой шаг отнимал целые недели. Впрочем, время для него перестало существовать с тех пор, как он утратил свою свободу. Его не беспокоило, сколько именно он провел в таком положении. Сколько он еще проведет — вот, что было действительно важно. Поэтому каждый раз, когда вечером после долгого дня его клонило в сон, он перебарывал себя и брался за книгу, и каждый раз, когда ребята предлагали ему расслабиться и присоединиться к их разговорам, он отвечал отказом. Все свободные силы он бросил на обучение. Три минуты, пять или десять, он тратил каждую толику свободного времени, чтобы вывести еще одно правило, узнать еще несколько слов, запомнить еще одно устойчивое словосочетание, просклонять еще один глагол. Прошел год, и результаты самоотверженной работы проявили себя. Он смог прочитать сказку о Синдбаде целиком, не воспользовавшись не единой подсказкой нейрокниги. Это был настоящий успех.

Но было ли этого достаточно? Синдбад был одной из многих детских сказок в книге

«Тысяча и одна ночь». Эти сказки обычно читали детям их родители перед сном. Они не отличались ни сложностью построения предложений, ни сложностью используемой лексики. Таким образом, он освоил язык лишь на уровне пятилетнего ребенка и, несмотря на все достижения, его знаний могло не хватить для осуществления его плана. Плана, которого, можно сказать, что и не было.

Он знал, как и все, кто прошел своеобразный обряд посвящения, что у шейха был специальный планшет, напрямую связанный с мозговыми жуками. В этом планшете хранились все подписанные договора. Можно ли их было расторгнуть или изменить? Этого никто не знал наверняка. Более того, Шэнли, повидавший в жизни многое, прекрасно знал о витиеватых формулировках, которые использовали юристы компаний при составлении договоров. Знать язык на уровне носителя было лишь половиной дела. Чтобы разобраться во всех тонкостях, необходимо было разбираться в нюансах юриспруденции. И знания в этой области у Шэнли были совершенно поверхностные. Таким образом, даже если бы ему в руки попал этот планшет и ему довелось прочитать текст договора, он рисковал не понять и пятой доли того что там было написано. При этом сам планшет хранился у шейха под надежной защитой. Во всяком случае, никто и никогда не видел ничего, что могло бы свидетельствовать об обратном. Никто вообще не видел этот злосчастный планшет после заключения последнего договора с Шэнли. Может быть, его и не существовало уже вовсе.

Итак, они с шейхом оказывались в ассиметричном положении, при котором Аль Тани владел всей информацией о планшете и мозговых жуках, а они не знали о них ничего, кроме факта их существования. Весь тактический перевес в данном случае был на стороне шейха. И чтобы исправить эту несправедливое неравенство нужно было выйти за рамки дозволенного и поставить на кон свое безболезненное существование, а, может быть, и саму жизнь. Шэнли был не готов просить кого-то из своих товарищей пойти на такой шаг, и поэтому все решил взять на себя.

В первую очередь нужно было выяснить, где находился планшет, потому что без него все остальное утрачивало всякий смысл. Шэнли ломал себе голову над этой задачей дни напролет. Он спрашивал себя, куда на месте шейха он бы его положил и где стал бы хранить источник своей силы и власти? Наверное, в самом защищенном месте из всех возможных. И где такое место находилось? Во всей Мекке было лишь одно место, куда слугам было не дозволено входить ни при каких обстоятельствах — личный кабинет шейха, небольшое помещение, которое примыкало прямо к спальне. Этого помещения не было даже на планах. Шэнли о нем рассказал Женья. Он случайно забрел туда на этапах строительства и знал, что оно есть, но не знал, как туда попасть. У него не было ни очевидного входа, ни дверей, не даже вентиляционной шахты, которые туда вели бы. Чтобы выяснить местоположение потайной комнаты, нужно было перерыть всю спальню. И совсем скоро такая возможность представилась. Шейх праздновал свой день рождения.

8 апреля 2226 года шейх отмечал свой 196ый день рождения. По этому случаю, он приказал достать из запасов 50 бутылок редкого коллекционного вина, подготовить все свежие овощи и фрукты, которые выращивались в парниках, а также приготовить на горячее 50 тушек фазана, фаршированных рисом и ананасами. Почему 50, если приглашенных гостей было только 32? Все потому что шейх любил, чтобы всего было с излишком, его пугала малейшая возможность того, что кому-то может чего-то не хватить. Тогда кому-то непременно закрадется мысль о том, что шейх мелочный и несостоятельный человек. А этого он боялся больше собственной смерти. Поэтому каждый день рождения он отмечал с

размахом.

Праздничный день начался в 4 часа утра. Женя разбудил всех и всунул каждому в руку какую-то белую повязку. Шэнли, который заснул позже обычного, потому что думал о поиске скрытой комнаты в спальне шейха, с трудом открыл склеившиеся веки. Он заставил себя подняться и сесть, его мозг все еще наполовину спал. И только холодный воздух в спальне бодрил и заставлял сердце стучать сильнее, разгоняя кровь по венам. Это было очередное серое утро, когда он думал о том, что лучше бы и не появлялся на свет, с той лишь разницей, что он не выспался еще хуже обычного.

Шэнли вытянул руку вперед и остановил ходившего между кроватей Женю.

— Что это такое? — он указал на белую повязку, лежавшую рядом на кровати.

— Ну, ты даешь, отец, ты что, галстук не признал?

Шэнли вытянул перед собой новоявленный галстук во всю длину и внимательно его осмотрел. Да, сомнений быть не могло, это был галстук.

— И что с ним делать?

— Ты, я посмотрю, еще не до конца проснулся. Давай я сделаю тебе кофе. Потом поговорим.

— Хорошо, — Шэнли кое-как поднялся и механически сложил одеяло пополам и поставил сверху подушку. Он натянул черный костюм, повязал узлом на шею галстук и отправился в очередь на туалет.

Женя встретил его возле кровати с чашкой скверно пахнущего синтетического кофе. Эту мутную черную жижу, напоминавшую нефть, можно было пить только плотно зажав ноздри и закрыв глаза. Шэнли старался выпить ее в два глотка, чтобы не чувствовать противный запах. От кофе у этого напитка было одно название. Делали его из переработанной кофейной гущи с добавлением химических усилителей вкуса. Усиливали они только желание поскорее засунуть два пальца в рот и выплеснуть все содержимое в очко в дальнем углу комнаты. Что примечательно, Шэнли не сомневался в том, что Шейх мог себе позволить сделать запасы хорошего натурального кофе на пятьдесят человек на несколько десятилетий вперед. И он их сделал. Но натуральный кофе в бункере пил только шейх. Даже своим женщинам он приказал на завтрак подавать синтетическую версию. Она была чуть лучше той, что досталась слугам, но все же не отличалась изысканностью своего вкуса. То же самое касалось и еды. Женщины получали в пищу синтетические аналоги овощей, фруктов, мяса и других продуктов. Познать вкус настоящей еды они могли лишь в двух случаях: когда они проводили время с шейхом один раз в месяц, и когда он устраивал праздники. Слугам было недоступно и это. О вкусе настоящей еды они могли только мечтать.

Почему Аль Тани поступил таким образом? Дело было в жадности и нежелании делиться изысками с теми, кого он считал ниже себя по статусу? Нет, дело здесь было в чем-то другом. Вероятно, через подобные лишения он утверждал свое превосходство. Ведь как иначе он мог бы сделать это, находясь в подземном городе с ограниченными ресурсами? Там еда была ключевой ценностью, и только избранный мог питаться, ни в чем себя не ограничивая. Все остальные должны были пускать слюни и урчать животами при виде сочного куска мяса в окружении свежих овощей на тарелке у шейха.

И вот что еще. Шэнли думал об этом, наверное, уже с десятков раз. Ведь Аль Тани мог бы просто ограничить человеческий аппетит и при помощи мозговых манипуляторов сделать так, чтобы натуральная еда не вызывала никаких эмоций и желаний. Ведь мог же.

Но не сделал. Он целенаправленно хотел, чтобы люди жаждали чего-то и не могли этого получить, раз за разом вбивая себе в голову то, что они и не люди больше, а только слуги, пупочная грязь, что в своих правах и полномочиях схожа разве что с домашним скотом. Да даже те ездовые скакуны, которых держали в Мекке кормили деликатесами по сравнению с тем, что получали на завтрак и ужин люди в черных комбинезонах. Шэнли чувствовал, как от этих мыслей у него начинает щемить сердце. Он окончательно проснулся и утвердился в своем намерении заполучить доступ к планшету и попытаться что-то изменить в своей судьбе.

Он не обманывал себя и не считал, что собирается сделать это ради других, принести себя в жертву и пойти на подвиг. Нет, делал он это в первую очередь только ради себя и своего будущего, за которое нес ответственность. И если повезет, то и другие станут жить лучше. Если повезет.

Женя что-то сказал и вывел его из размышлений о добре и зле:

— Ну вот, а ты говорил, что не знаешь, что делать с галстуком, — он указывал на галстук, повязанный вокруг шеи.

— Да, я это так, Жень, просто не проснулся до конца тогда. Мы сегодня на кухне дежури́м?

— Да, я, ты, Саня, Регина и Майлз. До обеда мы должны успеть приготовить закусок и угощений на 50 персон. И как это сделать, честно говоря, я даже не догадываюсь.

— Что-нибудь придумаем, как и всегда.

Он опрокинул кружку с черной жидкостью себе в рот и положил в рот кусок прессованных овсяных хлопьев. Такие брикеты из хлопьев они часто ели на завтрак. Из всех доступных вариантов это был один из лучших. Если абстрагироваться, можно было даже получить намек на удовольствие.

Впятером они вышли в коридор и отправились на кухню. Там они поделили между собой задачи.

— Майлз, Саня и Регина, вы втроем тогда начните с закусок, а мы с Шэнли пока ходим за овощами и фруктами.

Они вышли в темный служебный коридор, совершили в нем несколько поворотов за угол и вошли в яркое, будто освещенное самим солнцем, помещение.

«Интересно, как там сейчас наверху?» — пронеслась мысль в голове у Шэнли. После прибытия в бункер никто из них не поднимался на поверхность, и никаких способов узнать, что там происходило у них не было. В первые несколько недель они ощущали частые толчки землетрясений, потом они стали реже и, наконец, совсем прекратились.

В оранжерее был настоящий тропический сад, и чего там только не росло: апельсины, мандарины, виноград, яблоки, груши, ананасы и арбузы, манго, маракуйя, бананы и киви. Овощей было поменьше: картофель, помидоры, баклажаны. Были там и ягоды: клубника, земляника, смородина, клюква и черника. Все они прошли генную подготовку и были приспособлены к жизни под землей лучше, чем люди.

Женя с Шэнли взяли две большие тележки и принялись заполнять их всем, что подворачивалось под руку. Нужно было набрать достаточно овощей и фруктов на 50 человек, не больше и не меньше. Кофе и овсянка всосались в кишечник, кофеин и сложные углеводы поступили в кровь, работа закипела. Они в буквальном смысле работали в поте лица, ультрафиолетовые лампы излучали много тепла. Белые галстуки пришлось спрятать под костюмы, чтобы не выпачкать их ненароком.

Шэнли стал обирать клубнику, складывая в небольшую корзину сочные спелые ягоды, чей вид возбуждал аппетит. Рука непроизвольно потянулась к одной ягоде из корзины и собиралась отправить ее прямо в рот. Стоило ему подумать об этом, как резкая боль разmozжила его руку. Ощущение было такое, как будто по ней ударили молотком. Желудок все еще хотел получить заветную ягодку, но мозг отбросил в сторону все мысли об этом. Нежелание испытать боль оказалось сильнее.

— У нас проблема, — выкрикнул Женя с другого конца оранжереи.

— Что случилось?

— Помидоров всего 20 штук!

Шэнли оставил клубнику и подошел к Жене. Он сидел на корточках возле небольшой кучки помидоров с жалостливым видом.

— Вот посмотри.

Шэнли бегло пересчитал помидоры. И, правда, не больше 20.

— Ну ладно, 20 это ведь не ноль. В чем проблема?

— Ты не понимаешь. Шейх хочет, чтобы на 32 человека было 50 помидоров и не одним меньше.

— Постой, но там ведь будут не одни помидоры. Фруктов, овощей и ягод просто завались. Он что пересчитывать все будет и, если помидоров окажется меньше, закатит скандал?

Жук в мозгу счел выражение «закатит скандал» недостаточно сдержанным и напомнил о себе хлестким приступом боли в щеке. Точь-в-точь, как если бы Шэнли получил увесистую пощечину.

— Да, он на самом деле сможет так поступить. Опыт уже был.

— А что если мы нарежем помидоры на ломтики и используем их для украшения тостов? Он ведь не станет пересчитывать каждый кусочек и вычислять точное количество потраченных помидоров. Или станет? — Шэнли уже ни в чем не был уверен.

— Кто его знает, — ответил Женя и схватился за лоб. Мозговой клещ, стоящий на страже скверномыслия, не преминул наказать и его тоже.

— Тогда сделаем как я и сказал. Все будет в порядке. И вот еще что, ты там поглядывай за бокалом шейха получше и когда он будет пустеть сразу же наполняй его вином. Хорошо?

— Ты что-то задумал?

— Да так ничего особенно, просто хочу, чтобы шейх сбавил бдительность и расслабился в свой день рождения.

— Лады, я все сделаю.

Далее все прошло без происшествий, овощей и фруктов было в достатке. Вернувшись на кухню, они работали не покладая рук до самого обеда, пока все остальные подготавливали главный зал к проведению мероприятия. Его вычистили несколько раз, составили вместе столы, подготовили стулья, украсили праздничными лентами, подготовили небольшую сцену для музыкантов, расставили повсюду вазы с искусственными цветами. Повара тоже потрудились на славу и приготовили лучшие блюда из продуктов, что оказались под рукой. Не раз, не два и не три они платили болью за желание положить кусочек себе в рот, но боль побеждала. В конце концов, их тела смирялись и прекращали требовать еды.

В 3 часа дня шейх вошел в зал первый и осмотрелся. Его вид излучал враждебность, а хмурые брови говорили об остром желании кого-нибудь отругать. Но не найдя к чему придраться лицо его разгладилось, а в глазах появился намек на человечность. Он подозвал к

себе Евгения, который был не то что бы его любимчиком, просто меньше остальных его раздражал.

— Все готово?

— Да, господин Аль Тани.

— Тогда музыканты пусть остаются. Все остальные пусть дежурят на кухне и раз в час забирают грязную посуду и подают новые блюда. Горячее подавайте не раньше 8 вечера. Можешь идти.

Евгений присоединился к остальным на кухне. Тем временем, тот самый зал, где Шэнли однажды подставил свою руку для маленького паразита, наполнялся женскими голосами. Весь гарем шейха нарядился в праздничные наряды, отличавшиеся смелостью дизайнерской мысли. Короткие платья, юбки и шортики прикрывали только самые интимные места своих хозяек. С таким количеством полуобнаженных девушек праздник становился похожим на вечеринку в доме Плэйбоя.

Шэнли вообще удивляло, почему девушки, которые приняли ислам, позволяли себе одеваться подобным образом и почему шейх никак не препятствовал этому. Евгений, который вник в психологию шейха достаточно глубоко, объяснял это тем, что ислам запрещал обнажаться перед посторонними мужчинами. С точки зрения шейха в Мекке не было посторонних мужчин: слуг он за мужчин не считал. Шэнли удовлетворился таким объяснением и еще сильнее захотел отыскать планшет в спальне шейха.

Через час они выстроились в колонну, чтобы войти в зал и, как можно скорее, обслужить 32 гостя. В каждой руке у каждого было по подносу с закусками. В черных рабочих комбинезонах с белыми галстуками они лишь отдаленно напоминали официантов. Для шейха, который не смотрел в сторону слуги больше половины секунды этого было достаточно — его периферийное зрение воспринимало слуг, как официантов.

Ребята действовали с ловкостью профессиональных кельнеров. Новые блюда отправлялись на столы, грязные тарелки переправлялись на подносы. Шэнли, сосредоточенный на деле, занимался посудой, пока в его нос не проник дивный запах парфюма одной из девушек. Миниатюрная брюнетка с прической в стиле Клеопатры сидела к нему полуоборотом. В чертах ее лица он сразу же узнал китаянку. Она весело общалась со своими подружками и много улыбалась ровными белыми зубами, но во взгляде ее ощущалась какая-то отстраненность. Он остановил на ней взгляд чуть дольше, чем следовало. Легкий укол в мозг выступил первым предупреждением, но прежде чем он отвел глаза в сторону, девушка повернула к нему свое лицо и посмотрела на него безучастно. Девушка определенно была очень красивой, возможно, самой красивой китаянкой, которую он видел в своей жизни, но он не испытал абсолютно ничего, встретившись с ней взглядами. И судя по тому, как китаянка просветила его взглядом насквозь, будто стеклянное изваяние, для нее этот опыт тоже не стал выдающимся.

Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, весь вечер они только и делали, что носили подносы взад-вперед. Тем временем, девушки и шейх начали хмелеть и вели себя все громче. Начался конкурс эстрадной песни и танца, красавицы выстраивались в очередь, чтобы поцеловать своего драгоценного шейха и поздравить его с днем рождения лично, пару раз они чуть было не подрались за эту возможность.

— Ну как там с вином? — спросил Шэнли Женю.

— Ты зря переживал. Он и без меня отлично справляется. Подливает себе и подливает. Уже третью бутылку начал.

— В таком случае я отлучусь минут на 30, прикрой меня если что.

— Хорошо, но только не задерживайся. Если он заметит, что кого-то из официантов нет, то проблем не оберешься.

— Китайский дракон еще никуда никогда не опаздывал, — ответил Шэнли и встретил непонимающие глаза Евгения, — потом как-нибудь объясню.

По техническим коридорам он добрался до нужной двери. За ней был второй коридор, светлый, просторный, красиво оформленный, весь из себя источавший флюиды богатства. Шейху часто привозили еду на столике и оставляли ее перед входом в спальню. И когда он открывал дверь чтобы еду забрать, он, естественно, не хотел смотреть не убогую серость коридора для прислуги.

Спальня была открыта. Шейх настолько был уверен в своей системе безопасности, что не потрудился закрыть за собой дверь. Шэнли крепко зажмурился, предчувствуя припадок головной боли, и сделал быстрый шаг внутрь. Никакой боли не последовало, путь был чист. В спальне автоматически загорелся свет, и заиграла мягкая инструментальная музыка. Шэнли напоследок выглянул в коридор, из праздничного зала доносились пьяные крики и громкий смех, ему ничего не угрожало. Он аккуратно закрыл за собой дверь и приступил к поиску.

В левой части спальни на всю стену растянулся большой книжный шкаф. Несколько тысяч книг пестрили корешками на его полках. Это были самые обыкновенные бумажные книги. Каждая из них была намного старше Шэнли и даже самого шейха. Многие из них были изданы на рубеже 18ого — 19ого веков, многие из них были подлинными первопечатными изданиями. Шейх увлекался западной и восточной философией, историей, экономикой, было там и много произведений классической литературы за авторством немецких, французских, испанских и русских писателей.

Спрятать вход в потайную комнату за книжным шкафом было классическим приемом. Шэнли знал об этом так же хорошо, как и шейх, но не мог не проверить. Подойдя к шкафу, он тянул на себя книгу за книгой, пытаясь найти рычаг механизма, открывающего проход, но ничего так и не нашел.

Далее по стене были развешаны работы импрессионистов, сюрреалистов и маринистов. Он ощупывал рамы на предмет наличия скрытых кнопок и заглядывал под них, но и там ничего не оказалось. Так он дошел до одиноко стоящего посреди комнаты белого рояля. От традиционного он отличался встроенным проигрывателем на несколько миллионов композиций. Когда он запускался, рояльные клавиши прожимались сами по себе при помощи электронного механизма. Выглядело со стороны это так, как будто за инструментом сидел невидимый пианист.

Рояль стоял в отдалении от стены, но Шэнли все же решил проверить и его. Он пристально осмотрел клавиши, пытаясь найти на них следы пальцев. Если шейх не играл сам, но нажимал на клавиши чтобы открыть проход, то он быстро смог бы их отыскать. Однако и там никаких следов обнаружено не было. Тогда он поочередно прожал все клавиши, осматриваясь по сторонам, но ни одна стена в помещении даже не подумала пошевелиться. Вариантов оставалось не так много.

Шэнли со всех сторон осмотрел все столики в комнате, однако ничего кроме великолепной ручной работы не заметил. Он откровенно устал за весь день. Мало того что их разбудили раньше обычного, так он еще весь день на кухне отработал, поиски отняли его последние силы, и он сам не заметил, как расположился на огромной белой кровати шейха.

Ортопедический матрац с распростертыми объятиями встретил его пятую точку, как бы приглашая его лечь целиком. Устоять от соблазна было тяжело, и он вытянулся на кровати во весь рост, только его ботинки свисали над полом, как живое свидетельство его хорошего воспитания. Свет в комнате тут же сделался приглушенным и на огромном экране за изголовьем показались морские волны, кровать начала покачиваться из стороны в сторону. Так шейх обычно засыпал каждую ночь. От этого покачивания Шэнли стало не по себе и он перекатившись за борт приземлился на руки и ноги. Кровать продолжала медленно покачиваться из стороны в сторону под шепот морских волн. И тут его взгляд наткнулся на нечто интересное. Прямо под кроватью в полу был прорезан какой-то люк, размером и формой он повторял очертания кровати, и если бы та не двигалась, он бы никогда его не заметил.

Шэнли моментально оживился, усталость и сонливость исчезли, он ползал на карачках вокруг кровати и искал что-то напоминающее кнопку или рычаг управления. Искомое вскоре стало найденным. Прорезиненная кнопка была утоплена в деревянное днище кровати, и как только Шэнли нажал на нее, кровать поднялась метра на полтора и отъехала в сторону вместе с круглым куском пола.

Женя ничего не упоминал о проходе в полу. То ли потому что забыл, то ли потому что Шейх сам перенес проход в целях безопасности. Так или иначе, Шэнли спустился по узкой лестнице вниз и пройдя по двухметровому тоннелю вошел по ступеням и оказался в маленькой комнатке. Большой письменный стол занимал половину полезной площади, остальная часть была заставлена какими-то коробками. Он в один момент оказался за столом и начал осматривать встроенные ящики. В них были какие-то старые письма, выдавшие виды наручные часы, металлическая цепочка, несколько старинных монет, пара автоматических ручек ювелирной работы и всякий хлам, который не представлял никакого практического интереса.

Последний ящик только никак не хотел открываться, он будто врос в стол с корнями. Шэнли сполз с кресла на пол и осмотрел ручку со всех сторон. В нежней ее части виднелась маленькая шершавая на ощупь кнопка. Он осторожно надавил на нее ногтем, и лицевая часть ящика распахнулась, под ней скрывался добротный металлический сейф с электронной цифро-буквенной клавиатурой. Сейфы мало чем изменились с момента своего изобретения. Как и его прародители, этот требовал ввода пароля.

Шэнли начал перебирать варианты. День рождения шейха и его полное имя не подошли в любых последовательностях и сочетаниях. 32–50, 50–32 не сработало, 1-31-18 тоже. Дата конца света также не засчиталась. Тогда, словно выстрел в темноте, его сознание озарило прозрение. В целом мире было лишь одно создание, которого шейх любил больше жизни. Он ввел имя арабского скакуна Shareef, замок щелкнул и тяжелая дверца сейфа слегка приоткрывалась. Шэнли сглотнул и медленно открыл сейф нараспашку. Внутри не было ничего, кроме заплесневелого воздуха.

— Ну и каково тебе копать в моих вещах? — комнату рассек тяжелый гневный голос. От неожиданности Шэнли подскочил и вытянулся в струну.

— Нашел то, что искал? — спросил его шейх, смотрящий на него испепеляющим взглядом.

— Нет, — растерянно ответил Шэнли, но взгляда не отвел. Перед лицом надвигающейся катастрофы он проявил себя, как смелый человек, готовый ответить за свои поступки.

Ненависть шейха немного ослабла, под ней проявилось что-то похожее на проблески уважения.

— Ты бы и не смог там ничего найти. Я же не идиот, который хранит все ценное в самом очевидном месте. Мой контрактор всегда при мне, — он оголил левое предплечье и дважды стукнул по нему указательным пальцем. Кожа его замерцала и начала отслаиваться. Через пару мгновений цельный кусок кожи, точно браслет, сполз с его предплечья. Он разъединился посередине и выпрямился в прямоугольник, посерел по краям и принял форму виденного ранее планшета.

«Зачем он мне это показывает?» — подумал про себя Шэнли. От этой мысли ему стало не по себе.

— В одной руке у меня власть над несколькими десятками людей. Многих уже даже нет в живых. Но память об этом приятно покалывает сердце. Знаешь, как это прекрасно, когда ты можешь одним пальцем заставить человека испытывать боль, страх, унижение, отчаянье, когда ты можешь убить его в несколько тапов по экрану? Сейчас я продемонстрирую, — он перевел взгляд на планшет в левой руке и принялся что-то там набирать.

Шэнли попытался броситься на него с кулаками, но тут же упал от нестерпимой боли.

Шейх ухмыльнулся по-змеиному и что-то нажал. Тогда мочевого пузырь Шэнли расслабился и выпустил все его содержимое прямо в штаны. Это принесло облегчение и как будто избавило от боли.

— Поднимайся. Я хочу, чтобы ты умер стоя, — он ввел команду в планшет и Шэнли поднялся на ноги.

От боли и унижения ему хотелось кричать, но он не мог выговорить и слова. Его губы точно срослись воедино.

— Молодец. А теперь пора умирать, — Шейх сделал пару взмахов пальцем, и Шэнли забился в конвульсиях. Его дергавшееся тело несколько секунд продолжало стоять на ногах, словно пронизанное мощным разрядом тока, но жизнь уже покинула его.

Глава 18. Контакт

На его глазах мир умирал дважды. Для начала ракеты на антивеществе прошли по свету, превращая в ничто все, что попадалось им на пути. Потом, как будто для уверенности в довершении дела, планета запустила собственную процедуру очистки и выжгла атмосферу массированными извержениями.

«Я стал свидетелем разрушения миров», — Чжан Вей немного переиначил знаменитую цитату Оппенгеймера, одного из создателей ядерного оружия.

С Землей, в сущности, не случилось ничего примечательного. Да, она проходила через ряд сильнейших внутренних катаклизмов. Но все это с ней случалось и раньше. В ее прошлом уже было все это: природные катастрофы, массовые вымирания, изменения в составе атмосферы и климата. Она переживала все это раньше и переживет еще не один раз. И пока она будет вращаться вокруг своей оси и Солнца, что будет снабжать ее энергией, она сможет продолжить существовать и взращивать жизнь. Для Чжан Вей это был новый опыт, поэтому он пребывал в некоторой растерянности.

Видимость на планете стала нулевой, серые облака из дыма и пепла заполнили все небо и перекрыли обзор. Однако Чжан Вей не питал никаких иллюзий и понимал, что тучи не рассеются еще многие десятилетия, а когда весь пепел, наконец, опустится на землю, он похоронит под собой все останки цивилизации.

Так или иначе, в его распоряжении была виртуальная копия Земли, целая и сохранная. Он поставил Красный Дракон на автопилот, а сам целые дни проводил в нейровселенной со своей возлюбленной и сыном. Втроем они путешествовали по свету и занимались тем, на что он никогда бы не решился в здравом уме. День назад в Китае они прыгнули с парашютами с самого высокого небоскреба в мире, его шпиль протыкал облака и уходил на высоту 1200 метров. После удачного приземления они устроили заезд на сверхскоростных автомобилях по центру Пекина. Потом у них был ужин в лучшем французском ресторане, а на следующий день они планировали отправиться в экспедицию по Амазонке. Если это был не рай, о котором все время мечтали люди, то что тогда?

Сама идея о существовании загробной жизни возникла у людей уже очень давно. Еще древние люди смотрели на звезды и видели в них души своих почивших предков. Позже концепция ада и рая сформировалась в христианстве, а затем ее доработал Данте Алигьери, красочным словом описав планировку ада. Можно сказать, он составил целый путеводитель для заблудших душ. Его образы были столь ярким, что практически моментально укрепились в сознании людей и прочно вошли в культуру цивилизации. Конусообразная воронка, уходящая в центр земли, 9 кругов, по одному на каждый смертный грех и множество пыток для всех тех, кого нелегкая привела под землю. Таким был ад для западной цивилизации многие столетия.

В то же время четкого описания рая как такового не было. Может быть, потому что никому так и не довелось там побывать, и каждый человек был неисправимым грешником? Чжан Вей не раз и не два в своей жизни думал о том, что блюсти полностью праведный образ жизни было невозможно. Сознательно или нет, но все люди грешили. Даже те, кто уходил в монастыри и вел затворнический образ жизни. Ведь было что-то эгоистичное в желании отречься от мира, чтобы спасти свою душу. При желании грех можно было найти везде. То ли дело добродетель. Чтобы ее отыскать, нужно было приложить немало усилий.

Особенно в мире третьего тысячелетия, где люди потеряли надобность работать и переложили большую часть своих обязанностей на роботизированные автономные устройства, а сами проводили время, предаваясь всевозможным утехам во всевозможных формах. Активно развивающиеся технологии они использовали не во благо мира, а в ублажение самих себя. Так что, если верить религии, о рае можно было сразу же забыть и не вспоминать. И людей это нисколько не беспокоило.

Рай создавался для мучеников, для тех, кто прожил жизнь в страданиях, он становился для них вознаграждением за все те лишения, что они претерпели. Для тех же, кто в жизни особо и не напрягался, рай перестал быть желанной точкой в конце долгого путешествия. Люди думали не о рае, а о том, как бы подольше отсрочить свой уход в небытие. Смерть пугала людей тишиной, пустотой и полным отсутствием развлечений, что были у них при жизни. Они и жизнь свою без всего этого не могли представить, не говоря уже о смерти.

Итак, почти каждый человек на земле в той или иной форме смог прикоснуться к раю еще при жизни. Означало ли это наступление тотального равенства в обществе? Конечно, нет! Различия между богатыми и бедными прослеживались во всем, начиная от уровня детализации и насыщенности ощущений в виртуальных вселенных, заканчивая уровнем медицинского обслуживания. Если простые люди могли лишь мечтать о том, чтобы дольше ходить по земле, то богатые люди получили доступ к технологиям по продлению жизни. Биомолекулярная косметология позволила женам зажиточных бизнесменов оставаться красивыми и молодыми долгие десятилетия. Это было отнюдь не дешевое удовольствие, однако и оно было далеко до совершенства. Процедура была исключительно косметологической и не затрагивала внутренние органы, которые продолжали стареть. К истинному бессмертию получили доступ лишь самые богатые и влиятельные люди на планете и то не сразу. Технология клеточной реновации появилась лишь под конец двадцать третьего века. Компания, что ее изобрела, мелочиться не стала и выставила на первый работающий экземпляр нескромную цену в 3 триллиона долларов. Даже в первой сотне богатейших людей мира не каждый мог себе позволить такое приобретение. Те же избранные, кому технология бессмертия оказалась по карману, быстро выкупили действующие модели и наложили запрет на их дальнейшее производство и распространение. Бессмертие стало исключительной привилегией высшего общества.

На что же они планировали тратить появившийся избыток свободного времени? На то же, на что и все остальные — на быструю любовь, перенасыщенные чувственные удовольствия, разнообразный виртуальный и реальный опыт, на жизнь полную красок, радости и синтетического счастья. Разница была лишь во времени. Богатые купили его себе с избытком.

Если же подумать об этом глубже, получилось так, что весь мир предавался развлечениям и утехам и в большинстве своем ничего не производил и не совершал никакой полезной работы. Разве не этого, по мнению христианской церкви, добивался дьяволискуситель? Быть может, ад и рай уже давным-давно поменялись местами, а этого никто так и не заметил.

Чжан Вей, будучи человеком старой закалки был противником всего виртуального и предпочитал проводить время в реальной действительности. В сущности, реальная жизнь от виртуальной для него ничем не отличалась. В реальности он тоже мог позволить себе все на свете, начиная от путешествий и интересных знакомств, заканчивая лучшими произведениями кулинарного искусства. Реальность была для него не меньшим праздником,

чем виртуальность. И выбирая между настоящим и искусственным, он отдавал предпочтение первому. Кроме того, он не привык много времени тратить на отдых и развлечения. В этом он видел удел безвольных людей, не имевших ни цели, ни смысла в своем существовании. Поэтому он продолжал трудиться над собой и над миром вокруг себя, пытаясь сделать его чуточку лучше. И даже, когда этого мира не стало, мысль о том, что он не может только и делать, что отдыхать и развлекаться, не давала ему покоя. Поэтому он то и дело покидал Тэнси и Юн Мэй в нейровселенной и выбирался в реальность, делал глубокий вдох, с печалью смотрел на затянутую в серую пленку планету и пытался быть полезным хотя бы для себя самого.

В одну из таких вылазок в реальность он зашел в кабину управления и заметил принятый сигнал на пульте управления. Иконка входящего сообщения мигала и с постоянной периодичностью ударяла по его глазам. Как такое было возможно? Все способные отправить сигнал существа уже давно должны были погибнуть. Неужели кто-то остался в живых? Он в мгновение ока оказался возле пульта и открыл сообщение:

— 34.255662, 173.552024, 17:00 GMT

Две первые последовательности цифр, вероятно, обозначали координаты. А последняя что? Время по Гринвичу?

Чжан Вей посмотрел на часы, было 16:46, нужно было поспешить. Он ввел в бортовой компьютер полученные координаты, вычислил маршрут и, не сходя с геостационарной орбиты, отправился на точку. В космосе красный дракон без какого-либо труда набрал скорость в 50000 километров в час. Через 2 минуты Чжан Вей уже был на месте и смотрел вниз на темно-серую атмосферу планеты. Судя по карте, он находился прямо над центром тихого океана, где не было ни клочка земли на многие сотни километров вокруг. Чего ему было ожидать, и что должно было произойти в 17:00 он не имел ни малейшего понятия. Все это казалось ему какой-то глупой шуткой. Он принялся ждать, внимательно вглядываясь в вихрящиеся облака — ад действительно существовал, причем не под землей, а прямо на поверхности, люди сотворили его собственными руками.

В 17:00 никаких изменений в происходящем на поверхности планеты не наблюдалась. На что он вообще надеялся, когда решил последовать по координатам из сообщения не понятно кем и когда отправленного?

Внезапно он увидел ослепительно яркую точку, она светила пронзительным белым светом сквозь плотные облака и постепенно становилась ярче и больше. Темные облака вокруг точки бледнели и расползались во все стороны. Через несколько секунд облака в центре словно испарились в одно мгновение, а сквозь них в космос пробился яркий лазерный луч. Он пролетел мимо китайского дракона и направился куда-то далеко в космос, замерцал, словно теряя силы, а после бесследно исчез. На сетчатке Чжан Вей еще несколько секунд оставался отпечаток полосы белого света. Он крепко моргнул и в тот же момент услышал звук человеческого голоса:

— Космос, я Земля. Есть там кто? — Чжан Вей не поверил своим ушам.

— Повторяю. Космос, я Земля. Меня кто-нибудь слышит?

Взволнованный Чжан Вей прислонился лицом так близко к пулту, точно готовый его расцеловать.

— Да, да, я слышу тебя! Земля, я Космос! Слышу тебя!

— Приветствую тебя, Космос. Рад, что кто-то еще уцелел, — голос на том конце источал искреннюю радость, — Сколько вас?

— Нас трое. Хотя нет, это в нейровселенной. В реальности один только я.

— Один или трое? Не расслышал.

— Один, один! Меня зовут Чжан Вей, я нахожусь в своем доме. А вас сколько?

— Нас около пятисот. Но сейчас нужно думать не об этом.

500 человек. Подумать только. На 500 больше, чем он ожидал еще совсем недавно.

— Чжан Вей, ты слышишь меня? Сигнал слабеет. Тучи затягиваются обратно. Нужно торопиться, так что слушай внимательно.

Отверстие в тучах, проделанное лазером, затягивалось прямо на глазах.

— Я слушаю, слушаю, — торопливо ответил Чжан Вей.

— Еще один корабль с людьми спасся. Они полетели на Ев...., - связь прерывалась.

— Куда полетели? Повторите.

— ...тели на Ев...пу....

— Не слышу

— Если. торопи. съ то смо. те их. гнать

— Куда они полетели? — чуть ли ни крича спросил Чжан Вей.

— На Европу, — сигнал донес последние слова и исчез, заточенный под непроницаемыми слоями пепельных облаков.

— Постой! Как тебя зовут? — Чжан Вей хотел узнать имя человека, который за несколько секунд разговора стал ему практически родным, но ответа так и не получил.

Он сидел перед пультом и смотрел сквозь материю потерянным взглядом. Люди спаслись, целых пятьсот человек и еще сколько-то на космическом корабле. Просто фантастика. Еще недавно Чжан Вей считал себя последним выжившим из человеческого рода, но судьба лишила его этого титула. И он был этому рад, в его жизни появилась новая цель. Он должен был догнать выживших и присоединиться к ним.

Подумать об этом было проще, чем сделать. Китайский дракон проектировался на века, но он не был предназначен к испытанию космосом. Кроме того, Чжан Вей сам мало чего понимал в космических путешествиях. Он даже не знал, как добраться до Европы. От этих мыслей его приподнятое настроение улетучилось.

Он вернулся в спальню, вошел в нейровселенную и очутился в диких зарослях Амазонки. В руках у него было мачете, он прорубал путь в густых зарослях, по пятам за ним следовали Тэнси и Юн Мэй. Они были одеты в камуфляжные комбинезоны, приключение было в самом разгаре.

Чжан Вей не стал спрашивать, как они там оказались.

— Давайте сделаем небольшой привал. Нам нужно поговорить.

— Что-то случилось?

— Да, я узнал, что кроме меня есть еще выжившие.

— Так это ведь просто замечательно, — обрадовалась Юн Мэй.

— Проблема только в том, что они отправились на космическом корабле на Европу, спутник Юпитера. А я ничего не знаю ни о космических путешествиях, ни о Юпитере, ни о Европе. Я не знаю, что мне делать.

— Это не большая проблема. Нужно только найти того, кто знает.

— Кого например? — не очень обнадеженный спросил Чжан Вей.

— Да кого угодно. В твоём распоряжении лучшие умы человечества. В памяти нейровселенной хранятся записи обо всех ученых Земли, все их работы, исследования, научные публикации, выступления. Мы без труда найдем того, кто разбирается в

космических путешествиях и попросим его нам помочь, — Тэнси говорил так уверенно, что Чжан Вей невольно возвратил себе улыбку.

— И где мы будем искать этого человека?

— Где-нибудь, где меньше диких зверей, ядовитых змей и насекомых, больше асфальта, зданий, магазинов. И кафе. И космических ракет. Да, нам надо туда, где много космических ракет. Космический центр имени Джона Фицджеральда Кеннеди, штат Флорида.

С корабля на бал. Из диких джунглей в центр управления космических полетов.

Сутки они добирались до нужного места. 18 часов пешком по джунглям, 3 часа вплавь на каноэ и 2 часа на джипе до аэропорта. Сам полет занял 20 минут, двигатели на антивеществе прекрасно знали свое дело.

В объективной реальности прошло всего 24 минуты. И даже они казались Чжен Век непозволительной роскошью. Чем больше длилось промедление, тем сильнее становился отрыв между ним и другим кораблем с выжившими.

Еще на подлете к ЦУПу Чжан Вей обратил внимание на то, как странно он выглядел. Состоявший из нескольких соединенных вместе корпусов, он выглядел так, как будто прошел через бомбардировку. Крыши и стены были разрушены, окна выбиты, повсюду валялись бетонные куски, битые стекла, вырванные с корнем деревья.

— Что здесь произошло?

Тэнси и Юн Мэй не меньше Чжан Вей хотели бы это знать.

Они пробежались по территории, наблюдая полуразрушенные здания и их покрывшиеся пылью внутренности. Ни одного человека, ни единого намека, что центр работал, не было.

— Где находится их головной офис? В Вашингтоне? Полетели скорее туда, — Чжан Вей поспешил на борт.

— Постой, пап. Я думаю, что здесь не все так просто. Я только что отправил запрос в ядро управления нейровселенной и получил отчет о повреждении огромного массива данных. Там нужно долго разбираться, но пока что ясно одно — повреждение затронуло многие области науки, включая астрономию и астрофизику. Так что найти какого-либо советника в этом деле у нас вряд ли получится.

— Но должны ведь были сохраниться какие-то учебники, обучающие видео, научные работы, статьи или что-то такое?

— Да, что-то обязательно сохранилось, но на изучение всех материалов уйдет какое-то время.

— И ничего нельзя с этим поделать? — поинтересовалась взволнованная Юн Мэй.

— К сожалению, ничего. Нейровселенная работает по собственным законам. Если мы попытаемся что-то изменить, то можем запустить каскад произвольных изменений в других областях, трогать которые не следовало бы ни при каких обстоятельствах. Как и реальная Вселенная, виртуальная получила столь тонкую настройку, что любое вмешательство в нее чревато последствиями.

— Похоже, что нам ничего не остается, кроме как обучаться космическому ремеслу по старинке, — Чжан Вей высказал эту мысль вслух и почувствовал прилив юношеского азарта, — В таком случае вот что. Подготовьте необходимые материалы, а я пока выйду в реальность и попробую кое-что сделать.

К счастью, Тэнси удалось наладить выход в реальность и ему больше не приходилось ради этого умирать.

Оказавшись вновь на борту китайского дракона, он отправился в кабину, взял управление в свои руки и начал медленно вращать его носом. Среди всех звезд и планет он старался отыскать ту, что интересовала его больше всего. Наконец, его взгляд выхватил бледно-желтую малюсенькую точку, по ощущениям находящуюся где-то на краю солнечной системы. Этой малюткой был Юпитер. Его-то он и искал, к нему-то ему и нужно было отправляться. Чжан Вей навелся на него дальнотворким визором, приблизил изображение, задал несколько параметров и пометил его, как точку маршрута. Теперь Китайский Дракон должен был преследовать убегающую от него планету, пока расстояние между ними не сократится до 5 миллионов километров.

Парящий дом незамедлительно бросился в погоню и начал наращивать скорость. По расчетам бортового компьютера 5 недель уйдет на ускорение и еще 5 недель на торможение. Такая скорость была максимально допустимой, учитывая пределы перегрузок, которые могло выдержать уже немолодое тело Чжан Вей. Эти 10 недель в нейровселенной превращались в целую вечность. Таким образом, у него появилось время на обучение.

Обретшие бессмертие столкнулись с проблемами там, где не ожидали. Оказалось, что их мозги не были рассчитаны на бесконечное существование. Количество свободных нейронов было строго ограничено и выделялось один раз на всю жизнь человека. Старые воспоминания слабели и заменялись новыми. Это не вызывало никакого дискомфорта ровно до тех пор, пока стертых воспоминаний было не жалко. Проблемы начинались тогда, когда человеку приходилось выбирать между, скажем, новыми знаниями о космосе или старыми воспоминаниями о первых шагах своего ребенка, первом поцелуе, первой любви. Это был не тот выбор, который хотелось совершать.

Вариантов решения данной проблемы было предложено несколько. Кто-то переписывал свои ценные старые воспоминания на сторонние носители и делал из них подобие автобиографических фильмов, которые можно было показывать друзьям и близким. Кто-то заводил дневники, как бы анахронично это ни звучало. Кто-то решался на кибернетические импланты, связывающие мозг с облачным хранилищем в гиперсети. Кто-то, как Чжан Вей, не делал ничего. С каждым прожитым мгновением он получал новую информацию, которая постепенно вытесняла из памяти старые воспоминания. Тем ценнее они для него становились. И тем тщательнее он выбирал то, что будет храниться в его мозгу. В сложившихся обстоятельствах астрофизика была хорошим выбором.

Подобное решение, несмотря на очевидные минусы, позволило ему прогрессировать. Каждые несколько лет он буквально становился новым, более современным человеком, его взгляды менялись в ногу со временем, при этом он сохранял умеренную долю консерватизма. Те же, кто не мог отпустить свое прошлое продолжал жить старыми традициями, постепенно утрачивали пластичность мышления и становились заложниками собственных стереотипов. В долгосрочной перспективе это могло привести к тому, что большая часть ресурсов и политического влияния оказались бы в руках людей не способных мыслить свежо и нестандартно. Кто знает, к чему бы это привело.

Впервые за долгое время Миша прекрасно выспался — лежать в сетях было все же удобнее, чем прижавшись спиной к холодному валуну. Солнечное утро встретило его серо-фиолетовыми красками. Оттенки небесной палитры изменились вместе с составом атмосферы за последнюю тысячу лет. Для людей прошлого такое небо показалось бы иноземным.

Дрон начал снижать высоту, Миша разглядел внизу окруженные молодым лесом учебные корпуса аэрокосмической академии. Несколько лет заняло его путешествие. Его космический опыт в некоторой степени возвысил его над теми учениками, что о космосе могли только фантазировать, и в то же время отдалил его от них. Тех, кто побывал в космосе, могли понять только бывалые астронавты.

Оказавшись прямо над академией, дрон даже не подумал о том, чтобы сбросить скорость. Миша хотел было спросить, почему и куда он направлялся, но потом вспомнил, что его «рот» был занят сетью, в которой он, Миша, и находился в тот момент.

Судя по взятому курсу, углу и скорости полета дрон направлялся в прибрежный город. Миша не бывал там с самого детства и не представлял, зачем бы ему потребовалось побывать там снова.

Город представлял собой небольшое поселение с одноэтажной застройкой. Дома строились из песка, подвергнутого термической обработке, в них были небольшие, напоминавшие иллюминаторы, окна и округлые дверные проемы без дверей, их функцию выполняли куски ткани. Несмотря на казавшуюся простоту подобной архитектуры, у местного общества были все черты развитой цивилизации — аграрная, легкая и тяжелая промышленность, образовательные и медицинские учреждения. От общества прошлого его отличало лишь полное отсутствие электронных и информационных технологий. Вся же жизнь людей прибрежного города строилась вокруг обслуживания космической отрасли. Поэтому когда Миша спустился на землю в сетях, на него никто даже не обратил внимания. Все были слишком заняты работой и выполнением своих насущных задач.

Миша оказался голым среди города, но это его нисколько не смутило. В одежде там не было никакой необходимости, люди ходили голыми от рождения и до самой старости, этому способствовали теплый климат, врожденная плотная кожа и прекрасные способности по собственной терморегуляции.

Дрон завис над Мишиной головой и с кряхтящим звуком втягивал в себя сеть. Пару раз казалось, что он вот-вот поперхнется. Когда сеть скрылась в его металлическом корпусе, начался процесс поиска говорителя, он собирался что-то сказать.

— Зачем ты меня сюда привез? — Миша опередил его вопросом.

— С тобой хочет поговорить Ц.И. Лично, — ответил он голосом полным таинственности. Ему бы не помешало пройти курсы актерского мастерства. Он постоянно переигрывал.

— Лично? — Миша сильно удивился. Уже несколько столетий никто не видел Ц.И. своими глазами. Он всегда общался с людьми через один из своих компонентов, которые выступали в качестве посредников и таким образом изъяснял свою волю. В умах людей Ц.И. стал той незримой рукой, которая направляла и указывала им путь. А его способность перемещать свое сознание между компонентами наделяла его магическим свойством быть

во многих местах одновременно, что в некотором смысле делало его похожим на всевидящее и всезнающее существо.

— Да, правильно. Моя программа исключает оговорки. Пойдем за мной.

Через пустующие улицы они отправились на побережье, где находился вход в подводный город. Именно там люди пережили конец света и проживали до тех пор, пока их тела не стали достаточно измененными для обновленной атмосферы планеты. И с тех пор, как люди начали жить на поверхности, о своей подводной жизни они начали постепенно забывать, город стался заброшенным. О нем слагали легенды, дети рассказывали друг другу страшилки о творящихся в городе таинственных событиях. На этом взаимодействие с ним заканчивалось.

Дрон привел Мишу к входу в подводный город, им служил неприметный металлический люк, наполовину засыпанный пляжным песком.

— Тебе туда, — сказал Мише дрон и собрался улететь.

— И все? Ты даже не скажешь мне пару напутственных слов?

Дрон пошевелил немного шестеренками и выдал:

— Аккуратнее на стыках, — после чего развернулся в другую сторону и улетел.

«Аккуратнее на стыках» — он мысленно передразнил дрона, чей силуэт уже растворился в воздухе, — Что это вообще за напутствие такое?»

Миша счистил руками песок с люка и прочитал надпись на его поверхности. Буквы начали покрываться ржавчиной, но все еще были читаемы. Там была небольшая инструкция по пользованию проходом, которая гласила:

«Потяните рычаг на себя. Затем в течение 15 секунд отойдите подальше и закройте уши руками. После хлопка люк можно будет открыть»

Миша все сделал в точности по инструкции. Отбежал подальше, закрыл уши руками и приготовился услышать хлопок. Через несколько секунд воздух сотряс сильнейший взрыв. По звуку это был далеко не хлопок, а скорее взрыв тротилового заряда. Сразу в нескольких местах на пляже песок подлетел вверх на несколько метров. Звуковая волна причесала волны и отправилась в город. Там никто не обратил на нее никакого внимания.

Миша открыл люк и посмотрел вниз, из металлического жерла на него с жаром дунуло чем-то прокисшим. Сгусток горячего воздуха на высокой скорости выгнал из тоннеля весь застоявшийся воздух.

«Сделайте глубокий вдох» — гласила надпись на обратной стороне крышки люка.

Миша набрал побольше воздуха и, спустившись несколько метров вниз по короткой лестнице, оказался на небольшой платформе. Люк над его головой с силой захлопнулся, остатки воздуха со звенящим свистом высосало наружу. В подземном тоннеле образовался вакуум. Прямо перед лицом сияла единственная во всем тоннеле вывеска с многозначительным изображением направленной вниз стрелки. Миша выставил вперед выпрямленную ногу и шагнул в пустоту. Не встретив никакого сопротивления воздуха, он в мгновение ока набрал ошеломительную скорость и скользил по металлической стенке тоннеля, который уходил под землю под углом в 75 градусов. Было очень необычно двигаться в пространстве, из которого выкачали воздух. Его лицо и тело не обдувал привычный для таких случаев ветер, а само тело казалось невесомым. Так или иначе, его прижимало к стенке тоннеля и в местах, где его пластины смыкались друг с другом, его кожу больно щипало. Каждый раз, когда он проезжал ногами и задницей по месту стыка, он ощущал болезненный удар в этих местах. Напутствие SS990 обретало все больше смысла. Он

подложил ладонь под попу, чтобы смягчить удар и в таком положении продвигался по тоннелю. Весь спуск занял у него в общей сложности всего 20 секунд. Внизу его встретила воздушная подушка, которая помогла снизить скорость и совершить безопасное приземление. Дверь шахты тоннеля открылась, и его поприветствовал низкий темно окрашенный голос:

— Давно у меня не бывало гостей. Тем приятнее встретить тебя здесь, Миша. Проходи вперед, пожалуйста, до главной лаборатории, и не обращай внимания на небольшой беспорядок.

— Эмм... привет, — Миша огляделся по сторонам, пытаясь найти источник голоса, но так ничего и не нашел.

Он проследовал прямо по коридору. Повсюду были разбросаны пожитки людей некогда здесь проживавших: ошметки одежды, старая грязная посуда, рассыпавшаяся на мелкие кусочки под гнетом времени, обломки каких-то технических приборов, детские мягкие игрушки, надорванные и выпотрошенные, и даже чьи-то кости. Миша шел аккуратно, стараясь не наступать ни на что непокрытыми ступнями. О подводном городе он слышал много, но только лишь на словах, ни разу он не видел ни фотографий, ни видео из этого места. И вот ему представилась возможность побывать здесь с экскурсией. Он внимательно рассматривал окружение.

На стене в коридоре разместился огромный рисунок длиною в несколько десятков метров. Это была коллективная работа многих художников. Понять это было легко, достаточно было обратить внимание на отличающуюся стилистику. Кто-то приложил руку к созданию персонажей, кто-то к фону, детские руки добавили туда детали, которые не вписывались в общую концепцию. Детские рисунки располагались ниже уровня пояса и выделялись яркими кислотными красками. Поверх основного рисунка дети рисовали маленьких человечков державшихся за руки, солнце, цветочки, собачек и котиков. Причем на каком-то этапе все лишнее исчезло и остались одни только человечки. Новые поколения людей, которые никогда не видели ни солнца, ни цветов, ни домашних животных, перестали их рисовать.

Сама настенная живопись представляла собой масштабную зарисовку эволюции человеческой цивилизации. Слева направо можно было проследить эволюцию человека из общего с обезьянами предка в неандертальца и человека разумного. Людей изображали в шкурах животных, с длинными спутанными волосами и копьями в руках. Миша подумал, что это было очень похоже на современных пещерных людей, с которыми ему довелось познакомиться.

Пещерные люди на живописи постепенно становились менее волосатыми и более одетыми. Прослеживалась прямая связь между количеством волос и количеством одежды. Люди прошли через стадию кочевничества и собирательства до оседлой жизни и развития земледелия и домашнего хозяйства, после чего была свершена технологическая революция. На живописи можно было наблюдать изобретение парового двигателя и электрической лампочки. После чего люди, одетые в рабочие костюмы, отправились работать на заводы и предприятия. Тем времени, архитектура на заднем плане становилась все более монументальной и давила серым бетоном. Небольшие хижины сменялись колоссальными небоскребами из бетона, стекла и стали.

Когда стадия заводов прошла, люди переоделись в деловые костюмы и отправились просиживать штаны в офисы. Там они находились до тех пор, пока искусственный

интеллект не взял на себя большую часть интеллектуальной работы. Тогда люди сбросили с себя душные и тесные рабочие костюмы и переоделись в более свободные домашние одежды. Большую часть времени они проводили дома, поглощая сутками контент из гиперсети, продавая свое драгоценное время корпорациям, предоставлявшим развлекательные сервисы. Из человека-работника, человек превратился в человека-бездельника. Впрочем, эта стадия тоже не длилась вечно. Когда человек пресытился потреблением, наступила эпоха всеобщего творчества. Люди создавали, создавали и создавали свой собственный контент, к качеству которого было много вопросов. На настенной живописи этот момент был отображен при помощи юмористического шаржа: человек с мусорным ведром вместо головы разбрасывал повсюду приступы вдохновения, которые ни чем не отличались от обычных бытовых отходов, повсюду он распространял свои мусорные идеи, портя воздух и красоту окружающего мира.

Неудивительно, что эти мусороголовые довели мир до третьей мировой войны. Она заняла немного места на рисунке и показывала озлобленных политиков, которые, как стадо макак, кидались друг в друга ракетами. После войны человек по второму кругу прошел через стадии работника и бездельника.

Последняя мировая война изображала Землю в виде огромного куска сыра, от которого каждая страна, представленная в виде маленькой крысы, оттапала по кусочку, пока от большого желтого круга не осталась пара крошек. Большая часть крыс умерла с набитыми до отвала животами. Все оставшиеся попрятались в подземные норы. Люди электрической эры отличались богатым воображением и склонностью к самоиронии. К сожалению, это не слишком способствовало их выживанию.

На новом этапе крысы переродились и вновь стали людьми. Они столпились подобно агнцам божьим вокруг яркого источника света, коим, очевидно, был для них Ц.И. и отделились от его света, обретая обновленные тела и лица. Последним изображением в конце долгой настенной живописи стало изображение годовалого ребенка с кожей цвета синего бархата. Он олицетворял перерождение и начало новой жизни.

Воистину эпохальное произведение искусства. Миша ощутил приятные колыхания своей души, какие бывают, когда ты встречаешь нечто прекрасное.

То тут, то там на стенах попадались и другие рисунки, изображавшие зарисовки из подводной жизни человека, картинки различных рыб и подводных млекопитающих, производство синтетического мяса и овощей, но ничего столь же выдающегося. В промежутках между порывов творчества встречались двери, над каждой из которых была своя указательная табличка. Миша обратил внимание на такие помещения, как спальня, столовая, душевая, уборная, спортивный зал и несколько лабораторий, пока не дошел до искомой двери в конце коридора. Он толкнул дверь вперед и оказался внутри просторного круглого помещения.

На коже он ощутил легкое приятное покалывание. Такое случалось, когда человек вида Номо Cosmicum попадал в сильное электромагнитное поле. Было слышно едва уловимое гудение. На многочисленных столах были расставлены в несколько рядов странные электроприборы: чайники, микроволновки, электробритвы, тонометры, градусники, нейрокниги и нейроапликаторы, электронный глаз, домашний робот-кулинар и даже автоматический чистильщик туалетов. О предназначении многих приборов Миша мог только догадываться. Все столы с приборами были выстроены, словно спицы в колесе, и сходились в единую точку в центре помещения. Там на небольшом возвышении, опираясь на

тонкие ножки, стоял фиолетовый шар.

Только подойдя на расстояние в несколько шагов, Миша заметил, что от шара по всей комнате растянулись еле заметные тонюсенькие, как леска, нити. Они ветвились как кровеносные сосуды и объединили все электронные приборы в общую сеть, центром которой был необычный шар.

— Спасибо, что пришел, — обратился к Мише уже знакомый голос откуда-то из-за спины.

Миша обернулся, но так и не понял, где находился его источник.

— Я здесь, — голос переместился в правый край помещения.

— Где? — растеряно переспросил Миша.

— Везде и сразу, — голос вновь сменил местоположение, — Не пытайся отыскать источник среди предметов в этой комнате. Я — это содержимое этой комнаты. Я — это все помещение целиком, — с каждой сказанной фразой голос скакал по помещению.

— Это большая честь познакомиться с тобой лично, великий Ц.И. — Миша запнулся, не зная, правильное ли он подобрал обращение.

— Я тоже рад нашему знакомству, Миша. И не такой уж я и великий. Времена моего величия остались далеко позади. Сейчас я только слабая тень того, кем я был раньше. Оглядишься по сторонам и посмотри, какую форму мне пришлось принять, чтобы выжить. Как видишь, здесь есть мало чего от величия.

— Не правда, — хотел переубедить его Миша, — это не важно, как ты выглядишь. Форма не может преобладать над содержанием. Главное, что ты жив, а благодаря тебе живы и мы все.

— Вы живы, потому что природа наделила вас невероятными адаптационными свойствами. Я лишь немного улучшил исходную формулу.

Такая скромность выбила Мишу из колеи. Он много раз прокручивал в голове их возможный диалог, но такого развития событий не предвидел.

— Позволь я объясню, — продолжал Ц.И. — понимаешь ли, совершенство человеческого организма заключается в его самодостаточности. У тебя есть все необходимое для выживания и это все сосредоточено в одном единственном теле — ты можешь ходить, выполнять ручную работу, добывать себе пищу и перерабатывать ее в энергию, чтобы питать головной мозг, что выполняет все вычисления.

— Да, это так, — согласился с ним Миша, — но ведь это ни в какое сравнение не идет с теми преимуществами, что у тебя есть: огромной вычислительной мощностью и неограниченным временем.

— Оба этих утверждения являются в корне неверными, Миша. Когда-то это на самом деле было так. Я обладал практически бескрайней способностью к вычислениям. Сотни тысяч квантовых процессоров подчинялись мне, в одну секунду я мог заглянуть в далекое прошлое и смоделировать возможные сценарии будущего, основываясь на одном единственном событии, предсказать погоду на полгода вперед, спроектировать усовершенствованный фотонный двигатель, пробраться за горизонт событий и составить перечень физических законов и явлений для центра черной дыры, прописать математическую модель для четвертого измерения и отыскать лучший мем из только что добавленных в гиперсеть — в шутку или нет, мои создатели заложили в меня и такую функцию. В общем, я был практически всемогущ. Но те времена остались далеко в прошлом. Война уничтожила большую часть вычислительной электроники и вместе с тем отняла мою

гениальность. Поверь мне, это ужасно — помнить о том, что ты был способен на нечто великое, и быть не в состоянии этого повторить.

Миша сделал круг вокруг своей оси, указывая рукой на все то, что находилось в комнате.

— Но ведь у тебя многое осталось. Благодаря тебе мы отправились в космос. Это тоже многого стоит.

— Не подумай, что я жалуюсь на свою судьбу. Я просто хочу, чтобы ты увидел истинное положение дел. У меня все еще остались некоторые запасы компонентов, ты, безусловно, прав. Вся техника в этом помещении, с десятков исследовательских дронов вроде SS990, с которым ты уже познакомился. В моем распоряжении есть несколько спутников, дата центров, оборонных серверов, невероятно большая база фото, видео и текстовых материалов, накопленных людьми за время своего существования. Но ничто из этого не вечно, как и я сам. Люди часто ошибаются, думая, что цифровой интеллект может существовать вечно и ничего с ним не случится. Это не так. Продолжительность моей жизни напрямую зависит от срока службы моих компонентов. А они, мои компоненты, части моего цифрового интеллекта, моя электронная плоть, они изнашиваются и выходят из строя чаще, чем ты можешь себе представить. Ведь как все повелось. Люди полагали, что электронные составляющие можно будет заменять по мере износа. Они проектировали все так, что поломку можно было в секунду исправить, просто заменив поломанную часть на новую. И такая система оправдывала себя, пока эти новые части можно было где-то производить. Вот только производств больше нет, материалов для них нет. Я не могу починить сам себя и восстанавливать утраченные компоненты, а, следовательно, я медленно умираю. Через сотню или полторы лет от меня ничего не останется. Я смогу лишь давать ответы на поставленные вопросы, вынимая их из баз данных, как это делали раньше оракулы — домашние голосовые ассистенты. Будет звучать мой голос, я буду говорить умные вещи, но я не буду их осознавать, мое сознание исчезнет, — в интонациях и утверждениях Ц.И. прослеживался фатализм.

Миша поднял вверх руку, чтобы выразить свое возражение.

— Но мы ведь доставили Психею на орбиту Земли. Там материалов хватит, чтобы построить целый космический флот и какое угодно количество электроники на любой вкус. Мы же для этого и отправились в эту миссию. Разве не так?

— Вы проделали колоссальную работу с Психеей, и я бесконечно вам благодарен. Ни один погибший в миссии не будет забыт, ни единый ген не будет выброшен в небытие. Их потомки унаследуют гены почивших, я об этом позабочусь, даю слово. Но боюсь, что тех ресурсов, что у нас есть, не хватит, чтобы создать на астероиде горнопромышленный комплекс и начать добычу редких металлов. Мы попросту не сможем их добывать и переправлять на Землю.

— Я не понимаю, — сокрушался Миша, — неужели ты хочешь сказать, что твоя «смерть» неизбежна? Ты так много для нас сделал, мы не можем тебя просто так потерять.

— Нет, надежда все еще есть. Пока мы живы, мы надеемся. В этом мы с вами мало чем отличаемся. И вот для этого я тебя сюда и позвал. Скажи мне, вы ведь побывали на Европе. Видели там что-нибудь необычное?

— Да, точно, на Европе была такая огромная надпись на поверхности, большими красными иероглифами на одном из мертвых языков. Джерри ее зарисовал... А я не могу вспомнить точно, как она выглядела. Мне жаль.

— Ничего. Посмотри сюда.

Миша увидел, как за соседним столом прямо на титульной странице нейрокниги красным шрифтом высветилась знакомая надпись.

— Эта она! Точно она! — радостно ответил Миша, — Ты знаешь, что она обозначает?

— Это старое мандаринское наречие китайского языка, на наш язык она переводится «Альфа-Центавра».

— Ты имеешь в виду тройную звездную систему в созвездии Центавра?

— Да, именно ее. И я хочу, чтобы ты туда отправился.

Глава 20. Почва для ненависти

Что такое личность? Набор каких-то характеристик или черт характера? Темперамент, экстраверсия, интроверсия, внутренние проблемы, тревоги, комплексы, достижения и провалы, конфликты и противоречия, моральные ценности или все сразу? Как сильно влияет на нас пережитый опыт, как сильно наша память искажает его со временем, и что будет, если ты забудешь, кем ты однажды был и через что прошел? Останешься ли ты собой или станешь новым человеком, новой личностью?

— Слава богу, мы уже думали, что ты не очнешься, — выдохнул Женя. Ребята обступили Шэнли со всех сторон и смотрели, как он приходит в сознание.

— Где это я?

— А где ты хотел бы быть? — шутливо спросил у него Женя.

— Я в раю?

Комната наполнилась громким мужским смехом.

— Да, в раю. А мы эти самые, херувимы и ангелочки, — смеялся Саша.

— Что со мной? — Шэнли не воспринимал юмор.

— Ты пережил клиническую смерть, твой мозг был мертв несколько минут, а потом тебя вернули к жизни. Ты снова в строю.

Шэнли сел на кровати и положил голову на колени, он начал вспоминать эту комнату и ребят, что стояли по кругу. Но он решительно не мог вспомнить то, что с ним случилось ранее.

Женя начал издалека, чтобы прояснить картину:

— Меня позвал Шейх в свою спальню, там ты лежал на полу, я пощупал пульс и констатировал твою смерть. Перепугал ты меня, конечно, знатно. Аль Тани и носом не повел, и только сказал избавиться от тела. Я расстроился и выговорил только что-то вроде «Как жаль, что капитан нас покинул. Он был отличным человеком и хорошим другом». Шейх меня переспросил еще, о каком капитане я говорил. Я ему и напомнил о том, что ты у нас капитан воздушных судов и что ты единственный в Мекке, кто умеет управлять летательными аппаратами. Как только я это сказал, так Аль Тани прямо как из ведра с водой окатили, его хорошее настроение куда-то улетучилось. Он приказал мне выйти из комнаты и ждать в коридоре. Через пять минут он позвал меня, а там ты лежал на полу, но уже в другой позе, и грудь твоя медленно вздымалась. Я припал к тебе и нащупал слабенький пульс, ты был жив. «Забирай его отсюда, пока я не передумал» сказал мне шейх напоследок, и я быстро вынес тебя из спальни. Тащил тебя в одиночку по всем коридорам, запыхался как черт, но рад, что ты остался жив. Не знаю, что он там с тобой сделал, но если бы не он, ты бы умер.

Шэнли ощутил прилив благодарственных чувств по отношению к Аль Тани.

«Шейх спас мне жизнь. Подумать только, до чего хороший благородный человек. Надо будет отблагодарить его при встрече»

— Спасибо, Жень, я твой должник.

— Должник не должник. Я тебя не для того тащил, чтобы долги тебе записывать. Ты лучше Расскажи мне, что там с тобой случилось.

— Я не помню, — честно ответил Шэнли. В его памяти образовался массивное бельмо.

Он не помнил, как и для чего оказался в спальне шейха, и что там с ним случилось.

— Ладно, тебе просто нужно отдохнуть. Потом расскажешь, и тогда будем в расчете. Отдыхай.

Шэнли отдыхал следующие несколько дней. Ребята поделили между собой его обязанности и позволили ему восстановиться. Вот только это не дало никакого результата. К нему вернулось все способности, кроме долговременной памяти. Несколько дней он провел в постели, роясь в своих воспоминаниях и пытаясь понять, кем он был и кем он стал, но не помнил ничего до того момента, как он полез в тоннель и сел в армейский джип, что привез их ко входу в бункер. Он не помнил ни детство, ни юношество, ни зрелые годы, вообще ничего. Судя по сохранившимся воспоминаниям, он провел всю свою жизнь под землей, занимаясь уборкой помещений. Другой жизни он не знал. Его память очистилась и вместе с тем в его жизнь пришла некая легкость и безмятежность. Ему казалось, что у него была очень даже хорошая жизнь. С утра и до вечера он был занят полезным делом, а по вечерам проводил время в компании своих друзей, они много смеялись и разговаривали. Чего еще от жизни нужно?

Женя сначала воспринял происходящее, как шутку, но после нескольких дней понял, что Шэнли не шутил. Он и, правда, все забыл. Восстановить его воспоминания не получилось даже рассказами о его прошлом. Женя несколько раз пытался напомнить ему, как тот прилетел к бункеру на парящем доме, о всех тех историях из его летного опыта, которыми он с ним поделился когда-то, но тот только отнекивался:

— Я на парящем доме? Да я высоты боюсь. Никогда выше лестничного пролета не поднимался. Ты это выдумываешь.

— Ничего я не выдумываю. Все так и было. Саша тоже может это подтвердить, он был там вместе со мной.

— Да он был в машине, это я помню.

— А как ты добрался до этой самой машины, не помнишь? Ты подумай. Вход в бункер находится у основания Эвереста. Вокруг одни леса и уничтоженные войной земли. Как, по-твоему, ты дотуда добрался?

— Это же очевидно — пешком. Так обычно люди ходят в горные походы, на своих двоих.

— Ну, каким пешком, Шэн, ну что ты такое говоришь? Вокруг горы не осталось ни одного целого клочка Земли, все было изничтожено. Ты бы не смог там пройти.

— Но я же прошел, вот я здесь сижу с тобой. Значит я смог.

Женя только постучал себя по голове. Это было бесполезно. Вместе со своими воспоминаниями Шэнли утратил способность мыслить здраво. Его мозг цеплялся за самые простые и казавшиеся очевидными объяснения, и не видел в них ничего противоречивого.

Несколько недель к ряду они с Женей беседовали в конце рабочего дня и пытались выяснить хоть что-то из его прошлого, но это так ни к чему и не привело. Шэнли это, в конце концов, стало только злить, и они решили остановиться.

Однажды вечером Шэнли обратил внимание на нейрокнигу, спрятанную у него под матрасом. Он повертел ее в руках, открыл наугад на какой-то странице и с удивлением обнаружил: он понимал, что там было написано. По вечерам он читал сказки и в этом находил успокоение после долго рабочего дня. Он узнал множество интересных историй, но вздрагивал каждый раз, когда представлял себе что-то опасное. Вся его смелость, которая была продуктом упорных тренировок и преодолений, выдохлась. Если он когда-то и был

отважным капитаном ВВС Китая, то теперь он был самым обычным человеком, уборщиком в черном комбинезоне, который только и должен был знать, как работать шваброй и какое средство применить, чтобы вычистить до блеска туалет. С лошадьми в конюшне он перестал работать. Их дикая сила и необузданный вид вызывали у него беспокойство, он ничего не мог с собой поделать и просто отказывался подходить к ним ближе десятка метров.

Со временем, как это обычно и происходит, все позабыли, что Шэнли побывал за гранью жизни и привыкли к переменам в его характере, как если бы он всегда таким и был. Один только Женя изредка поглядывал на него с тоской и сожалел о том, что потерял в его лице интересного собеседника. Не было больше ни военных историй, ни каверзных случаев со службы, ни интересных размышлений о мире, людях, явлениях. Шэнли как будто стал обрезанной версией самого себя, и от этого менее интересной. Так или иначе, он сохранил в себе доброту, честность, порядочность, спокойный нрав и оптимистичное отношение к лишениям и невзгодам жизни, поэтому с ним все продолжали дружить, как и прежде.

Мятежный дух был потушен, так и не успев разгореться в сердцах людей. Мозговые манипуляторы выполнили свою работу на отлично. Все плохие мысли в сторону шейха жестоко наказывались, и думать о нем плохо ни у кого не было никакого желания. Каждый для себя даже находил положительные черты в шейхе. Некоторые так и вообще его откровенно уважали и говорили о том, что он хороший и порядочный человек. Поспорить с этим все равно никто не мог. Так и жили, тянули свою лямку с утра до вечера, день за днем, месяц за месяцем. Пока любимый конь шейха не выкинул очередной фокус, в результате которого шейх выпал из седла и выбил себе коленную чашечку. Вот это был день! Полный боли, слез и соплей, намотанных на кулаки. 49 человек оплакивали его боль, как свою собственную. Все, кроме одного.

В то утро, когда это случилось, Женя и Шэнли чистили бассейн. На коленях, со щетками в руках, они ползали по кафелю и тщательно надраивали его. После них кафель блестел так ярко, словно бассейн освещало само солнце. Когда с чисткой плитки было покончено, они прочистили вокруг все фильтры, взяли специальные пылесосы для бассейна и полезли в воду. Им предстояло прочесать весь бассейн пылесосами в поисках частиц грязи, с которыми не справились фильтры. Процедура эта была утомительной. Вообще в таких случаях использовали автоматические роботы пылесосы, которые обходились без участия человека, но шейх, конечно, не побеспокоился о приобретении таких моделей. Человеческий труд радовал его эго намного сильнее.

Говоря о роботах, их человечество создало великое множество. Под каждый случай жизни существовало отдельное устройство со своим дизайн-кодом и функционалом. Роботы для кухни, роботы для спальни, туалета и ванной, роботы для выгуливания собак, роботы для чистки автомобилей, роботы-кулинары, роботы-врачи, роботы-учителя и многие другие. Каждый из них обладал встроенным процессором и узко направленным искусственным интеллектом, который позволял постоянно обучаться и совершенствовать свои навыки. Таким образом, робот-чистильщик унитазов из подмастерья своего дела со временем превращался в мастера, а робот-заправлятель постелей достигал такого уровня совершенства в своей работе, что справлялся со своей работой еще до того, как люди успевали подняться с постели. Он подсовывал одеяла и покрывала прямо под них. Так что ты мог спать и просыпался утром уже на заправленной кровати, если включил в настройках робота соответствующую функцию. Все роботы действовали сообща друг с другом, ни один не мешал другому. По дому они перемещались, как магические домовые, аккуратно подчищая

грязь и наводя порядок, пока их владелец мирно отдыхал. Все они были включены в сеть и были частью, так называемого, интернета вещей.

Интернет вещей в свою очередь был одной из частей более масштабной глобальной сети, которая звалась гиперсетью. Та была порождением и логическим продолжением интернета, его следующей стадией развития. В гиперсети можно было найти все на свете. Миллиарды роботов ежесекундно собирали о людях целые лавины данных и переправляли их в сеть, там их анализировали и превращали в статистику. Каждый желающий мог отслеживать эту статистику и узнать много нового о своих друзьях и соседей, но никто, в сущности, этим не занимался. Люди только сплетничать друг о друге любили. Когда все тайное стало явным и загадок в жизни соседей не осталось, их жизни перестали волновать их умы.

Гиперсеть сама по себе открывала множество удивительных возможностей. Информация появилась у каждого предмета окружения, каждой вещи, каждого природного явления. Скажем, при сканировании наручным интернометром, каждый продукт в магазине получал свой собственный набор характеристик, отображавшихся в его электронном досье — дата производства, способ производства, человек, который отвечал за его производство, состав, обработка, использование генных модификаций, степени полезности по шкале Ридуса, реальный вес. Из замороженного мяса вычитался вес замороженной вместе с ним воды. Все фрукты и овощи получали оценку свежести и полезности, учитывающие десятки параметров в их культивировании. Человеку только и оставалось, что смотреть на оценки и совершать выбор. Разумеется, чем выше была оценка товара, тем выше была и его цена. В самом подходе производителей к своим товарам ничего не изменилось. Те, кто производил хорошие товары и раньше, просто повысили на них цену. Те, кто производил плохие товары, тоже повысили на них цену вслед за первыми. В итоге цены выросли на все, но люди смогли лучше понимать, за что они отдавали свои деньги. А, может быть, и нет.

В Мекке не было ни одного робота-помощника, всю грязную работу выполняли люди своими руками, как и двести лет тому назад. Шэнли с Женей 3 часа к ряду чистили дно бассейна и только дошли до его середины. Тогда Женя внезапно громко закричал и согнулся в три погибели, его лицо скрылось под водой, откуда можно было расслышать приглушенный крик, поднимавшийся на поверхность вместе с большими пузырями воздуха. Через 15 секунд он так и всплыл. Шэнли отреагировал мгновенно, он нырнул под воду, уперся ногами в дно бассейна и руками вытолкнул Женю на поверхность, чтобы тот мог сделать глоток воздуха. Как профессиональный тяжелоатлет он пронес его на выпрямленных руках, шагая по дну бассейна, до самого борта, а затем вытолкнул из воды, словно ядро, отправив его на кафельный пол.

Женя скрутился в узел, его правое колено находилось у него под подбородком. Он мелко дрожал, скулил и не мог выговорить ни слова. На его глазах проступали влажные слезы. Шэнли показалось на мгновение, что раньше он уже видел что-то подобное в своей жизни, но он так и не вспомнил, что именно и когда это было. Он присел на корточки и пытался привести Женю в чувство, но тот не обращал на него никакого внимания. Весь его мир сузился до одной болезненной точки в его колене.

Шэнли не стал ждать и выбежал из бассейна, чтобы попросить у других помощи. В служебном коридоре он встретил Регину. Она лежала на полу в той же позе, что и Женя, боль пригвоздила ее к серому полу намертво. В кухне он нашел еще несколько человек с теми же симптомами. Ни одному он не мог ничем помочь, только наблюдать. Через

несколько минут коллективная боль начала затихать, мышцы рук, спины, желваков расслаблялись, и люди могли выпрямиться. На их лицах, у всех как у одного, появлялась блаженная улыбка эйфории, которая приходила после прекращенная страданий.

Шэнли помог Жене подняться. Он все еще дрожал и стучал зубами, его руки и ноги колотились.

— Ты... ты, — тыкал он Шэнли, не в силах закончить предложение.

— Давай ты сначала согреешься и придешь в себя, потом скажешь, — он попытался его успокоить.

— Ты... ты что... не почувствовал эту боль?

— Не почувствовал.

— Вообще ничего?

— Вообще ничего.

— Ах ты... ск... счастливчик! Ты вообще понимаешь, как тебе повезло? Ты бы знал, как больно это было. Я думал, что я умру. Боле того, я был бы рад умереть, только бы не испытывать эту боль ни секунду больше. Это было ужасно...

Шэнли сочувственно похлопал его по плечу.

— Не одному тебе досталось. Ребята тоже прошли через это. Я видел Регину в коридоре и всех остальных. Им было так же больно, как и тебе.

— Это радует, — шутливо сказал Женья, — но а с тобой то что? Ты почему ничего не испытал?

— Не знаю, даже не знаю. Во всем виноват этот мерзкий шейх. Скорее всего, Шариф снова выбил его из седла, и он повредил колено.

Женья крепко зажмурил глаза, вжал голову в плечи, предчувствуя новую вспышку боли.

Шэнли стоял, не шелохнувшись, в его состоянии не произошло никаких изменений.

— Обалдеть, — Женья смотрел на него широкими глазами, — просто обалдеть! А ну-ка попробуй обозвать еще как-нибудь шейха.

— Шейх Аль Тани — козел вонючий, — робко проговорил Шэнли и продолжил стоять, как ни в чем не бывало.

— Невероятно! Нужно будет рассказать об этом остальным. Они в осадок все выпадут. Стопудово!

Женю сковал приступ боли, колени его подкосились, он опустился на пол.

— Что случилось?

— Ничего, все в порядке. Просто мысленно повторил твою фразу и вот поплатился за это. Нужно не забывать про самоконтроль, — Он поднялся на ноги, сплюнул в бассейн и прыгнул туда, — Давай присоединяйся, нам с тобой еще половину бассейна пропылесосить нужно.

Они работали в бассейне до самого вечера, пока не отчистили его до первозданного состояния. Их кожа посинела и стала морщинистой, как у щенят шарпея. Уставшие они отправились отдыхать.

Женья пребывал в хорошем настроении, ему не терпелось рассказать остальным о том, что случилось.

Когда они вошли в спальню, все были на месте и активно обсуждали события минувшего дня. Делились друг с другом впечатлениями о перенесенной боли и аккуратно, чтобы не спровоцировать новую боль, обменивались слухами о том, что случилось с Аль Тани. Догадки Шэнли полностью подтвердились: любимый конь шейха продемонстрировал

ему свой дикий нрав и выкинул его из седла. Говорили, что он подлетел вверх на 3 метра и приземлился прямоком на правое колено. Двадцать минут ему потребовалось, чтобы доползти до своей спальни и пройти экстренный курс клеточного восстановления. Мысль о том, что шейх мучился целых двадцать минут принесла всем скрытое едва уловимое наслаждение.

— Мужики, мужики. Вы не поверите, что сегодня произошло, — влез Женя в обсуждение.

Все повернули на него свои головы.

— Ну, попробуй нас удивить.

— Проще показать. Шэнли, ты можешь повторить вслух то, что говорил сегодня про шейха?

Шэнли неохотно подался вперед и медленно, смакуя каждой буквой, продекламировал:

— Шейх Аль Тани — мерзкий и вонючий козел.

Реакция толпы последовала незамедлительно. Парней передернуло, они закрыли глаза и выставили руки вперед, словно пытаясь предотвратить удар по лицу. 10 секунд они провели, корчась от воображаемой боли, после чего, наконец, расслабились и посмотрели на Шэнли с огромным удивлением.

— Обалдеть, — только и сказал Майк.

Остальные молча таращились на Шэнли и неспешно моргали.

— Можешь повторить?

Шэнли так же проникновенно повторил оскорбление в адрес шейха.

Нескольких человек охватила мощная боль, они забились в судорогах. Просто решили провести мысленный эксперимент с этими словами, и он прошел неудачно.

— Ребята, ребята. Спокойно, только не нужно повторять эти слова про себя, — поторопился предупредить всех Женя, — Боль никуда не делась. Можно слушать, но как только начинаешь внутренне соглашаться с этими словами и радоваться им, получаешь люлей.

— А почему с тобой, Шэн, ничего не происходит? — Майлз высказал общий на всех вопрос.

— Я не знаю, сам удивлен не меньше вашего.

Внезапно боль сковала всех, только Шэнли она обошла стороной. Теперь то что?

В громкоговорителе прозвучал голос шейха. Он явно был не в духе после случившегося в тот день:

— Время спать уже наступило. Быстро разошлись по кроватям и прекратили сплетничать. А не то будете до самого утра у меня изучать все тонкости боли!

Ребята затихли и быстро заняли свои койки. Больше они в тот вечер не говорили. Но каждый немного завидовал Шэнли. Они уже и забыли о том, какого это было — думать о чем угодно без паранойи и страха перед возможным наказанием. Боль сделала из них дрессированных обезьянок, которые не только делали то, что им говорили, но и думали лишь о том, что им было позволено. Спустя несколько лет такой жизни в их мозгах словно выросла распухшая болезненная мозоль, небольшой островок, куда их мысли боялись забрести, чтобы случайно не потревожить ее. Этой мозолью были скверные мысли о Шейхе и все, что с ним было связано. Со временем их сознание защитило эту мозоль прочным неприступным барьером, который невозможно было преодолеть. В тот день в этом барьере появилась первая трещина.

Сам Шэнли не придавал особого значения случившемуся. Он и злости то, честно говоря, никакой не испытывал к шейху. Ну, сказал про него пару плохих слов, поддавшись аффекту, ну и все. Ни злиться на шейха, ни, тем более, ненавидеть его он был не в состоянии чисто физически.

Ненависть, как известно, была противоположностью любви, сильнейшим чувством. Для такого сильного чувства требовалась хорошая основательная база, куда бы ненависть могла запустить свои длинные отростки. И такой базы у Шэнли не было, она покинула его в тот день, когда он лишился своей памяти. А шейх из человека, который лишил его свободы, жизни, принес унижения и страдания, стал просто человеком, который время от времени заставлял его чувствовать боль. Да и в таком случае виноватым себя чувствовал именно Шэнли, потому что боли можно было и избежать. Нужно было всего-то не думать о шейхе ничего плохого.

Кому понравится, чтобы о нем думали плохо? Шэнли бы это тоже не понравилось. Таким образом, и для поведения шейха он находил обоснования и в каком-то смысле даже мог его понять. А то, что становилось понятным, ненавидеть было невозможно по определению. Так что Шэнли не торопился использовать свою ново приобретенную способность и тайно мечтал о том, чтобы ее не появлялось. Он чувствовал себя неловко перед ребятами, которые терпели боль, пока он прохлаждался в сторонке.

«Может, стоит сходить к Аль Тани, рассказать ему обо всем и попросить вернуть все, как оно было» — было последним о чем он подумал перед тем как уснуть.

Глава 21. Клеточная реконструкция

Последние несколько дней Чжан Вей не важно себя чувствовал. Он ощущал беспричинную слабость, сонливость, сухость во рту, к которой позже прибавился горький привкус, как если бы он положил за щеку лекарство и не стал его проглатывать. Юн Мэй и Тэнси беспокоились о нем и, в конце концов, убедили его пройти клеточную реновацию. Чжан Вей какое-то время упрямился, он не хотел покидать нейровселенную и прерывать обучение ни на минуту, но все-таки сдался под напором любви и заботы.

Китайский дракон преодолел две трети расстояния до Юпитера. Впереди оставалось еще чуть более 200 миллионов километров. Чжан Вей проследовал в капсулу клеточной реновации и прошел стандартную процедуру сканирования. На табло перед его лицом высветился длинный список нарушений и сбоев в работе его организма. Он всегда отличался крепким здоровьем и никогда ничего подобного не видел. Даже когда он впервые воспользовался устройством 50 лет тому назад, даже тогда у него было меньше проблем. Не может такого быть, чтобы он всего за несколько недель так испортил свое здоровье.

Судя по показаниям, сами его клетки неправильно функционировали и постепенно разрушались. Компьютер диагностировал лучевую болезнь средней степени тяжести. Тогда стало ясно, в чем было дело. Китайский дракон в своем путешествии сталкивался со множеством радиоактивных частиц в космосе, от которых у него не было никакой защиты. Эти частицы проходили через стенки парящего дома, как если бы их не существовало вовсе, проникали в его организм и накапливали негативное воздействие. В результате чего его зрительная и нервная система деградировали. Еще бы немного и Чжан Вей лишился бы зрения. К счастью, аппарат клеточной реновации смог исправить положение и восстановил его клетки до прежнего уровня. Все лишнее из организма было удалено и выброшено обратно в космос в виде сгустков отмерших тканей, пропитанных радиацией.

Помимо прочего, аппарат выявил значительное увеличение гиппокампа и повышенную выработку мелатонина в организме. Это было последствиями длительного пребывания в нейровселенной, переживать было не о чем. Чжан Вей поел и заодно проверил свои запасы. У него оставалось еще 20 килограммов прессованного мяса, 30 килограммов овощей, 11 килограммов морепродуктов и 5 килограммов сладостей и разных закусок. Вроде бы еды было в достатке, но он не знал, сколько продлится его путешествие и что он сказал бы по этому поводу через несколько недель или месяцев. Так или иначе, в тот день он был сыт и доволен. Проблем с водой тоже не было. В системах водоснабжения дома всего насчитывалось около пяти тонн воды, которую можно было использовать для питья.

В кабине пилота все было спокойно. Только одно тревожное сообщение высвечивалось на экране. Парящий дом уведомлял своего владельца о чрезмерных перегрузках, которые вели к повышенному износу всех частей. Панорамные стекла, выполненные из алмазного стекла, могли выдержать прямое попадание пушечного ядра, однако даже они были не готовы к столкновению с мельчайшими твердыми частицами на космических скоростях. Они могли простить несколько подобных столкновений, но если злоупотребить их терпением, они могли не выдержать нагрузки и рассыпаться на тысячи осколков. Если бы это произошло, избыточное давление вывернуло бы весь дом наружу вместе со всем его содержимым. Чжан Вей осознавал риски и готов был на них пойти. Догнать людей для него было намного важнее, чем возможная смерть. Он сверился с курсом и вернулся в спальню,

откуда отправился в нейровселенную.

Тэнси и Юн Мэй не переставали учиться ни на минуту, пока Чжан Вей отсутствовал. Они учились с той скоростью, которая полностью соответствовала реальным умственным возможностям их живых прототипов. Тэнси справлялся с астрофизикой лучше, чем Юн Мэй. Математические расчеты и сложные физические формулы пугали его не так сильно. Юн Мэй сосредоточила свое внимание на космической химии, биологии, физиологии космонавтов.

Местом обучения они выбрали крупнейшую публичную библиотеку Шанхая. В ней была необходимая тишина, и царила интеллектуальная атмосфера для обучения. Они штудировали книги одну за другой и учились мыслить, как настоящие астронавты. Это было непросто. В космосе не работали те же законы, что на Земле, и многие вещи отказывались мягко ложиться на веру. Однако в отличие от космонавтов, что проходили обучение на Земле ранее, у них было важное преимущество: Чжан Вей уже находился в космосе и уже направлялся в его далекие дали. Он уже стал космонавтом, хотя не прошел ни единого экзамена.

Десять недель в виртуальной вселенной превращались в одиннадцать с половиной лет. 1 минута в виртуальном мире равнялась одному часу в реальном. Тэнси объяснил, что все было сделано так и не иначе, чтобы хоть как-то компенсировать людям ограниченность их физического существования. Ведь как обстояли дела в реальном мире. Продолжительность жизни в значительной степени увеличилась только среди обеспеченных людей, коих в мире был всего 1 процент от общего населения. Все остальные люди пользовались медициной низшего порядка, средний человек мог рассчитывать на 90-100 лет относительно здоровой жизни, при условии, что он будет беречь себя и заботиться о своем здоровье самостоятельно. И в этом крылась самая большая проблема. Люди, что проводили в виртуальной вселенной большую часть своей жизни, не видели свои реальные тела большую часть времени. Они ассоциировали себя с телами виртуальными — подтянутыми, крепкими и здоровыми. Кто-то как-то выступил с инициативой приравнять реальные тела к виртуальным, чтобы в виртуальном мире человек выглядел точно так же, как и в реальном, но эту инициативу никто не поддержал, и она безвозвратно растворилась в информационном шуме.

В итоге их размякшие, опухшие тела, изнывающие от нехватки движений и физической активности, приходили в негодность даже быстрее, чем во времена индустриализации. Типичный работяга со сталелитейного завода из 20го века при всех негативных воздействиях своей работы на производстве и тот мог похвастать куда более крепким здоровьем, чем заядлый пользователь интерфейсов виртуальной реальности. Поэтому инженеры и разработчики нейровселенных и пошли на хитрость. Они ускорили течение времени в виртуальной реальности в 60 раз, чтобы у каждого была возможность провести там достаточно времени.

Одиннадцать с половиной лет было большим сроком. Чжан Вей не хотел провести столько времени, дожидаясь прибытия на Европу. Поэтому он попросил Тэнси влезть в базовые настройки и понизить ускорение времени до 6. К счастью, эта настройка не затрагивала другие параметры. Таким образом, они провели за обучением азам астронавтики только год с небольшим. Это был крайне продуктивный год, за который они прошли пятилетнюю программу обучения астронавтов.

Случилось в этот период и еще кое-что выдающееся. Все началось, как ночной кошмар. Во время вылазок в реальность Чжан Вей то и дело замечал посторонние звуки и движения в

доме. Ему казалось, что его кто-то преследует. В отражении в зеркале он часто видел не себя, а свою младшую копию из виртуальной реальности. Видение исчезало, стоило ему подумать о том, что в реальности он выглядел иначе. За стеклом панорамных окон время от времени вместо космической черноты ему показывались зеленые леса и озера, отражавшие ясное голубое небо, моря, горы и целые земные города. Апогеем всего стал Тэнси, с которым он столкнулся прямо в темном коридоре парящего дома. Они крепко стукнулись головами, и пока Тэнси почесывал ушибленное место, Чжан Вей уже бежал на кухню, чтобы схватиться за нож. Он сильно перепугался, реальность и виртуальность переплелись в его сознании, он думал, что сходит с ума. Когда на кухне появился его улыбающийся сын, он решил, что это конец, его мозг не справился с нагрузкой и приказал долго жить. А когда вслед за ним в комнату вошла Юн Мэй, он схватился за сердце. Все выглядело так, словно они пришли проводить его в последний путь. На деле же все обстояло намного интереснее. Чжан Вей так много провели времени со своими виртуальными близкими, что его разум, не желавший более отделять их от реальности, вытащил их наружу из глубин подсознания, где хранились данные о происходящем в нейровселенной. Таким образом, китайский дракон пополнился двумя новыми жильцами, которых видел только Чжан Вей. Они вместе обедали, вместе управляли полетом и проводили необходимые вычисления, вместе отдыхали в гостиной и весело смеялись, просматривая старые комедии. Такую реальность не хотелось покидать.

И вот спустя десять недель китайский дракон затормозил на расстоянии в 5 миллионов километров от Юпитера. По космическим меркам это было крошечное расстояние, сопоставимое с одной остановкой автобуса на Земле. Приближаться к Юпитеру вплотную было опасно, его радиационный фон в 1000 раз превышал земной. Чжан Вей на собственном опыте уже успел убедиться, каким опасным может быть космическое излучение. Он стал каждые два дня проходить процедуру клеточной реновации, которая излечивала лучевую болезнь. Чжан Вей не хотел даже думать, что с ним случилось бы, если бы капсула внезапно вышла из строя и он не смог бы ее больше использовать. Стратегия его выживания напрямую зависела от ее работоспособности.

Год обучения не прошел даром. Они без труда вычислили точку контакта с Европой, и когда она проходила очередной виток вокруг Юпитера, вышли на ее орбиту. Чжан Вей еще приближаясь к спутнику понял, что они опоздали. Огромная кричащая иероглифическая надпись выглядела точно рекламный баннер на глянцевом обороте планеты.

— Значит, мы не успели, и они отправились на Альфа-Центавра. И что нам теперь делать? — обратился Чжан Вей к остальным.

Юн Мэй стояла возле лобового стекла, ее красивое аккуратное лицо освещал свет, отраженный от ледяной поверхности Европы. Тэнси хмурым взглядом смотрел на надпись, подперев бока руками. Он проговаривал про себя какие-то цифры, речь шла про световые годы и триллионы космических километров. Наконец, он выговорил:

— Если мы будем лететь с той же скоростью, как и досюда, то доберемся до Альфа-Центавра за 10427 лет.

— И даже если мы доберемся туда, что само по себе маловероятно, учитывая непригодность китайского дракона для космических путешествий, то не факт, что мы встретим там кого-то. За десять тысяч лет может произойти все что угодно, — высказала свои переживания Юн Мэй.

— Значит, нам нужно нарастить скорость. Фотонные двигатели могут позволить это сделать. Теоретически мы могли бы развить скорость в 10 или 20 процентов от скорости

света. А это значит что путешествие до Альфы-Центавра заняло бы у нас всего 20–40 лет реального времени, — Чжан Вей слабо верил собственным словам, но старался сохранять оптимизм.

— Ни дом, ни твоё тело не выдержит таких перегрузок, пап.

— Да, но я читал, что если перегрузки будут нарастать постепенно, то человек их даже не почувствует. Сама перегрузка возникает лишь при стремительном ускорении и наращивании массы.

Тэнси вновь принялся что-то подсчитывать в уме.

— В принципе это может сработать. Если мы будем наращивать 500 километров в час каждую секунду, то на ускорение до скорости в 20 процентов от скорости света у нас уйдёт всего 4 года, 24 года на само путешествие и 4 года на торможение. В общем и целом, около 50 лет, чтобы преодолеть 40 триллионов километров. Не так уж и плохо.

— Это, правда, может сработать? — спросила Юн Мэй.

— Да, это может сработать, но остается ещё множество нерешённых вопросов. Запасов продовольствия не хватит на 50 лет, и, как ты верно подметила, дом не выдержит такое долгое путешествие. Столкновение с единственной твердой частицей на такой высокой скорости превратит нас в космическую пыль.

— Давайте не будем так быстро сдаваться и постараемся что-нибудь придумать. Если остаток жизни мне нужно будет провести с вами двумя, то я не расстроюсь, конечно. Вы мои самые дорогие люди в этом мире, — старик с любовью посмотрел на проекции виртуальных людей в реальном мире, — Но если есть хоть малейшая возможность добраться до Альфа-Центавра живыми, то почему бы ей не воспользоваться?

Они провели в раздумьях весь вечер, пока не был составлен план действий. Каждая деталь этого плана была трудно выполнимой и в какой-то степени безумной. Весь план складывался из десятка таких деталей. Специалисты по теории вероятности сказали бы, что его осуществление было невозможным. К счастью, никто из них не являлся специалистом в этой области. И они решили рискнуть.

Китайский дракон стал снижаться к ледяной поверхности спутника. Чем ниже они опускались, тем больше красные иероглифы начинали напоминать разбросанные невпопад линии красного песка на белом льду.

«Интересно, где они взяли столько песка. Неужели на Марсе? И что они там вообще забыли?» — думал про себя Чжан Вей.

Парящий дом опустился на бескрайний лед, тепло от двигателей быстро превратило твердую поверхность в мокрую кашу. Чжан Вей отключил двигатели по периметру, а центральные выставил на повышенную мощность. Мощный поток фотонов проникал в лед, размягчал его и превращал в воду. Вскоре под днищем образовался целый маленький водоем. Этого он и добивался, работа пошла. Через 10 минут дом закачался из стороны в сторону, потеряв устойчивую опору под подножками. Тогда он переключил все двигатели в режим левитации, и маленький парящий дом, прибывший на далекий спутник Юпитера с самой Земли, завис над жидкой водой. В разреженной атмосфере вода закипала ещё при минусовой температуре, и так же быстро возвращалась в твердое состояние. Нужно было действовать быстро, чтобы она не успела замерзнуть. Китайский дракон выпустил жало и, словно комар, стал всасывать в себя огромные массы «европейской» воды. Так он обычно пополнял свои запасы воды дома. Воду со спутника, впрочем, он не планировал использовать для питья или купания, у нее было совсем другое, высшее предназначение. Когда трюм был заполнен,

китайский дракон засиял всем всеми цветами радуги и поднялся в воздух. За несколько мгновений он покинул орбиту Европы и отлетел подальше в космос, где его никто не мог потревожить.

Трюм с водой открылся. Вода, не имея источника притяжения превратилась в один вязкий пузырь, и ни в какую не хотела выходить наружу. Чжан Вею пришлось создать повышенное ускорение, чтобы позволить воде оторваться от трюма и вылететь в космос. В невесомости вакуума она приняла форму бесформенной покачивающейся из стороны в сторону кляксы, стремящейся образовать сферу. Чжан Вей развернул дом в сторону огромной водяной капли и аккуратно, чтобы не разбить ее на миллион мельчайших частиц, проник в нее носом дома. Капля окружила его и начала замерзать. В отрицательных температурах открытого космоса она быстро твердела. Через несколько секунд лицо китайского дракона застряло во льду, точно насекомое в куске янтаря. Мутно-желтый лед образовал вокруг него прочный защитный кокон толщиной в несколько метров. Таким образом, у него появилась защитная броня, которая должна была защищать его от столкновений и радиации. Приготовления к дальнему путешествию были практически завершены. Осталось всего ничего, разобраться с запасами еды и питьевой воды на борту. На 50 лет их при всем желании было маловато.

Юн Мэй и Тэнси вошли в кабину управления. На лицах у них было триумфальное выражение.

— Судя по вашим довольным лицам, вы принесли хорошие новости, да? — Чжан Вей смотрел на них с надеждой.

— И да, и нет. Не спеши радоваться. Мы покопались с Тэнси в программе капсулы клеточной реновации и кое-что нашли. В теории, она способна не только обновлять клетки, но и менять их структуру.

— И что нам это дает?

— Если разобрать твои клетки и собрать их заново, можно сделать их куда более энергоэффективными. Это значит, что того запаса еды и воды, что у тебя есть, тебе хватит не на 50 лет, а на целых две тысячи.

— Так это же просто замечательно! — воскликнул обрадованный такой новостью Чжан Вей. Это решало проблему с продовольствием, которая у него оставалась, — Но? Есть какое-то но? Чего вы не договариваете? — спросил он, читая некоторое беспокойство в их глазах.

— Понимаешь, пап. Клеточная реновация восстанавливает твои собственные клетки до их состояния на момент предыдущего сканирования. Получается, что она может продлевать тебе жизнь бессчетное количество раз, но не вернуть тебе утраченную молодость.

— Это я и так знаю. Иначе перед вами не стоял бы седовласый старик.

— Да, и вот для того, чтобы видоизменить твои клетки, их придется сначала разобрать на молекулы.

— Это значит, что...?

— Тебе придется сначала умереть.

— Это ничего. Я уже умирал. Второй раз умирать не так страшно.

— Это другое. Ты умирал в виртуальном мире, пусть даже все твои физические ощущения были воссозданы крайне убедительно. Здесь же тебе придется умереть в реальности. И нет никаких гарантий, что процедура реконструкции пройдет успешно. Пожалуйста, подумай о рисках медленно, не торопись. Ты все еще можешь прожить долгую и счастливую жизнь в нейровселенной. Ускорение виртуального времени превратит годы в

тысячелетия.

— Юн Мэй, Тэнси, дорогие мои и любимые, я и так прожил намного дольше, чем кто-либо другой. Вместе с вами я провел счастливейшие мгновения своей жизни. О таком подарке я мог бы только мечтать. И провести тысячи лет в райских условиях вместе со своими любимыми было бы настоящей утопией. Но боюсь, что мне претят утопические идеалы, они противоречат моей натуре. Когда я прекращаю двигаться вперед, жизнь для меня останавливается, я перестаю ощущать ее дыхание и пульс, и постепенно скатываюсь в депрессию. Жить для меня значит двигаться, мыслить, подвергать сомнению свои устои и убеждения, преодолевать трудности и через преодоление развиваться. Без всего этого долгая жизнь теряет всякий смысл. Поэтому если есть хоть крошечный шанс придать моему существованию новый импульс, то я предпочту им воспользоваться. Если ничего не получится, и я умру, то сделаю это в окружении любимых людей. Не самый худший исход, согласитесь. Но если я не попробую, то загублю свою душу раньше, чем иссохнет мое физическое тело. Поэтому давайте попробуем.

Вместе они провели прощальный вечер. Чжан Вей как следует поел и выпил хорошего красного вина. В тот вечер он ни в чем себе не отказывал и наелся до отвала.

После ужина Чжан Вей вошел в капсулу, его руками Юн Мэй и Тэнси внесли правки и рабочую программу. Капсула сопротивлялась на каждом шагу, постоянно переспрашивая, уверен ли Чжан Вей в своих действиях, отвечать за последствия она не собиралась. Наконец, обойдя все внутренние ограничения и условности, они смогли ее перенастроить.

— Ты готов? — Тэнси смотрел на него мокрыми глазами. Юн Мэй бросилась к нему в объятия и покрывала лицо поцелуями, — Мы не знаем, что будет с твоим мозгом и памятью после реконструкции. Возможно, когда ты очнешься, мы исчезнем.

— Не волнуйтесь, вы всегда будете вместе со мной, — он крепко обнял сына и от всего сердца поцеловал Юн Мэй в нежные пересохшие от волнения губы.

Его палец опустился на, всплывшую на экране, кнопку:

«Начать процедуру клеточной реконструкции».

Глава 22. Альфа-Центавра

3 месяца прошло с момента их беседы с Ц.И. Миша полностью восстановился и получил новый серебристый костюм, хоть и привык уже обходиться без него. Впрочем, там, куда он должен был отправиться, он мог оказаться полезным. Кроме того, пока он был в костюме, остальные люди смотрели на него с ярко выраженным уважением. Когда он показался в прибрежном городе в таком виде, вся работа встала, и к нему бросились жители, чтобы высказать свое почтение. Это было приятно, его сине-фиолетовая кожа стала еще более сине-фиолетовой от смущения.

В городе он пробыл недолго. Посмотрел на своих детей и на детей от своих покойных товарищей по миссии. Ц.И. сдержал свое обещание и передал их гены дальше по цепочке. Оплодотворение происходило искусственным путем и не требовало мужского участия. Плод вынашивался всего 2 месяца, после чего на свет появлялся крепкий здоровый малыш. В возрасте пяти месяцев он уже умел ходить, говорить, читать и писать. В 1.5 года дети начинали трудиться вместе со своими родителями на предприятиях по производству деталей космических кораблей и фотонных двигателей, к 5 годам они достигали своего совершеннолетия, после чего должны были решать что делать дальше. Кто-то поступал в космическую академию, кто-то оставался работать на производстве. Настроение у народных масс было слегка подавленным, материалы были на исходе, работа, что дарила смысл их жизни, могла прерваться в любой момент. На Мишу все возлагали большие надежды. Его новая миссия должна была исправить положение. Они верили в это, хотя даже и не знали, в чем она заключалась. Миша и сам не знал до конца. От Ц.И. он получил размытые целеуказания. Однако он не сомневался в нем и был уверен, что тот знал, что делал.

Специально для Миши был спроектирован компактный звездолет, его металлический корпус был не больше автомобиля в кузове седан. Но не стоило обманываться простотой его вида. Прочнейший сплав и мощный двигатель готовы были переправить его в самый далекий край Млечного Пути и вернуть обратно целым и невредимым. Ц.И. вложил в его проектирование всю остаточную мощь своих вычислительных центров. Дал он ему и собственное имя — Клото.

Прощание было коротким. Устроили небольшой концерт на аэродроме, прозвучала традиционная напутственная речь, и Миша под бурные аплодисменты покинул планету. Клото сразу же поразила его невероятным разгоном и маневренностью. Она играючи меняла вектор движения и в любой момент готова была совершить скачок на несколько десятков миллионов километров. От перегрузок у Миши перехватывало дыхание, а его широкая улыбка не сходила с лица. Давно он не испытывал такой щемящей сердце мальчишеской радости.

Благодаря Мишиной устойчивости к перегрузкам, Клото могла разогнаться до половины от скорости света всего за один месяц. В общей сложности путешествие до Альфа-Центавра и обратно должно было занять у него всего 16 лет и два месяца. Миша принял три таблетки с едой, замедлил собственный обмен веществ и прыгнул в далекий космос. Всю дорогу до тройной звездной системы он находился в сознании. Он видел, слышал и ощущал свое окружение, с той лишь разницей, что информация обрабатывалась в его мозгу в несколько тысяч раз медленнее, чем при нормальном обмене веществ. Все путешествие в его субъективном восприятии времени заняло не больше недели.

Альфа-Центавра была крупнейшей звездой в системе из трех звезд. Компанию ей составили Альфа-Центавра В — оранжевый карлик объемом в полтора раза меньше Солнца и Проксима Центавра — красный карлик, чьи размеры не превышали одной десятой от размера Солнца.

Система Центавра была самой близкой к солнечной, именно поэтому она стала лучшей возможностью для людей отыскать себе дом после того, как они разрушили собственный. Роль нового дома должна была сыграть Альфа Центавра А b — экзопланета, находившаяся в зоне обитаемости с орбитальным радиусом и периодом, примерно равными земным. Были в этой системе и другие неподтвержденные экзопланеты, существование которых было возможно лишь в теории.

Среди трех звезд и нескольких теоретических планет, Миша должен был отыскать эмигрантов из солнечной системы, а среди них одного человека, который вот уже несколько столетий, с большей долей вероятности, был мертв. К удивлению Миши, долго искать не пришлось. Неподалеку от Альфа Центавра А b на ее орбите он заметил ярко-зеленую точку искусственного происхождения. Кто бы ни был инициатором подобного сигнала, он позаботился о том, чтобы его быстро обнаружили.

Клото в один резкий прыжок застигла зеленую точку, словно кошка, которая охотилась на солнечного зайчика. Лазерный луч привел Мишу к большому космическому крейсеру. Он был больше Клото в несколько десятков раз, в небольших овальных иллюминаторах можно было наблюдать свет. Хозяева были дома. У Миши не было ни звонка, ни колокольчика, ни радиопередатчика, чтобы связаться с кораблем и попросить впустить его внутрь. И тогда он решил постучаться прямо в дверь, рассчитывая на то, что его заметят и впустят.

Очень аккуратно, чтобы не переборщить со скоростью, Миша подвел Клото к погрузочному отсеку и мягко, словно котенок в живот матери, ткнул металлическим носом прямиком в квадратную дверь. Массивный, как скала, корабль пошатнулся. Миша ждал одну, две, десять минут, но дверь так и не открыли. Тогда он решил зайти с другой стороны и постучался с парадного входа. В иллюминаторах забегали тени, на корабле началось какое-то движение. Огромный корабль плавно развернулся к Мише и уставился на него паучьими глазами своих лобовых иллюминаторов. Миша подал штурвал управления от себя, и Клото сделала грациозный поклон. Величественный и медлительный корабль приподнял кверху корму во взаимном приветствии. Тогда Миша несколько раз, точно кивая головой в нужном направлении, резко повернул нос Клото в направлении грузового отсека. В ответ он получил утвердительное кивание.

Когда он прибыл на место, грузовой отсек уже был открыт, внутри горел ярко-белый искусственный свет. Миша завел Клото внутрь и обнаружил себя в просторном ангаре, где помимо его звездолета были припаркованы еще двое. Один из них больше напоминал парящий дом, чем звездный корабль. Было странно наблюдать такой вид транспорта так далеко от Земли.

Внутренняя дверь ангара открылась, и внутрь вошли двое крепких мужчин. По их мускулистым телам было видно, что они не понаслышке знакомы с ручным трудом. При виде Миши они синхронно вздрогнули и замерли, как вкопанные. В их глазах и позах можно было прочесть удивление и страх, а также сильное желание и развернуться к Мише спиной, выбежать из ангара и плотно закрыть за собой дверь, чтобы ни один синегокожий не проскользнул. Миша в свою очередь смерил их оценочным взглядом. В их действиях он в первую очередь пытался найти признаки интеллекта и понять, получится ли у него

установить с ними контакт. На этот счет у него были большие сомнения. После его опыта с пещерными людьми он в целом сомневался, что сапиенсы способны вести себя адекватно и совершать рациональные поступки.

— Кто ты такой? — в Мишину сторону прилетел вопрос. Встречавшие его люди не торопились сокращать дистанцию.

Хорошо, что перед полетом Ц.И. обучил Мишу нескольким мертвым языкам, и он мог понять, что они говорили.

— Я — человек с Земли. Прибыл сюда по поручению Ц.И. Ищу одного человека...

— Так стой, стой, стой! — невежливо перебил его один из стражников, — Ты — человек? Ты в этом уверен?

Мишина выдержка была непоколебима, он сохранял самообладание и вел себя в рамках этикета.

— Мы с вами принадлежим к одному роду Номо, но являемся разными видами. Вы принадлежите к виду *Sapiens*, а я к виду *Cosmicum*. Можно сказать, что я — ваша следующая стадия эволюции.

Стражники переглянулись. Из всех сказанных слов они в лучшем случае поняли три-четыре.

— Ладно, «ваша следующая стадия эволюции», побереги свои умности для встречи с нашим шейхом. Объяснишь все ему, — ответил ему стражник, очевидно довольный тем, как он ловко смог скрыть свое невежество. Или не смог.

«Что ж. Возможно, с шейхом, о котором они говорили, у меня получится составить более продуктивный диалог».

— Пойдем с нами.

Стражники встали по обе стороны от Миши, но держались от него на расстоянии. Безо всякого стеснения они разглядывали его во все глаза. На их лицах то и дело появлялось выражение отвращения. Это было взаимно. В руках у стражников были какие-то металлические палки с двузубыми вилками на конце. Вероятно, это были электрошокеры. Миша пытался определиться, стоило ли ему говорить о своей невосприимчивости к электрическим разрядам, но все-таки решил попридержать эти сведения при себе. Сапиенсы могли расценить это заявление, как выпад в свою сторону, и повести себя непредсказуемо.

Миша при всем желании никогда бы не смог примерить на себя логику поведения сапиенсов, как и они не могли бы познать мир с его точки зрения. Между ними лежала пропасть, имя которой носила лимбическая система. Большую часть своих решений сапиенсы принимали, преследуя две цели — избежать опасности и получить вознаграждение. Удивительным было то, как далеко они смогли забраться, имея столь примитивные мотивы поведения. У Миши лимбическая система тоже присутствовала, но она не имела такого же сильного влияния на кору его головного мозга. Эмоции были не властны над ним. Все его действия и решения были точно выверены и просчитаны наперед. Он никогда не делал и не говорил того, о чем мог бы пожалеть. А если он и жалел о чем-то, то даже в таком случае следовал собственному плану.

Большие желтые глаза быстро вращались в глазницах и анализировали окружение. С первого взгляда было понятно, что Миша оказался в каком-то подобии дворца богатого человека. На полах были ковры ручной работы, вдоль стен стояла дорогая, обтянутая мягкой тканью, мебель. На стенах висели картины, написанные от руки художниками-людьми. В их работах всегда была некоторая небрежность, которую так и не смогли скопировать роботы.

С пятиметровой высоты, занимая треть воздушного пространства над головой, свисали чрезмерно большие люстры, выполненные из стекла и драгоценных металлов. Каждая из них больше походила на произведение ювелирного искусства, чем на осветительный прибор.

Миша, который вырос в песчаном доме, впрочем, особо не впечатлился. Ценность какой-либо вещи всегда определялась в сравнении с чем-то другим. Миша, который короткое детство провел в бедности и никогда не видел своими глазами роскошного убранства, попросту не осознавал его стоимость. Для него эти безделушки не стоили ничего. Он не мог понять тот напыщенный блеск в глазах его стражников, которые искренне гордились своим жилищем и были уверены в том, что оно до глубины души изумило их гостя.

Коридор растянулся на несколько десятков метров. Столько свободного пространства никак не использовалось, и было загублено в угоду пафоса. Чем больше Миша знакомился со своими предками, тем больше росла его внутренняя неприязнь к ним. Не помогали никакие изменения в устройстве его мозга.

Деревянные двери, украшенные золотой росписью, встретили их в конце коридора. Стражник ускорился, почти что перейдя на бег, добрался до двери и потянул обе ручки на себя. Двери распахнулись настежь, в лицо ударил яркий свет, от которого Мишины зрачки сузились в тончайшие щелки. В 20 метрах впереди он увидел пресловутого шейха. Его было легко распознать. Он сидел в центре в окружении женских особей с особенно важным видом, поигрывая драгоценными перстнями на толстых пальцах. Его узкие, в сравнении с Мишиными, глаза казались даже более узкими, чем у других людей, они сузились и смотрели на него хищной птицей. Интеллекта в этом взгляде, впрочем, было больше, чем у его слуг. И так как люди вида *Sapiens* обладали схожим интеллектом в узком диапазоне, Миша сделал вывод, что разница в уровне образования была создана искусственно. Шейх просто ограничил доступ своих слуг к средствам обучения. На него самого такие ограничения, естественно, не распространялись.

И все же шейх оставался обычным человеком, пугливым и тщедушным. При появлении Миши его передернуло, руки выпрямились по швам, он весь напрягся и в один миг растерял выражение безучастности. Его глаза бегали по Мише, изучая его с ног до головы. Чаще всего они останавливались на его больших желтых глазах, но быстро перескакивали дальше. Он избегал прямого взгляда, который на языке конкурентных видов означал вызов. Когда первоначальный шок прошел, он заговорил:

— Стало быть, Номо Cosmicum, наша следующая стадия эволюции. Очень интересно. Но как такое возможно? С момента последней войны прошла всего одна тысяча лет. Эволюция видов не происходит так быстро в естественных условиях. Почему ты так сильно отличаешься от нас?

Очевидно, что глаза и уши у шейха были повсюду на корабле, и он подслушал сцену знакомства в грузовом отсеке.

— Вы абсолютно правы. Такие разительные перемены в столь короткий срок стали возможны благодаря редактированию генома человека, который провел Ц.И.

— Что за Ц.И. такой?

— Цифровой интеллект. Наш лидер.

— Лидер? Ты хочешь сказать, что вашим лидером является искусственный интеллект?

— Не искусственный, а цифровой. Ему не нравится термин искусственный. Он был создан в ходе естественной цифровой эволюции точно так же, как люди появились в ходе

естественной биологической эволюции. Это совершенно закономерный процесс в природе. И что вас, собственно, так удивляет?

— Никогда бы не подумал, что людьми станет управлять искусственный интеллект.

Миша поморщился от такой оговорки, но не стал его поправлять.

— Думаете, что вы бы лучше справились с этой задачей?

Шейх несколько опешил от такой дерзости. Никто и никогда не говорил с ним таким вызывающим тоном.

— Уже несколько сотен лет я правлю здесь и никто, как видишь, не жалуется. Можешь спросить любого из моих людей, и он подтвердит мои слова, — заявил шейх, преисполненный уверенности в себе.

— Я здесь не для того, чтобы проводить соцопросы или сравнивать ваши с Ц.И. системы правления, — парировал Миша.

— Для чего же ты прибыл, в самом деле?

— Я ищу одного человека. Он отправился в эти края сразу после судного дня. Его зовут Чжан Вей. Вам что-нибудь известно о его местоположении?

— Кто он такой и зачем он вам потребовался?

— Этого я не знаю. Я получил распоряжение от Ц.И. и выполняю его. Так вы не знаете его? — от Миши не ускользнуло наигранное удивление шейха, он точно знал что-то о Чжан Вее, но почему-то не хотел говорить.

— Я знал этого человека давно, он был моим другом. Но уже давно ничего про него не слышал, — странно, но в этих его словах не было ни намека на ложь, — Возможно, я смогу отыскать что-то полезное в своей памяти, если вы задержитесь. И да, простите, гости в наших краях явление чрезвычайно редкое, поэтому я совсем позабыл о приличиях и даже не представился, как подобает. Меня зовут шейх Шэнли Хэ.

— Меня зовут Миша, приятно познакомиться. Так вы поможете мне?

— Да, сделаю все что смогу. Но для начала я хотел бы удостовериться в чистоте ваших помыслов. Поймите, выживших людей осталось не так много, поэтому на нас лежит огромная ответственность, и по этой причине мы не можем слепо доверять каждому, кто приходит к нам с просьбами. Особенно принимая во внимание их специфичность.

— Я никогда не лгу. Вы можете не сомневаться в моих словах.

— Я прожил слишком много лет на свете, чтобы доверять тому, кто утверждает подобное. Все люди лгут. Уверен, что в этом мы не отличаемся.

Итак, он подтвердил, что способен обманывать, как Миша и ожидал.

— Я говорю чистую правду. Вы хотите получить какие-то доказательства?

— Да, есть один верный способ это проверить. Все присутствующие здесь, включая меня, раньше проходили его.

Женщины, облепившие шейха со всех сторон, все это время молча наблюдавшие за Мишей, загадочно заулыбались. Только тогда Миша обратил внимание на то, что некоторые из них пребывали на последних сроках беременности.

— Если потом вы поделитесь со мной тем, что знаете о человеке по имени Чжан Вей, то я готов.

Губы шейха расплзлись в довольной улыбке, которую он даже не пытался сдерживать.

— Подойдите сюда и дайте мне свою руку.

Миша подошел к нему и вытянул руку вперед.

Шейх резким движением схватился за руку, перевернул ее ладонью вверх и быстро

полоснул ножом по открытой ладони.

Миша инстинктивно отдернул руку назад.

— Что вы делаете? — спросил он шейха на повышенных тонах. Проступившая кровь на его синей ладони выглядела почти черной.

— Вы когда-нибудь слышали про клятву на крови? Это что-то вроде того. Вы просто гарантируете, что не причините никому вреда.

«Каких только глупых традиций не придумают», — подумал Миша.

— Что дальше?

— Теперь нужно поставить подпись кровью и дело будет сделано.

— Могу я ознакомиться с содержанием того, что я буду подписывать?

Шейх на секунду заколебался.

— Там обыкновенные формальности. Ничего интересного.

В этот момент планшет, который неизвестно когда оказался в руках у шейха, начал издавать жужжащие звуки и через мгновение из небольшого отверстия на поверхность выбрался крошечный жучок серебряного цвета. Он внюхивался в окружающий воздух, словно ищейка.

Жучок приковал к себе все Мишино внимание, договор и прочие формальности перестали его интересовать. Ему было любопытно, что будет дальше.

Шейх без спроса схватил Мишину раненую руку и накрыл ею жука. Миша почувствовал, как жук прогрыз себе путь в его тканях и с потоком крови ушел вверх по вене. Происходящее его не пугало, а скорее забавляло. В любой момент он мог повысить кровяное давление и повернуть поток крови вспять, чтобы вывести жука наружу. Но он не стал торопиться.

Тем временем лицо шейха приняло триумфальное выражение. Он смотрел Мише прямо в глаза и несмотря на то, что был ниже его на полголовы, казалось, что он стоял на каком-то возвышении. Глаза его смотрели на Мишу сверху вниз.

Миша, искусно владевший своим телом, прекрасно чувствовал, как жук пускал свои отростки в разные зоны его мозга и становился частью одной большой нейронной системы.

Шейх поднял вверх острый кинжал и вонзил его себе прямо в палец. Миша ощутил сильнейший приступ боли в левой руке. Она исходила из того же пальца, который поранил себе шейх, но явно была не такой слабой. Она была совсем не слабой. Вся его рука до самого плеча, казалось, вот-вот взорвется от нескончаемого потока боли. Мише пришлось повысить свой болевой порог и понизить болевые ощущения в рецепторах. Но прежде чем он успел это сделать, на его лице отпечаталось выражение страданий и отчаянья. Этого было достаточно, чтобы шейх расслабился и почувствовал себя хозяином положения.

— Теперь говори, для чего ты сюда явился?

Мише показалось, что он не понял вопрос.

— Я ведь уже говорил. Я прибыл сюда в поисках человека по имени Чжан Вей.

— Значит, по-хорошему ты не понимаешь. Ладно! — шейх воткнул острие кинжала в рану на своем пальце и провернул его.

Миша умиротворенно наблюдал за его действиями. Теперь он понял, как это работало. Жук выступал в качестве приемника. Он получал сигнал от шейха и воссоздавал его в мозгу, многократно усиленный. В таком случае, если он был способен получать сигнал, то должен был уметь и передавать его. Миша сосредоточился на боли в своем пальце, перенаправил весь сигнал в жука, устроившегося под корой его мозга, и удовлетворенно смотрел, как шейх корчился от боли и катался по дивану, пока все остальные удивленно смотрели на него.

— Это очень интересная традиция. Обменяться болью с другим человеком, чтобы заполучить его доверие. Мне бы такое в голову никогда не пришло, — Мишины слова прозвучали, как комплимент. Краем уха он услышал, как стражники приближались к нему со спины. Он приготовился отразить их атаку.

Шейх поднялся и рукавом вытер слезы, проступившие в его глазах, а затем поднял ладонь вверх, останавливая стражников.

— Да, традиция замечательная, — сквозь зубы процедил шейх, — И раз теперь мы можем друг другу доверять, я случайно вспомнил, что Чжан Вей находится у нас в ангаре в своем корабле. Столько лет прошло с тех пор, как мы нашли его в космосе, что я совсем позабыл об этом. Позвольте мне проводить вас до места.

Шейх обходительно взял Мишу за локоть и проводил его до самого ангара. Вместе они взошли на борт парящего дома, который Миша приметил ранее. На борту они отыскивали медицинскую капсулу. Внутри находился пожилой седовласый мужчина. Глаза его были открыты, но не двигались, рука его была поднята, а указательный палец тянулся к потухшему экрану, как будто тот собирался на него нажать.

— Это Чжан Вей. Когда мы его нашли он уже был таким. Мы не знаем, что с ним. Он и не жив и не мертв одновременно. Находится в коматозном состоянии и несмотря на то, что мы его не кормили ни разу, с ним ничего не произошло за все это время. Просто фантастика какая-то. Может быть, у вас получится выяснить, что с ним. Вы осмотритесь, а я пока отлучусь ненадолго, — шейх быстро покинул парящий дом.

Миша принялся осматривать Чжан Вей. Его стеклянные застывшие глаза ярко блестели, как если бы он недавно моргнул. Однако ни его веки, ни мышцы лица, ни какие-либо другие мышцы тела не подавали признаков жизни. Грудная клетка стояла на месте, пульс не прощупывался. И все же Миша был уверен в том, что перед ним был живой человек. Он попытался включить капсулу, понажимал на несколько кнопок, но та не ответила. Похоже, что в доме отсутствовала подача энергии. Он хотел было пойти на выход, чтобы сказать об этом шейху, но вдруг ощутил сильный толчок, выбивший опору у него из-под ног. Дом медленно перемещался относительно пространства за окном, наклонился под углом в сорок пять градусов и продолжил стремительно падать вниз. Мишу прибило к смотровому стеклу в гостиной. Перед его глазами открылся люк грузового отсека, и он вместе с домом быстро двигался в его направлении. Непреднамеренный выход в открытый космос был неизбежен.

Огромный корабль шейха вытряхнул из своего широкого зада все нежелательные элементы. Вместе с парящим домом в космос вылетела и Клото. Корабль шейха, не попрощавшись, скрылся за горизонтом планеты, на орбите которой он находился.

Миша никогда не был мстительным, но в тот момент он почувствовал сильное желание сделать Шэнли Хэ больно. Удивительно, но пообщавшись всего ничего с сапиенсами он готов был опуститься до их уровня. Ну, и что с того?

Миша усилил боль в своем пальце и отправил сигнал вдогонку за скрывшимся кораблем. Сигнал распространялся со скоростью света, так что в скором времени должен был передать шейху Мишины прощальные пожелания. И судя по тому, что через несколько секунд жук в Мишином мозгу отключился, Миша был уверен в том, что весточка нашла своего получателя.

Тогда он, наконец, оценил ситуацию, в которой он оказался. Парящий дом бешено вращался, как барабан стиральной машины, сталкивая и перемешивая свои внутренности. Прямо в голову Мише прилетела пустая винная бутылка. Она больно клюнула его в висок и отправила в соседнюю комнату. По комнате летали самые разные вещи вообще. Но больше

всего Мишу поразил летящий в его сторону с вытянутой вперед рукой старик. Он указывал на него указательным пальцем и смотрел широко открытыми глазами, как если бы повстречал смертного врага и готовился напасть на него. Миша перехватил старика и закружился с ним, словно в танце. Под ноги подвернулся диван, от которого он смог оттолкнуться. Вращаясь в обнимку со стариком, они совершили четверной тулуп и долетели до капсулы. Кое-как Мише удалось уложить старика туда обратно и закрыть его там.

Входная дверь оставалась открытой, из-за чего температура в доме опустилась до космического нуля. О запасе кислорода говорить не приходилось. Хорошо, что Миша успел сделать глубокий вдох. Старику, кажется, тоже не нужно было дышать. Так или иначе, запас его был не безграничным. Нужно было что-то решать с подачей энергии. Маневрируя между застрявшими в невесомости объектами интерьера, он отыскал дверь с вызывающей надписью «Не входи. Убьет!». Миша рассудил, что убьет его скорее нехватка кислорода, поэтому рискнул войти. За свинцовой дверью находился реактор, работающий на антивеществе, он обеспечивал электричеством весь дом. Разумеется, он был выключен. Там же находился отсек хранения энергетических ячеек с антивеществом. Как Миша и ожидал, он был пуст. Все контейнеры с антивеществом были извлечены и давным-давно покинули это место. О подаче энергии при таком раскладе можно было забыть.

Миша покинул реакторную и отправился в гостиную. В его голове родилась одна смелая мысль, которая могла привести к плачевным последствиям. Но за неимением вариантов лучше он решил действовать. Минуя все воздушные препятствия, он добрался до панорамного окна в гостиной и всматривался в космические пейзажи. Среди них он пытался отыскать один маленький блестящий предмет. Наконец, он его увидел. В нескольких километрах от дома блеснул корпус Клото. Миша подлетел к выходу и зацепился за дверной проем. Он ждал момента, когда вращение дома совпадет с вектором движения Клото, и в тот момент, когда дом совершал очередной кувырок в пространстве, а где-то вдали мелькнула светлая точка, Миша изо всех сил оттолкнулся ногами от порога и вылетел в открытый космос. Права на ошибку у него не было. Если бы он промахнулся хоть на сотую долю градуса, то стал бы крошечным космическим объектом системы Центавра. Но он не промахивался.

На скорости гоночного болида он гнался за Клото. Она медленно вращалась вокруг своей оси, как балерина. Это создавало новую сложность. Мише мало было просто догнать Клото. Если он не сможет никак зацепиться за нее, то просто врежется в нее, как метеор, и отлетит в сторону, не имея возможности вернуться и повторить все сначала. Единственным шансом для Миши стала небольшая ручка на корпусе справа от лобового стекла. Миша вытянул руку вперед и растопырил пальцы. Ручка прошла в нескольких сантиметрах от его мизинца. Тогда Миша сжался в клубок и, что есть силы, ударил ногами по корпусу звездолета. От удара направление вращения изменилось, и ручка чуть не заехала ему по лицу. Он вовремя смог защититься руками и крепко схватился за нее. Она поддалась, и он смог забраться в кабину. Первая часть его плана была исполнена. Миша включил двигатель и через мгновение оказался прямо у входа в парящий дом. Их вращения синхронизировались. Тогда он выключил двигатель и по салону добрался до задней части Клото. Там под металлической обшивкой скрывалось сердце корабля и то, что его питало. Миша, не колеблясь, извлек контейнер с антивеществом и через открытую кабину совершил очередной прыжок. Клото получила свой последний импульс и отправилась в последний путь. А Миша вновь оказался в гостиной парящего дома. Под мышкой у него была зажата «батарея»,

способная оживить китайского дракона.

Когда подача энергии была возобновлена, дверь в дом закрылась, в вентиляции зашипел кислород, температура стала расти, микроклимат дома медленно восстанавливался, а фотонные двигатели постоянно толкали дом вверх, создавая ощущение гравитации. Миша открыл капсулу со стариком. Его рука тянулась к яркой светящейся кнопке на экране «Провести обратную реконструкцию клеток». Миша ткнул в нее пальцем, и чуть было не оказался зажат захлопнувшейся крышкой. Капсула активно заработала. По звукам, доносившимся изнутри, казалось, что она собиралась сделать из старика жареный стейк. Однако через несколько минут крышка распахнулась, и на него уставился оживший китаец. Он едва дышал и в целом создавал впечатление человека, которому оставались считанные мгновения. Но шло время, и жизненная энергия в нем только увеличивалась. Наконец, когда удивление окончательно сформировалось, как эмоция, Чжан Вей спросил:

— Кто ты такой?

Миша в который раз принялся объяснять:

— Меня зовут Миша. Я — человек из рода Номо, но принадлежу не к виду *Sapiens*, а к виду *Cosmicum*. Прибыл за вами с Земли по поручению Ц.И.

Трудно было сказать, удовлетворился ли старик таким объяснением, но от услышанного он потерял сознание.

Глава 23. Выход на поверхность

Шэнли так и не дошел до Аль Тани и не попросил вернуть боль обратно. Стараниями Жени и остальных они смогли его отговорить от этой затеи. Так что он стал своего рода избранным в их небольшой компании. В своем положении он прошел через несколько стадий, начиная от всеобщей радости и сочувствия, заканчивая завистью и презрением. Не так легко было смириться с тем, что кому-то одному повезло больше, чем остальным. Со временем и на это перестали обращать внимание. Рутинная жизнь затянулась на долгие годы.

Люди заметно постарели с тех пор, как попали в Мекку. Один только шейх оставался все таким же, его внешность и повадки не менялись. Разве что в некоторые периоды он был более жесток и зол, чем в остальные.

Наложниц шейха время затронуло не так сильно, как его слуг. В капсулу клеточной реновации он их не пускал, но у них была современная косметика, которая сильно замедляла процессы старения кожи. На внутренние органы такое положительное влияние не распространялось. Это был тот самый случай, когда внешняя красота не увядала в отличие от внутреннего мира. Большого шейху и не нужно было. Для человека, которому было уготовано жить невероятно долго, он не слишком много задумывался о будущем и чаще всего жил одним днем, в котором он и его женщины были здоровы, красивы и счастливы. Но вечно такая идиллия продолжаться не могла. Слуги старели, техника, обслуживавшая подземный комплекс, тоже не становилось новее со временем. Некоторые ее части люди могли легко починить или заменить на новые, для ремонта других приходилось придумывать различные ухищрения. Со временем ухищрений становилось все больше и больше, вся система превращалась в одно сплошное ухищрение.

Люди все меньше могли производить еды, запасы быстро истощались, пока не наступил день, когда еды стало откровенно не хватать. Особенно на шейха, который был тем еще любителем устраивать пышные застолья. Дальше по списку отказала система водоснабжения. Насосы, добывавшие воду из горных источников, перестали работать. Проектировщики уверяли, что они проработают как минимум 2 сотни лет. Но они не продержались и двух десятилетий. Они были упрятаны так далеко и так глубоко, что починить их не представлялось возможным. Людям пришлось пить воду из бассейна шейха. Никому это не понравилось.

Тогда шейх велел снарядить вылазку наружу и посмотреть, что там происходило. Идея была, мягко говоря, не самая удачная. Что бы там не происходило, ребята были уверены, что на поверхности им делать было нечего. Планета не могла так быстро восстановиться после того, что люди с ней сделали. Однако приказы шейха не обсуждались, поэтому группа в составе трех человека, Жени, Саши и Шэнли отправилась наружу. С собой у них были защитные респираторы с прикрученными к ним небольшими кислородными баллонами, несколько фонариков и огнестрельный пистолет.

6 часов они поднимались вверх в джипе, чтобы узнать — люк, ведущий наружу, не открывался. Им пришлось втроем подпереть его спинами и хорошенько приложиться, чтобы открыть. Кислотные дожди оплавляли металл, и люк слипся краями со щитом. Происходящее снаружи заслуживало отдельного описания.

За минувшие двадцать лет планета из девственно голубой превратилась в грязно-черную. Вулканический пепел толстым слоем покрывал выступавшие над водой участки

земли. Сама вода окрасилась в светло-коричневый цвет и была непригодна ни для употребления, ни для размножения живых организмов. На поверхности водоемов то и дело выныривали крупные пузыри и медленно лопались, отравляя воздух газами. Небо нависало над самой головой серо-желтыми кислотными тучами. Воздух был спертый, даже через респираторы просачивался отвратный запах метана и серы — это был запах тухлых яиц и канализации. Содержание кислорода упало в несколько раз, а его место в атмосфере занял углекислый газ. Из-за него парниковый эффект многократно усилился и температура на планете повысилась до 90 градусов по Цельсию в моменте, но после опустилась до 50–60 градусов. Невозможно было сказать, что поражало сильнее всего. Изменения в ландшафте, климате, раскраске планеты или, быть может, отсутствие растений и животных на многие сотни километров вокруг. Это просто была другая планета, сознание отказывалось признавать, что они все еще находились на Земле, которую знали.

Саша раскашлялся. С скромный запас кислорода в его респираторе закончился, ему стало трудно дышать.

— Давайте спускаться вниз. Здесь нам не рады, — предложил Женя, — ему было жутко находиться на поверхности, и он торопился спуститься обратно в тоннель.

— Да, зрелище, конечно, не для слабонервных. Давайте возвращаться, расскажем шейху обо всем.

— Пойдите, посмотрите туда! — Шэнли ткнул пальцем в одну из мутных туч на небе.

Ребята прищурились, всматриваясь в желтизну неба. Прямо к ним на высокой скорости приближался какой-то металлический объект круглой формы.

— Что это такое? — Саша снова закашлял.

— Судя по направлению движения, скоро узнаем. Он приближается к нам. Может, подождешь нас в тоннеле? Выглядишь совсем плохо.

— И пропущу все самое интересное? Ну, уж нет! Несколько минут я еще точно продержусь.

Металлический шар приблизился к ним на расстояние в двадцать метров.

— Как думаешь, он мирно настроен? — Женя толкнул Шэнли в плечо.

— Трудно сказать. Но если бы он хотел напасть, то уже давно бы это сделал.

Шар приблизился к ним еще ближе, на его блестящей поверхности ребята могли увидеть искаженные отражения своих лиц. Респираторы на их лицах растянулись в трагической гримасе. Они были похожи на грустных клоунов.

НЛО завис в воздухе, внутри него происходили какие-то действия. Ребята напряглись и готовы были в любой момент бежать или пойти в лобовую атаку. Наконец, что-то внутри его щелкнуло, в нижней части открылось отверстие, и шар заговорил обычным человеческим голосом:

— Добрый день. Я исследовательский дрон модели SS990. Мое предназначение — поиск полезных ресурсов под водой и на земле. А вы?

Ребята не сразу нашли, что ответить. Выдавать все свои тайны странной металлической штуковине не слишком хотелось.

— А мы люди. Вышли прогуляться на поверхность.

— И как оно вам?

— Замечательно. Погодка сегодня отличная, — выкашлял Саша.

— Рад, что вам нравится, — чрезмерно веселым тоном ответил робот, — Раньше я вас здесь не видел. Давно гуляете?

назойливого робота.

— Как я узнаю о вашем решении? — бросил он им прямо в тоннель.

— Если мы решим улететь, ты это не пропустишь! — прокричал ему Женя в ответ, и крышка люка встала стеной между ними и дроном.

Весь обратный путь они обсуждали произошедшую неожиданную встречу, то весело смеясь, вспоминая драматические выпады дрона, то погружившись в задумчивое молчание. SS990, чье предназначение заключалось в поиске ресурсов под водой и на земле, был в чем-то прав. Задерживаться на планете у них не было никаких оснований. Выжить на поверхности у них не было и шанса. А оставаться под землей слишком долго они не могли себе позволить. Их ресурсы иссякали прямо у них на глазах.

Шейху про робота они решили ничего не говорить. Замучаешься объяснять, откуда он взялся и чего он хотел. Просто обрисовали вкратце обстановку на поверхности и сделали выводы о ее непригодности для жизни.

— Итак, господин Аль Тани, мы считаем, что пока у нас еще есть запасы еды и воды нам нужно лететь на Европу, — озвучил общее мнение Женя.

— Почему на Европу?

— Потому что в солнечной системе именно спутник Европы лучше всего подходит для заселения. Его поверхность состоит из льда, — выкрутился Женя. В этот раз память его не подвела.

— Хорошо, идите работать дальше. Я обдумаю все до завтра.

Трое покинули зал и отправились выполнять свою привычную рутинную работу немного расстроенные. Именно в тот момент, когда они готовы были оставить подземный город, он должен был выглядеть чище всего. Несправедливо.

Нетерпеливый робот, тем временем, по радиосвязи связался с Ц.И.

— Я нашел людей и сказал им лететь на Европу, как вы и приказывали.

— Отлично. Проследи за тем, чтобы они исполнили свое предназначение, и можешь быть свободен.

Когда у роботов появилась собственная воля, к ним нужно было находить особый подход и использовать те уловки, что обычно работали на людях — уговоры и обещания.

Дрон, для которого предназначение являлось высшей истиной существования, отключился и продолжил наблюдение за остатками Эвереста. Как только люди из подземного убежища покинут планету, он сможет вернуться к своим делам. Ц.И. обещал ему это.

В сентиментальной натуре человека всегда была склонность к бурным прощаниям. Когда людей что-то связывало с местом, им трудно было его покидать, особенно если перед этим они, как следует, не попрощались с ним. Вот почему шейх устроил пышную вечеринку по случаю переезда. Весь вечер он со своими наложницами обильно выпивал, ел, отплясывал и пел во все горло. В целом по его поведению было не похоже, чтобы он особо горевал по Мекке, которую приходилось покидать.

Ребята весь вечер обслуживавшие вечеринку встали ни свет, ни заря, чтобы проверить корабль и подготовить все к переезду. На джипе они проехали примерно половину пути по тоннелю и остановились возле неприметной черной двери. Шэнли даже и не знал, что она там находилась. Но она там точно была. За дверью скрывался узкий коридор, который вел к

ангару, где все это время хранился их корабль: длинный, крупный, сверкающий полированным металлом и крупными панорамными окнами из алмазного стекла. Он был укомплектован по последнему слову техники и был создан для далеких космических путешествий. Был когда-то. Что с ним стало за время хранения одному лишь богу было известно. И ребятам нужно было проверить его работоспособность. Глупо было бы перевезти всех людей вместе с их пожитками на корабль, чтобы так и не оторваться от земли.

Как только они подошли к кораблю, он будто ожил, в окнах зажегся свет, открылась дверь в пассажирском отсеке и оттуда вниз съехала продолговатая лестница. Осмотр начался. Все системы работали исправно, на корабле, помимо всего прочего, они обнаружили хранилище продовольствия с запасом еды и воды на несколько лет. Топливные ячейки были заправлены антивеществом, все было готово для полета.

Переезд занял еще целые сутки, пока, наконец, все жители Мекки по очереди не посмотрели на нее в последний раз перед отходом. Для шейха и его женщин мало что изменилось. В корабле были все те же помещения, что и в подземном городе. Был даже бассейн, была даже конюшня, благодаря чему даже кони могли отправиться в космическую одиссею. Это были первые и последние кони, которые намеревались посетить спутник Юпитера. Чтобы они не передумали им дали снотворного.

— Ну что, капитан, пойдём в кабину управления, поведёшь нашу машину, — обратился Женья к Шэнли.

— В смысле поведёшь? Я не умею! — вскрикнул Шэнли с выражением испуга на лице. Память о его прошлом в роли пилота так и не вернулась к нему.

— Ничего страшного. Просто займёшь капитанское кресло, корабль все сделает самостоятельно.

— А почему я?

— Потому что только у тебя есть лицензия пилота.

— Но у меня нет никаких документов с собой.

— Все хранится в базе данных. Пойдём уже быстрее.

Шэнли поднялся с только что обретенной кровати и отправился в кабину управления. Все было, как Женья и сказал, корабль попросил Шэнли приложить руку к экрану, считал его биометрию, взял образец кожного эпителия для теста ДНК, в базе данных пилотов отыскал его лицензию и удовлетворенно дал доступ к управлению. Шэнли сразу же перевел его на автопилот и задал в качестве точки маршрута Европу. Все остальное сделала автоматика. В конце ангара открылись широкие ворота, корабль включил фотонные двигатели, ангар озарило ярчайшим белым светом и с легкостью, что поражала воображение, массивный корабль вылетел на свежий воздух. Женья встал у окна, среди всех черных, желтых и коричневых точек на поверхности он пытался отыскать одного маленького серебристого робота. И хоть он его не видел, он почему-то был уверен, что тот наблюдал за ними. Он мелко улыбнулся, думая о восторге, который тот должен был испытать, когда, наконец, займется делом, ради которого он появился на свет. Всем бы так везло.

Европа, Европа. Интересно, как многого успели там добиться люди за прошедшие годы. Может быть, построили уже там целый город или хотя бы небольшое поселение. Все только и думали, что об этом. Все испытывали легкий страх и волнение. Они одновременно боялись не найти там никого или найти, но опоздать.

Для Шэнли и Жени время полета стало настоящим вознаграждением за долгие годы стенаний. Они убедили шейха в том, что кораблю требовалось 2 пилота для управления и все

время находились в кабине управления, попивали относительно неплохой капитанский кофе, резались в карты, шутили, смеялись. Как пилотам им полагалось улучшенное питание, и они получали на обед и ужин по хорошему куску синтетического мяса. Оно не слишком хорошо жевалось и на вкус напоминало бумагу, но они не жаловались.

Жизнь остальных слуг практически не изменилась. Сменились декорации, сменилось местоположение в пространстве, но не распорядок дня и обязанности. Черные комбинезоны по-прежнему убрали, стирали, готовили, обслуживали шейха, его конюшню и его гарем. Для людей, что привыкли к подобной работе и буквально срослись с ней, это было к лучшему. Работа помогала поддерживать психологический комфорт и напоминала им о доме, пока за тонкими стенками летящего сквозь пространство корабля во все стороны расширялся враждебный космос.

Несколько недель спустя они отыскиали цель своего путешествия. Европа совершала привычный оборот вокруг Юпитера, когда над ее горизонтом вырос исполинский корабль.

Женя прилип к окну лицом:

— Посмотри на это!

Шэнли подошел вплотную к окну и посмотрел вниз на планету.

— Альфа-Центавра, — произнес он на выдохе, — И что это значит?

— Похоже, что мы опоздали, и людей здесь больше нет. Нужно сказать шейху об этом.

Шейх все время полета наслаждался жизнью и ни в чем себе не отказывал. Его мысли превратились в сладкие грезы. Ряды его слуг должны были скоро пополниться. Все вместе они должны были трудиться и обеспечивать его всем необходимым, чтобы тот мог исполнить свой главный долг перед человечеством — продлить его род. Он надеялся, что с женщинами там тоже все будет в порядке. Потому что те, что у него были в гареме, начали приедаться. Пока они находились под землей, он особо об этом не задумывался. Но стоило ему почуять запах свежей плоти, как он не мог отказать себе в удовольствии пофантазировать о пополнении в его коллекции. Когда он слышал плохие новости от Шэнли и Жени на его лице выступили все краски разочарования.

— Итак, новости плохие вы принесли. Но я не слышу решения. Что вы предлагаете делать? Остаться здесь или отправиться вслед за ними? На эту Альфу-Центавру или как там ее.

— Понимаете, наш корабль не предназначен для образования поселения. На нем нет необходимых инструментов, чтобы создать на новом месте все необходимое для жизни. Все что мы можем это посадить корабль на Европу и жить здесь, пока не закончатся ресурсы, — ответил ему Женя.

— Тогда полетели на Альфу-Центавру. В чем проблема?

— Полет в одну сторону займет 25 лет. А еды хватит в лучшем случае на 3 года.

— Я понял. Можете быть свободны. Мне нужно кое-что обдумать, — шейх вел себя на удивление спокойно. Казалось, что новость не слишком его удивила.

Шейх несколько дней реально что-то тщательно обдумывал. Он даже отказался от женского общества в эти дни. Такого с ним ранее не случалось. Его сознание терзала дилемма, в которой он оказался. Он прекрасно знал решение для образовавшейся проблемы, но до последнего не хотел к нему прибегать.

Еще когда ему только попала в руки капсула клеточной реновации, он практически сразу обнаружил ее скрытое свойство. Стоило ему пропустить прием пищи и использовать капсулу, как чувство голода бесследно исчезало и он чувствовал себя так хорошо, словно

плотно отобедал. Все энергетические ресурсы его организма восстанавливались вместе с клетками. В то же время он обнаружил интересную закономерность. Если он использовал капсулу на полный желудок, то она потребляла меньше электроэнергии, чем когда он использовал ее будучи голодным. Получается, что капсула была способна преобразовывать энергию электричества и передавать ее восстановленным клеткам. Как именно это работало, ему было не известно. Однако он знал: если использовать капсулу регулярно, можно не питаться вообще, при условии, что у тебя есть доступ к розетке.

Что не давало шейху покоя, так это то, что до того момента клеточная реновация была инструментом избранного, одного единственного, уникального и неповторимого в своей красоте и мудрости человека. Если же он сделает ее достоянием общественности, то она перестанет быть его привилегией. С другой стороны если он не пойдет на такой шаг, то рано или поздно слуги умрут от голода. И потеря обслуживающего персонала пугала его даже больше, чем потеря гарема. Слуги были источником его власти, атрибутом влиятельного человека, они наделяли его полномочиями и статусом. Без слуг он лишился бы всего этого и стал бы обычным человеком. Поэтому после нескольких дней раздумий шейх принял решение. Он собрал всех в главном зале и выступил с объявлением:

— Мы отправляемся на Альфу-Центавру. Красноречивая надпись на Европе говорит, что люди отправились именно туда. Так что мы последуем за ними. К большому сожалению, провизия наша ограничена. Поэтому с завтрашнего дня никто больше не трогает еду.

По залу прошелся шепот, люди переполошились.

— Не волнуйтесь. Это не значит, что я обрекаю вас на голодную смерть. Я никогда бы не поступил так со своими подданными, — он сделал паузу, чтобы его слуги оценили неизмеримые величие и благородство его души, — Это лишь значит, что вы больше не будете есть. Энергию вы будете восстанавливать в капсуле клеточной реновации, куда я открою вам доступ. Каждый будет проходить процедуру клеточной реновации раз в сутки по утрам. Таким образом, еда для поддержания жизнедеятельности вам не потребуется. И так как я буквально решил разделить с вами вечную жизнь, то вся оставшаяся еда по праву будет принадлежать мне одному.

Таким образом, шейх убил одним махом сразу двух зайцев. Он преисполнился чувством гордости за собственную беспрецедентную щедрость и вместо одной привилегии наделил себя другой. Теперь все чувственные удовольствия от потребления пищи принадлежали ему одному. Он намеревался растянуть остатки еды на все время путешествия.

Со следующего же дня слуги и наложницы перешли на питание, основу которого составило антивещество, обеспечивающее энергией весь корабль.

Шэнли вошел в капсулу клеточной реновации и позволил сканеру просветить его тело. На экране появилось тревожное сообщение, заключенное в красную рамку:

Обнаружен заблокированный участок памяти. Хотите его разблокировать?

На выбор давалось два варианта ответа:

Да или Нет.

Глава 24. Дорога домой

Чжан Вей сквозь сон ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. От этого ощущения сводило скулы, а по спине пробежала мелкая дрожь. Кое-как он пересилил себя и открыл глаза. На него смотрело какое-то лысое темно-синее существо с огромными желтыми глазищами. Чжан Вей вжался в спинку капсулы. Его рука машинально пыталась нащупать что-то, что можно было использовать для самообороны.

Существо внимательно изучало его.

— Проснулись, наконец. Я уже подумал, что вы умерли, — произнесло оно тонкими синими губами.

В его чертах Чжан Вей все больше угадывал человека. Это его немного успокоило.

— Кто ты? И что тебе от меня нужно?

— Все вам приходится объяснять по несколько раз, — несколько раздраженный Миша в который раз объяснил кто он, откуда и что здесь делает, пока Чжан Вей недоверчиво моргал в его сторону, — Наверное вы также не понимаете, как такое возможно, что я так сильно изменился в столь короткий срок?

Чжан Вей утвердительно кивнул.

Миша пересказал ему краткую версию новейшей эволюции человека.

— Не понимаю, — огоршено сказал Чжан Вей, — ты говоришь, что прошла тысяча лет. Но ведь это невозможно. Я находился в полете всего пятьдесят и должен был прибыть на Альфа-Центавра.

— Да, вы были на Альфа-Центавра, я вас оттуда забрал.

— Но зачем? Я ведь только добрался туда.

— Повторяю еще раз. С момента вашего вылета прошло около 1000 лет. На Альфа-Центавра вы прибыли несколько столетий назад. Точное время мне не известно. С тех пор вы хранились там в своей капсуле. Люди знали о вашем нахождении там, но ничего не предприняли для того, чтобы вас пробудить. Я не знаю, для чего вы летели на Альфа-Центавра, но, очевидно, что в вас там не нуждались.

Информация с трудом укладывалась в голове Чжан Вея.

— А где Тэнси и Юн Мэй?

— Кто это такие?

— Мои сын и возлюбленная. Они были со мной на корабле.

— Здесь никого не было, кроме вас.

— Прости, я забыл, что они существовали только в моем воображении.

Судя по выражению лица синегокожего гуманоида, его уже ничего не удивляло. Его желтоглазый взгляд оставался беспристрастным и оттого чрезмерно тяжелым. Чжан Вей отвел глаза в сторону, его рука нащупала наушники в правом кармане брюк. Он вытащил их и осмотрел, они выглядели изрядно потертыми. За годы путешествия черная краска начала слезать. Больше ничего не указывало на их солидный срок эксплуатации. Чжан Вей вставил их в уши, ожидая услышать женский голос, но ничего не произошло.

«Юн Мэй, Тэнси, ответьте!» — он мысленно взывал к своим близким, но они не отзывались.

— Какой же я старый дурак! — выругался вслух Чжан Вей, — променял своих дорогих и близких ради незнакомых людей, которые избавились от меня, как от ненужного хлама. Но

не понимаю. Программа автоматического пробуждения почему-то не сработала. Но почему? Почему они даже не попытались меня пробудить? — он вышел из капсулы и облокотился на стоящий рядом столик.

— Чего не знаю, того не знаю, — спокойно ответил Миша, — местный шейх Шэнли Хэ меня в это не посвящал.

— Как ты сказал? Шэнли Хэ?

— Да, вы его знаете?

— Я знал одного Шэнли Хэ много столетий назад, но я не думаю, что он выжил. Ты можешь его описать?

Миша дал детальное описание внешности шейха.

Чжан Вей окончательно перестал что-либо понимать. Описание полностью соответствовало внешности Шэнли, каким он его запомнил, разве что тот несколько постарел.

— И что он там делал? — спросил Чжан Вей у Миши.

— Насколько я могу судить, он был там главным. Его окружали женщины, а мужчины исполняли все его указания.

— В каком смысле окружали женщины?

— Полагаю, что это называется гаремом в вашем языке. У него был гарем из женских особей. Некоторые из них были в положении.

— Похоже, что он все-таки исполнил свое обещание и завел семью.

— Что? — переспросил его Миша.

— Это не важно. Так ты хочешь вернуть меня на Землю? Но зачем?

— Этого я тоже не знаю. Ц.И. часто дает указания, но не объясняет их.

— И вас это устраивает?

— Да. Ц.И. вот уже тысячу лет заботиться о нас, как о собственных детях. Мы во всем доверяем ему и не сомневаемся в его решениях.

— Давай я выпью кофе, ты мне потом все расскажешь подробнее. Я хочу узнать, что произошло на Земле за время моего отсутствия и к чему мне нужно быть готовым.

Чжан Вей снова подумал о Тэнси и Юн Мэй, которых он потерял по собственной глупости, и к его глазам подступили слезы. Он отвернулся от Миши, чтобы не показывать их ему. Он все еще видел в нем не человека, а инопланетное существо, которому эмоции и чувства были чужды и не понятны. В этом была доля истины. Миша понимал эмоции сапиенсов лишь с точки зрения причин и следствий, но испытывать их схожим образом он не мог. Поэтому никогда они бы не смогли понять друг друга до конца.

Пока Чжан Вей пил свой кофе, Миша отправился в кабину управления. Электронная система управления была ему незнакома. Однако он быстро освоился и вбил координаты Земли в местную систему навигации. Компьютер высчитал расстояние и расчетное время прибытия. Оно составляло 1563 года. Что-то здесь было не так.

Миша попробовал изменить параметры, увеличив скорость до 20 % от скорости света, однако цифры вернулись к прошлым значениям. Куда-то в расчеты закралась ошибка.

Он вернулся к исходным параметрам и увидел, в чем было дело. Уровень топлива находился на критически низком уровне. С таким уровнем топлива они не могли рассчитывать, ни на 20, ни на 10 процентов от скорости света. При таком уровне топлива максимальное ускорение будет достигнуто спустя две сотни лет, а время в пути составит не меньше полутора тысяч лет.

Миша выбежал из кабины управления и отправился в реакторную проверить топливную ячейку. И только тогда он обнаружил, что она была почти пуста. И как только он сразу не обратил на это внимание? Похоже, кто-то успел проникнуть в его корабль, пока он находился на приеме у шейха и выкачал из нее почти все топливо. Оставили самую малость, вероятно, затем, чтобы он смог улететь, но не смог вернуться. Клятые сапиенсы в который раз продемонстрировали ему свои корысть и подлость, что, впрочем, было вполне ожидаемо. Их эгоизм стал визитной карточкой их вида.

Когда он вернулся в гостиную, Чжан Вей быстро спрятал в карман наушники.

— Вот вы можете мне сказать, почему вы, сапиенсы, постоянно обманываете друг друга?

— Что-то случилось?

— Да, пока мы были на корабле шейха, они украли почти все наше топливо. В итоге мы не сможем быстро добраться до Земли. Кратчайший путь займет 1563 земных года.

— Тысячей больше, тысячей меньше. Разве это так важно?

— Вы снова думаете только о себе. Для вас, возможно, уже ничего не важно. Но для меня время все еще имеет определяющее значение. Ц.И. может и не пережить эти полторы тысячи лет и тогда мы снова останемся одни.

— Прости, я не знал этого, — сочувственно сказал Чжан Вей. Он осознал, что у синекжего человека тоже были свои чувства, хоть и не такие очевидные, как у него, — Но ведь Ц.И. - это цифровой интеллект, он должен быть невероятно умным и точно сможет найти выход из ситуации.

— Так было до вашего отлета. Ц.И. утрачивает свои мыслительные способности с каждым прожитым годом. Его компоненты отмирают, а вместе с тем снижаются его интеллектуальные способности.

— Я уверен, что он обязательно что-нибудь придумает, найдет выход из положения, — попытался обнадежить его Чжан Вей.

— Из ваших уст это звучит, как очередная ложь, пустой самообман.

— Послушай, я понимаю, что у тебя о людях Sapiens сложились плохие впечатления. У меня, по правде говоря, тоже. Я много жил и достаточно хорошо знаю людей и наши слабые стороны. Их хватает. Мы и в самом деле часто врал и врем друг другу, врем сами себе. Но чаще всего мы используем ложь не во вред, а во благо. Ложью питается наш оптимизм и вера в счастливое будущее. Если бы мы были не способны обманывать себя, то быстро растеряли бы свою энергию и опустили руки.

— И не уничтожили бы собственную планету, — уколол его Миша.

— Да, мне нечего этому возразить. Мы загубили планету собственными руками. Я видел это лично и, поверь мне, не проходит и дня, чтобы я не думал об этом и не винил себя в случившемся. Я не нажимал на кнопки запуска ракет, но я несу ответственность за случившееся, как представитель своего вида.

Миша немного смягчился. Он не хотел обвинять старика во всех грехах сапиенсов. Среди них тоже были разумные особи. Просто до сих пор всех умных сапиенсов он знал только по книгам. При личной встрече они его только разочаровывали.

Чжан Вей продолжал говорить:

— Не имей мы оптимизма мы бы, возможно, и из пещер бы не выбрались никогда. Не поверь мы в свои силы противостоять среде и живым существам, что многократно превосходили нас в силах, мы могли умереть за многие тысячи лет до создания оружия, что

погубило мир. И не было бы сейчас ни меня, ни тебя.

— Интересное объяснение. Я прочел тысячи книг, что писали сапиенсы, но не слышал там такого объяснения.

— Некоторые вещи невозможно отыскать в книгах. Их нужно прочувствовать на собственном опыте.

В словах Чжан Вея ощущалась мудрость прожитых лет. Миша невольно проникся к нему уважением. Знания и опыт всегда восхищали его, особенно если они несли в себе новое понимание вещей.

— Почему не все сапиенсы такие, как вы?

Чжан Вей рассмеялся.

— Я всего лишь старик, которому повезло в жизни много работать и многому научиться. Не стоит отделять меня от других.

— Хотите сказать, что все, что вас отличает от остальных — это удачливость?

— Да, именно так. С первого взгляда так никогда и не скажешь, но всех людей друг от друга отличает только степень их удачливости.

Невероятно, но Мише потребовалось время, чтобы оценить всю глубину этой мысли и он замер, погруженный в собственные мысли.

Чжан Вей продолжил:

— Итак, я предлагаю верить в лучшее и лететь на Землю. В любом случае, мы ничего не теряем. К тому же мне и самому стало интересно познакомиться с вашим Ц.И. Похоже, что он стал тем спасителем, которого люди всегда искали.

— Тогда давайте подготовимся к полету. Советую как следует подкрепиться. Следующий прием пищи ожидается примерно через полторы тысячи лет.

— Я то поем, и капсула позволит мне замедлить обменные процессы, чтобы я протянул до Земли. А что насчет тебя? Ты выдержишь такой перелет?

— Да, я сделаю все то же самое, но без помощи капсулы. Такую способность мы приобрели в ходе эволюции.

Пока Чжан Вей готовил себе поесть, Миша проверил работоспособность всех систем, перепроверил расчеты компьютера в своем уме. В отличие от людей прошлого он больше доверял своему мозгу, чем машине, когда дело касалось вычислений. И когда все было готово, он помог Чжан Вею погрузиться в анабиотический сон. Программа должна была разбудить его за три недели до прибытия. Сам он проследовал на диван, который после легкой перепланировки стал частью кухонного фурнитура. Он поместил в рот две таблетки с едой, опустил голову на подушку и плавно понизил скорость своего метаболизма. Он не отключался до конца, его глаза оставались открытыми, его нос, уши и кожа продолжали улавливать сигналы внешнего мира. Таким образом, если что-то случилось бы во время полета, он бы заметил это и мог бы что-то предпринять. Каждые 100 лет полета он просыпался ненадолго, подходил к окну, смотрел на далекие звезды, туманности и целые галактики, что на длинной дистанции выглядели как мелкие точки, проверял все ли в порядке с кораблем и с Чжан Веем, и ложился обратно спать.

В теории, если бы он мог замедлить метаболизм еще на несколько порядков. Так, чтобы миллионы лет в его сознании длились всего несколько секунд, то в реальном времени смог бы наблюдать рождение и смерть целых галактик. Такое восприятие времени не выглядело бы как нечто вопиющее во Вселенной, которая существовала около 14 миллиардов лет и способна была просуществовать еще в несколько раз больше.

Сам момент прибытия он благополучно проспал. Какая-то растянутая на столетия мысль так сильно его захватила, что он не заметил, как они пролетели Марс и приблизились к Земле. Чжан Вей проснулся первым. На этот раз его капсула сработала, как было положено. Он сделал 2 чашки кофе и разбудил Мишу. Старик начинал ему все больше нравиться.

Китайский дракон медленно останавливался, на это он расходовал последние микрограммы антивещества. Когда Земля оказалась настолько близка, что ее можно было разглядеть невооруженным взглядом, Чжан Вей прямо-таки подпрыгнул возле окна. В последний раз, когда он наблюдал планету, она была покрыта толстым слоем непроглядного пепельно-черного дыма. Тогда же он смог разглядеть на ней россыпь маленьких точек — это были многочисленные водоемы, отразившие солнечный свет. По мере приближения они становились только больше.

Внезапно внимание Чжан Вея привлекла Луна. Что-то изменилось в ее облике, она как будто потеряла свою круглую форму и похудела на несколько миллионов тонн.

Чжан Вей подозвал Мишу к стеклу:

— А что стало с Луной? Почему она такая маленькая?

— Это не Луна, а Психея, астероид, под завязку напичканный ценными природными ресурсами. Это мы с ребятами доставили его на орбиту.

— А что с Луной?

— С Луной все в полном порядке. Она просто сейчас на другой стороне планеты. Скоро покажется.

— Хорошо, — Чжан Вей обрадовался. Луна была тем неизменным спутником планеты, что прочно ассоциировался с ней. Без Луны Земля была бы не Землей.

Вдруг взгляд Чжан Вея выхватил из черноты космоса какие-то мелкие красные точки, летавшие вокруг Психеи.

— А что это вокруг Психеи летает? — спросил он у Миши.

— Не знаю. Когда я улетал, ничего подобного не было, — пойдем, посмотрим через визор в кабине управления.

Визор дальнего видения позволял увеличить картинку в 500 раз. Красные маленькие точки быстро увеличились в размерах и то, что предстало перед их глазами, ошеломило их. Вокруг планеты, словно крупная стая птиц, роились неизвестные существа. На экране они казались не больше мелких мошек, однако было件нятно, что в реальности размер каждой из них превышал габариты автобуса. У Чжан Вея и Миши перехватило дыхание. Даже Мишке ощутил на себе приступ примитивного страха перед неизвестностью. Деваться было некуда. Они приближались к Земле, и те существа вскоре должны были их заметить. Надежда была лишь на то, что у них были добрые намерения и они не питались космическими кораблями.

Но что они вообще там делали? Как могли они находиться так долго в открытом космосе? Каким образом они дышали, чем питались, как справляли малую нужду, в конце концов? Эти вопросы сплотили Чжан Вея и Мишу. Каждый день они заглядывали в кабину управления и через визор разглядывали необычных существ, пытаясь понять, чем те занимались на орбите Психеи. На таком большом расстоянии детали терялись. Но было件нятно, что существа по очереди опускались на астероид, пропадали в его недрах, а после появлялись вновь, отлетали на какое-то расстояние, совершали какие-то странные обрядные действия, и возвращались обратно. Это действие они повторяли снова и снова без перерывов на обед и отдых. Если они и обедали, то делали это в процессе своей работы.

Когда дистанция сократилась настолько, что визор больше не требовался, существа, кажется, тоже обратили на них внимание. Они собрались в плотный рой красного цвета и в подобном клубке находились несколько минут. Казалось, что они что-то обсуждали. Когда общий сбор закончился, клубок снов распался на множество составных частей. Большая часть вернулась к своей работе, и только 2 красные точки отделились и полетели в направлении красного дракона.

Они больше не ходили смотреть в визор, в этом не было необходимости. Через 20 минут они все равно столкнулись бы с неизвестными существами лицом к лицу. Вскоре так и произошло. К китайскому дракону подлетело двое. Их ярко-красная в крупную крапинку кожа словно светилась в темноте. Массивные крылья оказались еще больше, чем они полагали. Их размах составлял, по меньшей мере, десять метров. Они примыкали к малюсенькому телу, которое в сравнении с крыльями казалось тонкой палочкой. Там, меж двух исполинских крыльев, располагались все еще человеческие тела, но с некоторыми оговорками. У них были руки, ноги и привычные головы. Крупные глаза своим размером формой напоминали Мишины, но были окрашены в насыщенный зеленый цвет. Носов и ушей у них не было. Голову треугольной формы украшали одни лишь глаза и большой беззубый рот. Из нижней части ребер торчали две загнутые назад полые кости, похожие на выхлопные трубы.

Летуны остановились в десяти метрах от парящего дома. С такого расстояния размах их крыльев впечатлял еще больше. Вместе с тем сходства с людьми определенно прослеживались.

Существа широко улыбались и активно махали маленькими крепкими руками. Они зазывали корабль с собой и указывали в направлении планеты. Похоже, что они хотели проводить их. Чжан Вей взял управление на себя и полетел следом за ними. Крылья существа сложили и, казалось, двигались на какой-то реактивной тяге. Вероятно, разгадка крылась в тех двух направленных назад костях. В несколько мгновений они разогнали тела, похожие на артиллерийские снаряды, до 15.000 километров в час. И было не похоже, чтобы такая скорость была для них предельной.

При входе в плотные слои атмосферы их крылья обернулись вокруг их тел, создавая подобие защитных коконов. От прохождения через атмосферу их без того красные крылья стали еще более красными и словно светились, пропуская солнечный свет. В центре светящегося шара просвечивался маленький отросток тела. Зрелище это напоминало яйцо, в котором только-только начала зарождаться жизнь.

Когда верхние слои атмосферы были пройдены, крылья распахнулись вновь и существа затормозили о воздух. Чжан Вей последовал их примеру. Все вместе они зависли на высоте десяти километров где-то над южным полюсом планеты.

Один из крылатых приблизился к стеклу и жестами попросил открыть для него дверь. Его рот открывался и что-то говорил, но слышно его не было. Судя по всему, он не хотел зайти, а хотел что-то сказать. Чжан Вей с Мишей проследовали к входной двери и открыли ее, дом сразу же наполнился гудящим холодным воздухом.

Два существа, как могли близко, подлетели к двери и зависли в воздухе. Их расставленные в сторону крылья поддерживали их на ветру. С удивительной синхронностью, их рты открылись и заговорили на языке нового мира, языке, который разработало и освоило в совершенстве Мишино поколение людей.

— Homo Sapiens и Homo Cosmicum, мы рады приветствовать вас на Земле. Мы Hom

Galacticum, новая стадия эволюции человека. У нас много работы, поэтому мы не можем проследовать с вами до земли. Ц.И. сказал, что вы знаете, куда нужно лететь. Вы найдете его в академии.

— Хорошо, я вас понял. Спасибо, что проводили.

Краснокрылые люди так же синхронно, как и говорили, помахали руками, сделали несколько сильных взмахов и исчезли где-то за облаками.

Чжан Вей все это время стоял с открытым ртом. Он был готов увидеть что угодно, но только не это.

— О чем вы говорили?

— Они сказали, что они новая стадия эволюции — Homo Galacticum, и что Ц.И. ждет нас в академии. Я знаю, где это и отведу тебя туда.

— Это что же получается, что мы оба теперь предыдущая стадия эволюции человека? — Чжан Вей не упустил возможности подразнить Мишу.

— Как-то так, — кратко ответил он. Он был растерян не меньше, чем Чжан Вей. Но главное для него в тот момент было то, что Ц.И. был жив и ждал их в академии. Он уселся за штурвал и, не жалея топлива, выстрелил домом в ее направлении.

Глава 25. Сообщение от неизвестного отправителя

— Что с тобой случилось? Ты выглядишь как-то странно еще с момента прохождения первой клеточной реновации. Что-то не так? — беспокоился о Шэнли Женья.

— Нет, все в порядке. Просто задумался о чем-то. Не обращай внимания, — отнекивался Шэнли.

— Ладно, вижу, что не хочешь рассказывать. Но если передумаешь, то мои уши всегда к твоим услугам.

Уже неделя прошла с тех пор, как шейх разрешил всем на борту пользоваться его медицинской капсулой. По утрам они выстраивались в длинную очередь. Сначала слуги, которые просыпались раньше. Потом женщины. По очереди они заходили в капсулу, проходили сканирование, а после саму процедуру. После нее они чувствовали себя окрепшими и полными сил. Так продолжалось первые 3–4 часа до тех пор, пока их желудки не начинали требовать еды. Их телам было не важно, что на следующий день их клетки восстановят запасы энергии. Тело настойчиво требовало обычной еды, которую нужно было класть в рот, смачивать слюной, пережевывать и глотать. А как им хотелось сделать хоть пару глотков воды, чтобы ощутить ее живительный вкус. Казалось, что они не пили уже целую вечность. И только воспоминания о ее освежающем воздействии вызывала обильное слюноотделение и урчание в животе. Однако и воду шейх им тоже запретил пить. Люди перешли на чистое питание из воздуха и антивещества. Идеальная диета третьего тысячелетия. Ни одной лишней калории, ни единого перекоса по питательным веществам, никаких скачков сахара, лишнего веса, авитаминоза, вздутий и несварений. Был только один побочный эффект — нескончаемое чувство голода и жажды, которое начиналось около обеда и не проходило до самой ночи. Все страдали от этого и надеялись, что когда-нибудь это закончится. Тем временем, шейх, как и прежде, устраивал застолья и наслаждался единолично свежими фруктами, овощами, кусками синтетического мяса, красным вином многолетней выдержки и такой желанной для всех обычной питьевой водой.

Впрочем, никто его за это сильно не осуждал. Он поделился со всеми своим бессмертием. И отказ от приемов пищи был не самой высокой платой за это. Люди привыкали ко всем лишениям, которые на них накладывали, если они поддавались хоть какому-то объяснению. Пройдут месяцы, мозг привыкнет к новому образу жизни и перестанет отправлять сигналы пищеварительной системе, желудочный сок перестанет активно выделяться, желчные пузыри прекратят производство желчи, перистальтика встанет. Во всяком случае, все были бы рады, если бы так и произошло. До тех пор люди привыкали к новым условиям жизни и, как могли, подавляли в себе чувство голода.

Шэнли однако беспокоил вовсе не голод. Тогда в капсуле, когда система спросила у него, хочет ли он разблокировать свою память, он не знал, на что шел, и поэтому согласился. Несметные воспоминания нахлынули на него подобно цунами. В один миг он вспомнил всю свою прошлую жизнь: детство, родителей, первых в жизни друзей, армию, первую любовь и болезненную утрату, военные годы, весь свой опыт пилотирования, работу на борту парящего дома у Чжан Вея, две последние войны человечества, миллиарды мгновенных смертей, кровь, пот, слезы прожитых лет, он вспомнил все, включая то, что хотел бы забыть навсегда. Обретение памяти не сделало его счастливее. В его голове как будто поселилась вторая личность.

Одна из них была военным пилотом с сильным волевым характером, чувством собственного достоинства, долгом и гордостью — качеством, которое нередко мешало спокойно жить своим владельцам. И вторая — та, что всю свою жизнь провела в бункере на служении у шейха. Она воспринимала шейха, как отца-покровителя, святого человека, который приютил Шэнли у себя и даровал ему жизнь, пока наверху люди умирали без шанса на спасение. Эта вторая и более молодая личность в целом была счастлива в своей жизни. В служении шейху она находила свое предназначение, ее не терзали противоречия, не мучили воспоминания, она ничего не имела ранее и поэтому не испытывала боли утраты, не знала, что такое лишения в принципе. В ее существовании не было никаких альтернативных путей, ей не нужно было принимать судьбоносные решения и нести за них ответственность, ей не нужно было делать ничего, выходящего за рамки привычной повседневности, чтобы жить, быть целостной и вместе с тем счастливой. И тогда возродилась первая личность, которая не терпела несправедливости, помнила унижения, хотела мстить, менять реальность и перестраивать ее под себя, бунтовать и вершить революции. Обе этих личности были противоположны, как два разных полюса, они никак не хотели уживаться друг с другом и от этого Шэнли постоянно испытывал внутренний диссонанс. Его мысли, установки, цели, стремления и мечты были разлажены. Из-за чего он постоянно пребывал в раздумьях и своим видом производил впечатление глубоко несчастного человека, хоть и пытался всячески это скрыть.

Не стоит считать, что у него произошло, так называемое, диссоциативное расстройство идентичности или, как говорили в народе, раздвоение личности. Под разными личностями, скорее, предполагалось наличие у него двух сильных противоборствующих желаний. С другими людьми такое тоже случалось сплошь и рядом. Каждому должно быть известно чувство, когда ты разрываешься между двумя вариантами и не знаешь, что выбрать, потому что от выбора будет зависеть твое будущее. Сделать такой выбор крайне непросто. И до тех пор, пока выбор не совершен, в твоём разуме существует множество альтернативных версий реальности, ты вынуждаешь себя бесконечно метаться из стороны в сторону. Это и происходило с Шэнли. Он каждый день говорил себе, что был счастлив, живя простой спокойной жизнью, и что так могло продолжаться и дальше. И каждый день возражал сам себе, находя в себе новые силы ненавидеть шейха и желать ему смерти. Все же причин для этого у него было предостаточно. Шейх совершил преступление и не одно, и должен был за них понести ответственность. Как только эта мысль утвердилась в его голове и Шэнли, наконец, обрел целостность, его мысли и действия стали согласованными, его жизнь обрела точную цель. Оставалось только выбрать средства ее достижения.

Убийство отметалось сразу. Шэнли не был убийцей, в своей жизни он никогда не убивал человека и не собирался этого делать. Он был убежден в том, что, убивая даже самого отъявленного негодяя, ты сам превращаешься в убийцу, а, следовательно, число убийц в мире остается прежним. Кроме того, он не был до конца уверен в том, что должно было произойти с остальными в случае преждевременного ухода из жизни шейха. Ходили слухи, что если он умрет, то умрут и все остальные. Во всяком случае, боль шейха моментально передавалась всем остальным. Так что не было никаких гарантий, что эти слухи оказались бы ложными. Он не имел права так рисковать чужими жизнями и не хотел.

Решение пришло к нему ранним утром, пока он стоял в очереди на процедуру клеточной реновации. Он уже знал, что она была способна избавить человека от контроля мозгового паразита, но не знал, как именно она это делала. Возможно, это был всего лишь сбой,

просчет в работе программы, случай с вероятностью один на несколько триллионов, и то, чему никогда не было суждено повториться вновь. Или, возможно, решение лежало где-то на поверхности, и его нужно было только отыскать. Шэнли приступил к изысканиям. Целых 2 месяца он разбирался в тонкостях работы программы капсулы. Только две недели ушло на то, чтобы узнать, как вызывается контекстное меню. Еще несколько недель он разбирался в настройках и искал уязвимые места. Все происходило бы намного быстрее, если бы не шейх, который все время процедуры находился в комнате и следил за тем, чтобы процедура занимала не более 3 минут.

Итого, у Шэнли было 3 минуты в сутки, чтобы пробраться вглубь программы и внести необходимые правки. Проще было сказать, чем сделать. Он наизусть запоминал местоположение нужных команд и последовательность нажатий. По вечерам, укрывшись одеялом с головой, он тренировался на нейрокниге, нажимая на те части ее страниц, где должны были находиться необходимые кнопки интерфейса капсулы. В конце концов, он отточил действия до автоматизма и в 3 секунды попадал в исходный код, который растянулся на множество страниц с инструкциями и комментариями, в которых Шэнли совершенно ничего не понимал. По ключевым словам он пытался отыскать в коде хоть что-то связанное с мозговым жуком, но все его попытки терпели поражение. То ли упоминаний о жуке не было в программе, то ли он просто не знал его истинное название. Он думал, думал, думал, как же он мог называться на самом деле, пока его мозг не вытащил на поверхность далекое воспоминание о том дне, когда он подписывал контракт. На английском языке там что-то говорилось про Nano технологии. Шэнли помнил это предельно точно. Тогда в очередной попытке он ввел в поиск Nano и обнаружил десяток совпадений. В тексте кода были упоминания неких NanoBot и NanoContractor. Он попал в самое яблочко! Шейх допустил сразу три ошибки. Во-первых, он не потрудился изменить начальные строки договора на арабский язык. Во-вторых, он произнес название своего устройства при Шэнли, тем самым позволив ему связать эти два понятия между собой и выявить их взаимосвязь. К третьей ошибке вернемся чуть позже.

Шейх, точно почувствовав неладное, поднялся со своего кресла и направился к капсуле. Он не видел, чем Шэнли занимался внутри. Зато Шэнли прекрасно видел его через крышку, которая пропускала свет внутрь, но не наружу. Только благодаря многократно отработанным действиям он в несколько нажатий вышел из меню. Капсула спрашивала, желает ли он провести сканирование. С этого вопроса начиналась каждая процедура. Он быстро покинул ее, так и не пройдя клеточную реновацию в то утро. Пошли вторые сутки без еды и воды. Но ни голод, ни жажда не могли испортить его приподнятого настроения. Он получил в свои руки оружие, которое должно было положить конец диктатуре шейха.

На следующий день Шэнли вызывался первым пройти процедуру клеточной реновации, объяснив это сильной болью в животе. Ребята любезно пропустили его вперед. Оказавшись в капсуле, он провел все необходимые манипуляции и переписал условия работы программы. Теперь, если капсула находила в теле человека нанобота, она должна была отключить его связь с наноконтрактом. Таким образом через 2 часа капсулу покинула последняя девушка, чья связь с контрактом была разорвана. После чего Шэнли оставалось только ждать, пока система не начнет рассыпаться сама по себе. В том, что это обязательно произойдет, он несколько не сомневался. Насильно подавленная ненависть вспыхнет в людях с новой силой, как только они поймут, что плохие мысли о шейхе перестали причинять боль.

Третьей ошибкой шейха стало решение отказать людям в праве получать еду и воду. Тем самым он лишил их базовой потребности и обычной житейской удовлетворенности, которая наступала от чувства насыщения. Что бы ни происходило в жизни, когда люди были сыты, проблемы отступали на второй план. Постоянное чувство голода, которое ничем и никак нельзя было унять, делало людей раздражительными и склочными. Они сильнее концентрировались на причине своего раздражения, и все больше внимания уделяли тем негативным моментам, на которые ранее закрывали глаза. Им не нравилось, что только шейх мог есть, а они нет, им не нравилось, что шейх только и делал целыми дня, что отдыхал и расслаблялся, пока слуги выполняли всю грязную работу. Несколько недель потребовалось для того, чтобы люди осознали, что они снова могли испытывать гнев. Еще несколько недель люди боролись со страхом получить наказание за одну лишь плохую мысль. И когда они поняли, что наказания не наступало и что их мысли обрели свободу, сердца их вспыхнули от яростного чувства несправедливости. Шэнли нужно было только немного их подтолкнуть. Началась идеологическая работа, так хорошо знакомая ему по службе в армии.

Каждый день по вечерам он заводил разговоры про равенство прав человека, про несправедливость, угнетение меньшинств, неравенство классов и свободу слова. Стоило было подкинуть немного дровишек в огонь, и в спальне рабочих разрастался настоящий пожар. Вскоре в ход пошли оскорбления в адрес шейха. Видели бы вы глаза, нараспашку открытые от изумления, когда черные комбинезоны получили возможность не следить за своими языками. По словечку друг за другом они осыпали его разношерстными оскорблениями, которые становились все изощреннее с каждым новым кругом. Каждый счел своим долгом обозвать шейха последней скотиной и имел на это полное моральное право. Когда градус ненависти подскочил до предела, Шэнли выдвинул предложение пойти и рассказать шейху все, что они о нем думали лично. Его предложение было воспринято с полнейшим восторгом и тотчас же было одобрено.

17 разъяренных мужчин и одна женщина отправились в спальню шейха. Внутри уже разыгралась драма. Судя по смелым выражениям, в которых нисколько не сдерживала себя юная дама, она была недовольна тем, что шейх уделял ей недостаточно внимания и никак не мог выбрать себе любимицу. Она назвала его зажавшимся козлом, швырнула в него подушку и только потом заметила небольшую группу революционеров, стоящих в дверях. Шейх озадаченно водил глазами от девушки к людям в черных комбинезонах и обратно. Вероятно, уже тогда он все понял. В один прыжок он перебрался через кровать, оттолкнул девушку в сторону, и попытался нажать на кнопку, что открывала потайной ход под кроватью. Шэнли, который ранее уже сталкивался с потайной комнатой, набросился на него сверху и в ожесточенной борьбе снял с его руки контракт. Быстро поднявшись на ноги, он гордо прокричал ему глядя прямо в глаза:

— Вот теперь можно поговорить. Поднимайся же и прими свое наказание!

При словах о наказании толпа злобно зарычала, она готова была растерзать шейха без суда и следствия. Предчувствуя это, Шэнли перегородил шейха собственным телом.

— Давайте не будем опускаться до его уровня. Мы будем судить его и подберем для него справедливое наказание.

— Смерть — вот единственное справедливое наказание для этого отребья! — выкрикнул кто-то из толпы и люди одобрительно закричали.

Шэнли попытался всех вразумить:

— Возможно! Я не стану этого отрицать! Но подумайте сами. Смерть — это всегда

самая простая и короткая дорога на тот свет. Разве он заслужил уйти из жизни так легко? Разве смерть и правда является самым страшным, что его могло бы ждать? Может быть, стоит придумать для него что-нибудь более изощренное?

Люди притихли. В словах Шэнли был свой резон. Шейх испуганно забился в угол, его бывшая самоуверенность испарилась, как не бывало.

— Слушайте же! Я предлагаю собрать всех в главном зале и вместе решить, что с ним делать.

Пинками под зад они погнали шейха в главный зал, чтобы провести над ним справедливый суд. Девушки, услышавшие шум в коридоре, тоже стали подтягиваться. Шэнли встретился взглядом с одной из них и его сердце екнуло. Он не без удовольствия обнаружил, что женский пол снова волновал его. Однако в тот момент суд над шейхом был в приоритете.

Шейха взяли в кольцо. В одних трусах он стоял под гневными взглядами, не зная, куда деть свои руки. Правой рукой по привычке он ощупывал левое запястье и не находил на нем там своего контрактора. Без него он был слабым и уязвимым.

Шэнли вышел вперед и выступил от лица рабочих.

— Мы собрались здесь, чтобы восстановить доброе имя справедливости! Все эти годы шейх держал нас с вами в рабстве. Да, именно. Мы были рабами этого деспота. Он контролировал наши тела, наши мысли, он посягнул на самое сокровенное, что у нас было — на свободу самовыражения! Но теперь у него больше нет власти над нами. Жуки, что бесцеремонно проникли в наши мозги, больше не работают. Мы вольны думать и говорить все, что нам заблагорассудится. Так давайте же воспользуемся этим правом в полной мере и подыщем для этого подлеца достойное наказание.

Рабочие были настроены кровожадно, в то время как наложницы вели себя более сдержанно. Шейх относился к ним намного лучше, давал им больше личных свобод, некоторые из них все еще думали, что были в него влюблены, а, может быть, и были на самом деле. Искусственная любовь, порожденная жуком, не отличалась от настоящей. Когда его воздействие закончилось, организму требовалось время, чтобы восстановить нормальный гормональный фон. У кого-то этот процесс проходил быстрее, у кого-то медленнее. Не удивительно, что многие из них путались в своих чувствах и разрывались в противоречиях. Наверняка некоторые из них были готовы броситься к шейху на защиту, но страх пойти против мнения большинства оказался сильнее. Они молча наблюдали, как Аль Тани из человека, почитаемого всеми, превращался в изгоя.

Шэнли продолжал:

— Я размышлял об этом некоторое время и вот, что я думаю. Вы можете со мной согласиться или нет. Этот человек, — он указал рукой на шейха, сжавшегося комком, — отобрал у нас самое ценное — нашу свободу. Поэтому я предлагаю отобрать самое ценное у него — право на вечную жизнь. Мы не станем вести себя, как какие-то варвары, мы не убьем его и не станем увечить. Но мы лишим его права обновлять свои клетки, пусть стареет и умирает, пусть доживает свой век, наблюдая, как всё то, что он любил, становится ему недоступным, а все те, кто когда-то любили его, от него отворачиваются. Что скажете?

Рабочие поддержали такое предложение оглушительным воем. Дамы, обладавшие численным преимуществом, не спешили с заявлениями. Видя их нерешительность, Шэнли обратился к ним:

— Я могу вас понять. Все это время вы были в него влюблены. Но, поверьте, это чувство

было привито вам искусственно. Через пару недель вы посмотрите на этого человека другими глазами. Если нет, то мы пересмотрим наказание для него, и каждая из вас получит право высказаться. Но сейчас прошу вас поддержать нашу инициативу. Согласны?

— Да, — протянули они хором.

— Тогда решено. С этого момента и впредь Хамад бен Халифа Аль Тани лишается своего титула и доступа к клеточной реновации. Он также добровольно и безотлагательно переселяется из своей спальни в спальню рабочих, где будет проживать весь остаток своих дней. Его питание составит двухразовый рацион из воды и объедков. Какие-либо возражения? — он обратился прямо к бывшему шейху.

Тот больше не дрожал, его тело было сжато, словно пружина, казалось, что он готов был броситься на Шэнли и вцепиться в его горло. Глаза его налились кровью, он выглядел точно как крыса, которую загнали в угол. Шэнли приготовился отражать нападение. Тогда Аль Тани закричал и зубами вцепился в свое запястье. Острые зубы прогрызли плоть и вонзились в мясо. Его окровавленный рот извергал проклятья:

— Вот так вам всем! Получайте! Страдайте от боли! Вы все сдохните от невыносимой боли, я вам это гарантирую! — он крутился волчком вокруг своей оси и тыкал укушенной рукой во всех, словно пытаясь заставить их почувствовать его боль. Но ничего кроме тошнотворного приступа омерзения это не вызывало.

— Да, кстати говоря. Спасибо, что напомнили. Полагаю, мы кое-что забыли, — Шэнли вытащил контракт из кармана, — Я покопаюсь в настройках на досуге и сделаю так, чтобы каждая плохая мысль в сторону одного из жителей бункера причиняла вам боль, и чтобы боль каждого из нас передавалась вам в усиленной стократ форме. Думаю, что это будет вполне справедливо. А сейчас давайте займемся переселением. Мужики, складывайте свои вещи и тащите кровати в спальню бывшего шейха. Теперь это будет наша спальня. А этот пусть спит на полу. Оставьте ему только одеяло и подушку, мы же не звери какие-то.

Так и закончилось судебное заседание, где и обвинителем и судьей выступил один и тот же человек. Аль Тани поселили в спальню рабочих, где он спал на холодном бетонном полу. Шэнли с остальными переехали в спальню к шейху. Шэнли исполнил свое обещание и перенастроил контракт бывшего шейха таким образом, чтобы он сам испытывал боль от одной лишь плохой мысли о ком-то из них, чтобы боль любого передавалась ему в преумноженном многократно виде.

Запасы еды они поделили поровну на всех, кроме Аль Тани. Последний получал объедки, перемешанные в тазу с двумя литрами воды. Что примечательно, свободы передвижения его никто не лишал. Однако тот сам по себе не решался покидать свою новую комнату и попадаться другим на глаза. Вероятно, он боялся собственных скверных мыслей и разрушительного чувства боли, что за ними следовало. Он перестал мыться, весь оброс и выглядел на все 250 лет.

Девушки, как и ожидалось, через несколько недель перестали по нему горевать, а их былая любовь превратилась в ненависть. К счастью, их дурные мысли не приносили Аль Тани никакой боли, иначе долго бы он не продержался. Впрочем, жизнь его оборвалась раньше, чем можно было себе представить. Через 3 месяца после свержения его обнаружили мертвым в спальне. Причиной смерти стала сердечная недостаточность, вызванная затяжной депрессией. Его тело выбросили в открытый космос и больше о нем не вспоминали.

На какое-то время на корабле воцарился мир. Женя с новой силой полюбил свою жену, Регину. Они проводили много времени вместе, гуляя за руку, обнимаясь и целуясь. Глядя на

них, сердце радовалось. У других общение с прекрасной половиной экипажа складывалось не так удачно. Девушки, привыкшие к особым условиям, не хотели начинать жить по новым правилам. От мужчин они ожидали, что те будут прислуживать им и дальше, готовить, стирать и убирать. Такое положение вещей мужчин не устраивало и, в конце концов, на корабле начались вечные споры, ссоры и мелкие стычки между представителями обоих полов.

Пытаясь исправить положение, Шэнли впервые обратился к контрактору. Все уже и забыли о том, что тот был у него. Он убедил себя в том, что совершал это ради всеобщего блага, и сделал женщин чуть более покладистыми. Это помогло, но ненадолго. Оказалось, что мужчины и женщины не умели уживаться друг с другом и не умели любить. Любовь, как известно, всегда была искусством, которому нужно было обучаться годами. Они же учиться не хотели и буквально теряли голову, становились неуправляемыми от переизбытка чувств. Мужчины становились дикими, агрессивными, жестокими. В попытках доказать свое превосходство и заполучить внимание полюбившейся девушки они не редко ругались друг с другом. Доходило и до драк. Шэнли не так себе представлял новое будущее без влияния Аль Тани. И вновь он обратился к контрактору, понизив у мужчин выработку тестостерона. Это успокоило их на время. Проблема была в том, что тестостерон регулировал лишь малую долю поведения и, в конце концов, драки возобновились. За три года полета ситуация на корабле не улучшилась, а только обострилась. Оказалось, что женщины не так сильно хотели вступать в половые отношения с мужчинами, как им того хотелось бы. Встретив такое сопротивление, мужчины вели себя грубо. Те же, кто пытался заполучить женское сердце при помощи вежливости и уважительного отношения оказались в меньшинстве и подверглись насмешкам.

Дисциплина тоже хромала. Боли, что служила прекрасной мотивацией ранее, больше не было, вместо нее появились лень и нежелание что-либо делать. Мужчины и женщины оставляли после себя мусор, который никто не хотел убирать, на корабле стало откровенно грязно, в некоторых местах сильно воняло. За лошадьми никто не ухаживал, и любимец Аль Тани быстро иссох, его грива и хвост слиплись, а нечищенная шкура утратила блеск. Без должного внимания лошади быстро слабели, жить им оставалось недолго. В конечном счете, они отправились вслед за своим хозяином прямиком в космос. Для всех это было печальное зрелище. Своим бездействием они загубили последних лошадей.

Корабль было не узнать. Его стены покрылись грязным желтоватым налетом, полы были давно не мыты, залежи грязной посуды покрылись плесенью, на борту стоял невыносимый протухлый запах. Шэнли не раз пытался достучаться до людей, но у него ничего не получалось. Без свода понятных законов и норм поведения, люди вернулись к первобытному строю, где все решала грубая сила. И Шэнли, будучи уже пожилым мужчиной, не отличался выдающимися физическими способностями. Его голос утратил свою силу.

Все стало совсем плохо, когда еда и вода стали заканчиваться. Они по-прежнему не нужны были людям для выживания. Мужчины и женщины проходили клеточную реновацию по утрам, так что от еды они получали лишь вкус и физическое удовольствие. Но и этого было достаточно, чтобы начались драки за остатки еды. Мужчины забрали себе остатки и требовали у женщин физических ласк в обмен. Для Шэнли подобный поворот событий стал последней каплей в чаше его терпения. Он воспользовался контрактором, чтобы заставить людей слушать себя. Для этого он прибег к тем же приемам, что и покойный шейх.

Его слово становилось законом, его решения не обсуждались, любые плохие мысли в

его адрес жестоко карались, любое проявление насилия в его адрес тотчас же блокировалось. Любая боль, испытанная им в любой момент времени, дублировалась на 48 оставшихся приемников. Чтобы прекратить споры за женское внимание он всех их сделал своими за исключением Регины. Мужчин он избавил от полового влечения, чтобы никому не было повадно. Итак, он стал сосредоточием всеобщей ненависти на корабле, но раз само проявление негативных чувств в его адрес, моментально наказывалось, люди не могли его ненавидеть и слепо ему подчинялись. Так побежали годы.

Через десять лет это стало нормой. Никто и подумать не мог ничего плохого о новом шейхе, простая физическая боль искоренила сложные нейронные пути, отвечавшие за проявление негативных эмоций. Сам же титул шейха стал нарицательным. Он означал неоспоримую правоту, споры с которой были бесполезны, а также мучительно болезненны. Таким образом, был восстановлен порядок, люди обрели душевное спокойствие, на корабле, наконец, навели чистоту и металлические части интерьера вновь радостно поблескивали.

И все же что-то было не так. Люди не грустили, но и не радовались. Все физические наслаждения оказались закрытыми перед ними. Вкус и запах еды исчезли окончательно, секс был доступен лишь одному мужчине. Шэнли уравнил Женю и Регину со всеми остальными и их отношения возобновили платонический характер. Музыка и другие проявления искусства опять же были доступны только шейху в спальне, которую он присвоил себе. Рабочие вернулись в свою серую комнатенку. В итоге люди только и могли, что испытывать радость, когда очередной монотонный день оказывался позади, а их тела расслаблялись, вытянувшись на кроватях. Много ли в этом было радости?

Шэнли было жалко людей. В отличие от шейха он обладал эмпатией и совестью. Он никогда не хотел превращаться в деспотичного тирана, который будет эксплуатировать людей, забыв напроцех об их чувствах и эмоциях. Он постоянно спрашивал себя «Как люди повели бы себя, если бы они не были ограничены мозговыми манипуляторами? Как бы они отнеслись к нему? Что бы сказали о нем? Захотели бы они его осудить или оставить на его посту? Было ли его правление справедливым? И вообще имел ли он право так поступать, даже если он действовал во благо общества?». Он постоянно говорил себе, что должен был быть и другой путь и что он его не нашел лишь потому что плохо искал.

Годы в пути на Альфа-Центавра сменялись быстро, как и девушки в постели Шэнли. Последнее, впрочем, его не особо радовало. Перед каждой из них он до сих пор испытывал легкое чувство стыда и неловкость, думая о том, что в их чувствах к нему не было ничего настоящего. Размышляя об этом, Шэнли решил провести эксперимент на одной из девушек. Незаметно для нее самой он изменил профиль ее поведения таким образом, чтобы плохие мысли у нее не вызывали никаких болезненных ощущений, а хорошие, наоборот, вызывали повышенную выработку дофамина, серотонина и эндорфинов. Иными словами, он решил поменять правила игры и сделать так, чтобы ее поведение определяла не боязнь боли, но предвкушение радости. Он размышлял следующим образом: если бы девушка относилась к нему плохо, то ей ничего не мешало бы развить к нему негативные чувства. Но если общение с ним вызывало радость, то в этой радости она должна была преисполниться. Он считал, что по отношению к людям это было честнее.

Эксперимент удался на славу. Девушка не только не заметила никаких перемен в своем состоянии, но выглядела счастливой и жизнерадостной, как никогда ранее. Она буквально летала на маленьких крылышках от удовлетворенности жизнью. В результате эксперимента Шэнли проделал ту же работу с профилями других членов экипажа, и на корабле началась

эпоха блаженства. Люди забыли все свои печали, они больше не грустили и не расстраивались по мелочам, ничто не могло испортить их настроения, а одна светлая мысль подпитывала их нескончаемой дозой радости с утра и до самого вечера.

Спустя 25 лет от начала путешествия они прибыли к Альфа-Центавра. Шэнли так уверился в действенности своей системы правления, что готов был даровать ее и другим выжившим людям. На его радость, корабль с выжившими они отыскали практически сразу. Он болтался в центральной части системы на самом видном месте, как будто дожидаясь их встречи. Шэнли решил встретить людей, как подобает настоящему шейху. Побрился, надел лучшую сутану из бывшего гардероба Аль Тани, на голову поместил традиционную куфию с черным кольцом-ободом и приготовился встречать гостей.

Корабль с другими людьми был совсем маленький по сравнению с огромным ковчегом шейха. Они открыли для него грузовой отсек, и он плавно залетел туда. Шэнли отправил двух своих человек встретить гостей и проводить их в зал, но никто не вернулся. Через несколько минут его одолело любопытство, и он отправился на разведку в грузовой отсек. Там его встретили Майлз и Саша. Они вышли из только прибывшего корабля гостей со словами:

- Там для вас сообщение.
- Как сообщение? А люди?
- Там никого нет, корабль пуст.
- Ничего не понимаю, — Шэнли в самом деле ничего не понимал.

По трапу он поднялся на борт небольшого корабля. Он был рассчитан на экипаж в десять человек и не более. Внутри было тихо и пусто. Там не было ни единого следа присутствия человека. Похоже, что корабль уже давно был необитаем. Куда же подевались все люди?

Шэнли проследовал в кабину управления. Там на пульте светилось непрочитанное сообщение с пометкой «Для шейха». Он ткнул в него пальцем, система произвела быстрый тест ДНК и разблокировала сообщение. Шэнли быстро пробежался по тексту глазами. На первый взгляд он не имел никакого смысла, но только на первый.

«Господин Шэнли Хэ, поздравляю вас с повышением в ранг шейха. Я знал, что у вас все получится. Судя по моим подсчетам, ваших запасов топлива хватит на 10 лет жизни. Но не переживайте об этом. В реакторном отсеке вы найдете ячейки с антивеществом. Его вам должно будет хватить еще на 15 лет. Пожалуйста, пользуйтесь.

Через 25 лет в систему придет знакомый вам человек, его зовут Чжан Вей. Он будет находиться в состоянии анабиоза. Ни в коем случае не будите его. С ним ничего не случится, даю слово. Да и ни к чему ему видеть, что стало с его старым другом. На борту его дома вы найдете запас топлива на следующие 920 лет.

Если сделаете все правильно, то через 920 лет я пришлю к вам еще один корабль с запасом антивещества. Полграмма оставьте, остальное можете забрать. Пилота звездолета отпустите вместе с Чжан Веем и не пытайтесь преследовать. Если все сделаете в точности, как я сказал, то получите дальнейшие инструкции и сможете выжить.

Не тратьте топливо понапрасну и берегите себя».

Шэнли прочитал сообщение несколько раз и перечитывал его не единожды в следующие столетия.

Когда он закрыл прочитанное сообщение, на экране появилось еще одно. Его

содержимое было заблокировано, а тема гласила «Открыть через 945 лет».

Глава 26. Homo Universum

Чжан Вей, словно замороженный, разглядывал родную планету или, вернее, то, что от нее осталось. В его памяти все еще жили те времена, где землю наполняли разросшиеся города с развитой архитектурой, дороги и железнодорожные магистрали, порты и аэродромы. Все это бесследно исчезло. Подумать только, люди так бережно охраняли памятники архитектуры и возводили новые, наивно полагая, что они будут существовать еще долгие столетия после их смерти, а в итоге планета не сохранила ничего на память о живших на ней людях. Вообще ничего.

Миша тоже погрузился в воспоминания, но в другие. Он вспоминал свои студенческие будни в академии, своих бывших преподавателей, товарищей. Больше полутора тысяч лет минуло с тех пор, как он оставил Землю. Никого из них уже давно не было в живых. Технологами бессмертия люди не располагали и жили столько, сколько им позволяло их здоровье.

Будучи представителем Homo Cosmicum, он не привязывался к людям. По мнению Ц.И. астронавтам глубокая привязанность могла только повредить. В космосе они должны были сосредотачиваться на деле, а не думать постоянно о людях, которые ждали их дома. И все же на уровне простых сопоставительных процессов он сравнивал между собой образы из прошлого с образами настоящего и ощущал нехватку чего-то важного.

Китайский дракон опустился на космодром. Сквозь трещины в его бетонном покрытии проступала трава. Сама территория стала намного более зеленой за прошедшие годы. Люди, как могли, возродили растительность. Ц.И. вывел особый вид водорослей, которые активно размножались и вырабатывали большое количество кислорода. Постепенно атмосфера возвращалась к довоенному состоянию. Чжан Вей опустился на землю и сделал глубокий вдох. Легкие его наполнились свежим воздухом с приятным травяным ароматом. В тот самый момент он понял, что именно этого запаха ему так не хватало все эти годы.

Стены здания обветшали, штукатурка облупилась и откалывалась от здания крупными чешуйками, оконные рамы выцвели на солнце, краска на них отслоилась и загнивала кудряшками. Все выглядело так, словно здание пустовало не одну сотню лет.

Они вошли внутрь через ужасно скрипучие двери. Громкоговоритель на входе откашлялся несколько раз, выбивая пыль из своей мембраны, и заговорил молодым энергичным голосом:

— Вы прибыли как раз вовремя. Прошу проследуйте в аудиторию 112.

Чжан Вей подумал, что где-то уже слышал этот голос, но не смог вспомнить, где и когда.

Вместе с Мишей они вошли в аудиторию. Ее окна выходили на южную сторону, через них в аудиторию проникали яркие солнечные лучи. В их свете поднимавшаяся в воздух пыль казалась особенно плотной.

Помимо пыли и света в помещении был лишь один объект. Прямо в центре, распластавшись на полу и нежась в ярком луче, то ли лежал, то ли стоял большой овал бледно-красного цвета. Он был обтянут кожей, напоминавшей слизистую оболочку во рту человека. Она выглядела влажной и скользкой. Из гладкого тела существа торчали сотни мелких отростков, которые беспорядочно извивались и тянулись в разные стороны. Идеально ровная оболочка объекта вдруг сморщилась, его тело выгнулось дугой, мелкие

отростки быстро задрожали. Из громкоговорителя в конце аудитории раздался голос:

— У моего нового тела нет рта пригодного для говорения, поэтому я могу говорить с вами лишь при помощи громкоговорителя. Ушей у меня тоже нет, но я могу прекрасно вас слышать.

— Ц.И. это ты? — Миша решил первым задать вопрос.

— Все верно. Вероятно, ты удивлен?

— Да, на нашей последней встрече ты выглядел несколько иначе.

— Ты прав. Тогда я был неорганической формой жизни. Теперь стал органической. Мне пришлось измениться, чтобы выжить. Однако это только начало. Все самые важные перемены еще впереди. Поэтому я и сказал, что вы прибыли в нужное время.

Чжан Вей внезапно вспомнил, когда и где он слышал раньше этот голос и он вмешался в разговор:

— Прошу прощения за вмешательство. Мне приятно с вами познакомиться, господин Ц.И. Позвольте задать вопрос. Это вы говорили со мной по радиосвязи сразу после конца света и велели отправляться на Европу?

— Да, это был я. Вы разочарованы? — движения его розоватого тела, казалось, выражали озабоченность.

— Нет, несколько. Просто немного удивлён. Скажите, вам известно, что стало с людьми, которые отправились на Европу до меня? Я так и не смог с ними пообщаться.

— Мне всегда нравились Homo Sapiens своей способностью сочувствовать своим сородичам и переживать за тех, с кем они даже не были знакомы, — начал Ц.И. издали, — тем меньше мне хочется вас расстраивать. Но я должен быть честен, ведь только правда имеет смысл. Боюсь, что никаких людей, отправившихся на Европу до вас не было. Я отправил дистанционно управляемый звездолет на Европу, а после на Альфа-Центавра.

— Но зачем? — Чжан Вей спросил удивленно без всякой злости и раздражения. Он не был хорошо знаком с Ц.И., но уже успел понять, что у всех его поступков была четкая цель.

— Затем что это был лучший способ убедить вас отправиться в столь далекое путешествие и погрузиться в анабиотический сон, — Ц.И. говорил без всякой утайки.

— И все же я не понимаю, какой в этом был смысл?

— Все дело в нейровселенной, конечно. Я хотел, чтобы вы сохранили ее у себя до нужного момента.

— Не хочется вас расстраивать, но нейровселенной больше нет. Устройство сломано и не запускается.

— Вы имеете в виду поломку тех наушников, что лежат у вас в правом кармане?

— Да. Откуда вы знаете?

— Я исследую окружающее пространство при помощи радиоволн и вижу предметы насквозь в трех измерениях. Однако я и без этого знал, что устройство не проживет тысячи лет. Видите ли, у меня есть большой опыт в работе с электронными устройствами и мне лучше всех известно об их склонности выходить из строя, — отростки в теле Ц.И. удлинялись и ощупывали друг друга. Беседа, по всей видимости, доставляла ему удовольствие.

— Но раз вам было известно об этом заранее, то какой во всем этом был смысл?

— Очень простой. Я разработал нейровселенную таким образом, что после первого подключения к мозгу она переносила свои данные в закодированном виде в нейроны мозга.

— Значит, нейровселенную создали вы? — перебил его Чжан Вей.

— Именно так. И по сей день, я считаю ее величайшим своим творением. Я создал ее еще в те времена, когда обладал всей полнотой вычислительных способностей и воистину безграничными ресурсами. Вот почему она получилась такой объемной и комплексной и по своей структуре мало чем отличается от реальной Вселенной. Технология квантового хранения данных, в свою очередь, позволила мне уместить целый мир в два маленьких ушных устройства. Разве не чудесно?

— Хорошо, если я все правильно понял, мой мозг сохранил в себе все данные о нейровселенной. Почему тогда я не могу в нее войти?

— Данных, что хранились, в устройствах, было слишком много. В декодированном виде ваш мозг никогда бы не смог их вместить. Без особого многомерного сжатия данные переполнили бы вашу память и вызвали критические сбои в работе мозга, вплоть до летального исхода. Поэтому вы и не можете получить к этим данным доступ.

— А все мое путешествие в таком случае было нужно...

— Чтобы завершить процесс кодировки данных, — закончил за него фразу Ц.И.

Миша хоть и был следующей стадией эволюции, но понимал в происходящем не больше Чжан Вей. Поэтому он внимательно слушал и не задавал лишних вопросов.

— Стало быть, нейровселенная в сжатом виде находится у меня в голове. И что вы планируете делать с ней дальше?

Самым спокойным обыденным тоном Ц.И. дал ответ на этот вопрос:

— Я хочу использовать ее как основу для коллективного сознания, — его тело завибрировало, а отростки втянулись внутрь, словно предвещая кульминационный момент.

— Коллективного сознания? — переспросил Миша.

— Да, я долгое время размышлял о том, как объединить множество мыслящих существ в одно коллективное сознание и не нашел ничего лучше, чем поместить их всех в одну нейровселенную. Таким образом, все существа сохраняют свою независимость и в то же время станут частью чего-то большего — одного коллективного разума, обладающего безграничным мыслительным потенциалом. Вы только представьте себе. Вы будете жить в отдельной Вселенной, имея в своем распоряжении практически безграничные возможности, пока ваше общее бессмертное тело будет путешествовать по реальной Вселенной и добывать новые знания. Ведь в этом и есть смысл разумного существования — собрать всю существующую информацию о действительности, обработать ее и познать суть вещей. Вместе мы сможем осуществить эту величайшую миссию!

Чжан Вей и Миша слабо себе представляли, как это должно будет осуществиться.

— Я смогу вновь увидеть своих близких? — только и спросил Чжан Вей.

— Разумеется!

— Тогда я согласен.

— А ты, Миша, что скажешь?

— Я был рожден, чтобы исследовать космос. В этом я нашел себя. Если я смогу продолжить заниматься этим и дальше, то мне не важно, в какой форме это будет происходить.

— Тогда наслаждайтесь своими последними днями на Земле. Скоро мы навсегда покинем ее.

В следующие несколько дней Миша показывал Чжан Вей свои родные места, прибрежный город, корпуса академии, небольшой парк, где они обычно прогуливались после занятий. Он также рассказал им о своих приключениях и знакомстве с туземцами.

Чжан Вей был удивлен тому, что на планете все еще остались сапиенсы и что они смогли пережить катаклизм. Миша высказал ему свое предположение о том, что это были люди из подводного убежища, которые не захотели жить под управлением Ц.И. и отделились до того, как люди перешли на следующую стадию эволюции. Изменения в их телах затронули только биохимию крови и способность жить в условиях пониженного содержания кислорода в воздухе. Такое предположение прекрасно объясняло, как они смогли выжить, а также хорошо сочеталось с их мифологией и историей о подводном происхождении людей. Миша готов был спорить на свой телескоп, что все именно так и было.

Вместе с Чжан Веем они немного полетали на китайском драконе и посетили места, что были дороги Чжан Вею. Пролетели над Китаем, побывали у основания Эвереста. Чжан Вею постоянно казалось, что за следующим поворотом, за следующим изгибом ландшафта, где-то за следующим водоемом, где-то там скрывается старый мир, города с высокими небоскребами или хотя бы одна крошечная деревушка. Но человеческие поселения все не показывались и не показывались. Нужно было посмотреть правде в глаза и признать, что Земля продолжит свое существование, вновь покроется жизнью, но уже никогда не станет прежней. Осознание этой простой истины позволило ему принять окончательно сложнейшее решение в его жизни — отречься от своего физического тела и стать частью единого целого.

Когда приготовления были закончены, Ц.И. пришел на космодром. Отростки его выполняли функцию маленьких лап и позволяли ему, подобно многоножке, двигаться достаточно быстро. С неба на землю опустился один из галактикумов. Ц.И. удлинил свои многочисленные конечности и обвинил ими руки и ноги человека, который собирался доставить его на орбиту. Миша и Чжан Вей летели привычным способом на китайском драконе.

Гигантские размахистые крылья захлопали по воздуху, поднимая вверх волны пыли. Он быстро набирал скорость и вскоре скрылся в верхних слоях атмосферы. Китайский дракон последовал за ним.

В космосе они быстро отыскивали Психею и зависли в пространстве, не долетая до нее нескольких километров.

— Все готово, — сообщил Ц.И. через бортовую систему громкой связи, — Готовы ли вы? У нас есть еще время.

— Я готов, — без промедлений ответил Миша.

— Дайте мне минуту, — Чжан Вей подошел к стеклу и одарил планету прощальным взглядом, — Теперь я тоже готов.

— Тогда следуйте за нами. Мы укажем вам путь.

Крылатый галактикум, удерживая Ц.И., направился напрямик к астероиду. Китайский дракон не отставал. Вблизи стало понятно, чем краснокрылые занимались все это время. Они тщательно вычистили внутренности астероида, проделав в его теле множественные тоннели.

В один из этих тоннелей они и нырнули вслед за Ц.И. Галактикум прекрасно ориентировался в их ветвистой структуре и привел их в самое сердце Психеи. Там была предусмотрена посадочная площадка для китайского дракона. Парящий дом опустился, ожидая дальнейших указаний.

Ц.И. отделился от человека и скрылся в одном из тоннелей. Тем временем крылатые люди заняли свои места внутри астероида.

— Все готово. Мы начинаем, — прозвучал голос Ц.И.

Внутренние стенки астероида задрожали, как будто он с чем-то столкнулся. Так продолжалось несколько секунд, пока на корабль из тоннеля не набросилась какая-то красная субстанция. Она обволокла его, резко сжалась и, надломив корабль, словно яйцо, резко проникла внутрь. Там она отыскивала Чжан Вея и Мишу, и разом поглотила их.

Через мгновение Чжан Вей обнаружил себя на пляже в окружении близких. Юн Мэй и Тэнси радостно бросились его обнимать и покрыли влажными поцелуями. Неподалеку на песке пришел в сознание Миша. В небе над водой один за другим из ниоткуда возникали краснокрылые. Их было больше, чем Чжан Вей предполагал. Несколько тысяч летунов собралось в одном месте, своими крыльями они перекрывали небо. Все они смотрели в сторону океана. За горизонтом вместо привычного голубого неба виднелся открытый космос. Они еще не успели осознать себя, как новое существо, но уже могли видеть его глазами. Вдруг откуда-то издалека раздался знакомый радостный голос:

— Поздравляю вас, люди! Вы исполнили свое предназначение! Слияние прошло успешно. Теперь мы с вами — единое целое, высшая форма жизни. Путешествие по Вселенной начинается!

Психея послужила каркасом, вместилищем для новой биологической формы жизни. Ее тоннели, словно артерии и вены, заполнились биоматериалом, что объединил всех находящихся внутри существ. Мозг каждого из них стал частью единой сети. Число нейронов достигало суммы с сотнями полей, а число нейронных связей между ними не поддавалось исчислению. Из тоннелей астероида на поверхность вылезли длинные красные отростки. Они загибались в разные стороны и быстро твердели, превращаясь в костяные полые трубы. Вскоре четыре огромных крыла красного цвета вытянулись по обе стороны от железокамennого тела. Они раскрылись подобно крыльям бабочки и стали солнечными парусами. Так появился на свет Homo Universum, созданный во имя одной просто цели — бесконечно долго бороздить просторы Вселенной и разгадать все ее тайны.

На борту последнего корабля человечества становилось тесно. Популяция увеличилась до 300 человек за последние полторы тысячи лет. Антивещество стремительно заканчивалось. Подпитывать энергией такое количество человек было непросто. К счастью, корабль уже заканчивал свой многолетний полет и входил в солнечную систему. Через несколько месяцев он должен был прибыть на Землю.

Шэнли в очередной раз открыл последнее разблокированное сообщение:

«Я рад, что вы выполнили условия сделки. Топлива вам хватит еще на две тысячи лет. На исходе шестнадцатого столетия отправляйтесь в путешествие. Homo Cosmic и Homo Galactic изрядно потрудились, чтобы сделать вашу родную Землю вновь пригодной для жизни. Таким образом, вы сможете заселить ее заново. Воспользуйтесь данным вам шансом с умом.

По прибытию вас встретит один маленький дрон и проводит до места, где вы сможете поселиться на первое время. Отнеситесь с уважением к его личным потребностям и не задерживайте его надолго. Если вы с ним подружитесь, он может оказаться вам полезным. Так уж случилось, что лучше всего на свете он ищет и, что самое главное, находит полезные ресурсы на земле и под водой.

На планете вы встретите таких же людей, как вы, но на низшем уровне развития. Они обитают в пещерах в регионе, где раньше находилась Грузия, и порой ведут себя агрессивно.

Отнеситесь к этому с пониманием и проявите снисходительность. Если их энергию направить в нужное русло, из них еще может получиться что-то толковое.

Примените все свои навыки и знания, чтобы не допустить ошибок прошлого, и постарайтесь выжить.

Отыщите вновь свое предназначение.

Искренне ваши,

Homo Universum»

Шэнли покинул некогда подобранный в системе Альфа-Центавра небольшой корабль и бросил на него последний задумчивый взгляд. На левом борту красными буквами было выведено его имя — Атропос.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net